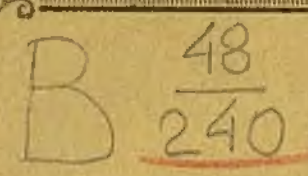
B 48/240

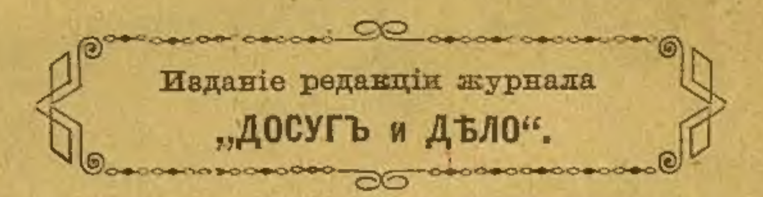

КАВАЛЕРИСТЪ ДѢВИЦА

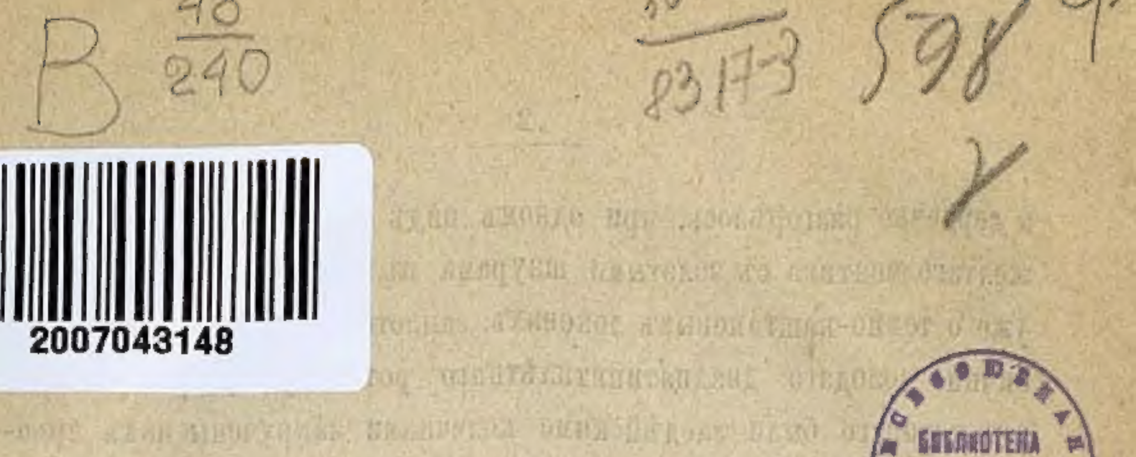
Александровъ-Дурова.

СОСТАВИЛЪ

В. Байдаровъ.

Изданіе редакціи журнала
„ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., № 39
1887.

ГЛАВА I.

Дѣтство и первые годы юношества дѣвицы Дуровой.

Въ Надеждѣ Андреевнѣ Дуровой была кровь чисто-русская по отцѣ Андреѣ Васильевичѣ Дуровѣ, ирбитскомъ уроженцѣ. По матери же Надежда Дурова была малороссіянка Полтавской губерніи Кобелякскаго повѣта (уѣзда). Мать ея, Марѳа Тимоѳеевна Александровичъ, была одна изъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ своей мѣстности и даже въ окрестныхъ уѣздахъ Полтавской губерніи. Въ 1788 году панночкѣ Марѳѣ Александровичъ было пятнадцать лѣтъ, и уже женихи густою толпою слетались отовсюду искать руки этой писаной красавицы и весьма не бѣдной невѣсты. Но изъ всего множества искателей руки Марѳы Тимоѳеевны, сердце ея отдало преимущество Ахтырскаго гусарскаго, квартировавшаго въ Кобелякскомъ повѣтѣ, полка ротмистру и эскадронному командиру Андрею Васильевичу Дурову, красавцу изъ красавцевъ, хвату изъ хватовъ и самому что ни было чистокровному гусару тѣхъ временъ.

Въ такомъ видѣ сохранился не одинъ портретъ масляными красками или цвѣтными карандашами. Въ столицахъ въ ту пору молодыя дѣвушки отъ гусаровъ съ ума сходили. Мудрено ли послѣ этого, что умишко юной пятнадцатилѣтней хохлушечки помрачился,

а сердечко разгорѣлось, при одномъ видѣ коричневаго долмана и желтаго ментика съ золотыми шнурами въ выкрутасахъ, не говоря уже о темно-каштановыхъ локонахъ, заплетенныхъ по формѣ въ косички молодаго двадцатипятилѣтняго ротмистра Дурова, тонкіе усы котораго были злодѣйскими колечками закручены надъ яркоалыми губами. Однако, къ несчастію панночки, выборъ ея сердца не былъ выборомъ отца ея, гордаго, властолюбиваго малороссійскаго барина, который велъ свой родъ изъ чубатаго и упрямаго Запорожья.— Панъ Тимоѳій сказалъ своей дочуркѣ, чтобъ она выбросила изъ своей головки мысль выдти замужъ за *москаля*, а особливо за военнаго, котораго, того и смотри не то турецкая, не то польская пуля укокошатъ, и молоденькую жинку сдѣлаютъ молоденькою вдовушкою. Дѣдъ Надежды Андреевны былъ человѣкъ твердый: если онъ что нибудь приказывалъ, надобно было слѣпо повиноваться, и не было никакой возможности ни умилостивить его, ни перемѣнить однажды принятаго имъ рѣшенія. Слѣдствіемъ этого было однако то, что въ одну бурную осеннюю ночь панночка Марѳа Александровичъ, спавшая въ одной горницѣ со старшей своею сестрой, встала тихонько съ постели, одѣлась, и взявъ капотъ и капоръ, въ одныхъ чулкахъ, утаивая дыханіе, прокралась мимо сестриной кровати, отворила тихо двери въ смежную залу, тихо затворила, проворно перебѣжала залу, и, отворивъ дверь на террасу въ садъ, какъ стрѣла изъ лука пущенная полетѣла по длинной каштановой аллеѣ, оканчивавшейся у самой калитки. Будущая мать Надежды Дуровой поспѣшно отперла эту маленькую дверь и бросилась въ объятія красиваго ротмистра, ожидавшаго ее съ коляскою, запряженною лихою четвернею степняковъ въ рядъ и эта четверня, мигомъ подхвативъ, подобно вѣтру, тогда бушевавшему, понесла счастливую чету влюбленныхъ по кіевской дорогѣ.

Въ первомъ же селѣ они обвѣнчались, и поѣхали прямо въ Кіевъ, гдѣ квартировалъ Ахтырскій гусарскій полкъ.

Конечно, поступокъ дѣвицы Александровичъ, хотя и могъ быть извиняемъ неопытною и вѣтреною молодостстью, подъ вліяніемъ чтенія тогдашнихъ амурныхъ романовъ, а также страстною любовью и положительными достоинствами и качествами молодаго Дурова, былъ такъ противенъ патріархальнымъ малороссійскимъ нравамъ, что дѣдъ Надежды Андреевны, въ первомъ порывѣ своего гнѣва, проклялъ дочь свою, пятнадцатилѣтнюю Мароушу.

Впродолженіе двухъ первыхъ лѣтъ послѣ этого замужества, мать Надежды Андреевны не переставала писать къ отцу своему и слезно умолять его о прощеніи; но тщетно: онъ ничего слышать не хотѣлъ, и гнѣвъ его возросталъ, по мѣрѣ того какъ старались смягчить его. Родители Надежды Андреевны, потерявшіе уже всякую надежду умилостивить человѣка, почитавшаго упорство самою высокою христіанскою добродѣтелью, покорились—было своей участи, переставъ вовсе писать неумолимому отцу. Но беременность Мареы Тимофеевны оживила угасшее мужество ея; она стала надѣяться что рожденіе ею ребенка возвратитъ ей милости отцовскія.

Мать Надежды Андреевны страстно желала имѣть сына, и во все продолженіе беременности своей одушевлялась самыми обольстительными надеждами. Она говорила: „У меня родится сынъ, прекрасный какъ амуръ! Я дамъ ему имя Владиславъ или Вячеславъ, или Ростиславъ. Сама буду кормить его, сама стану воспитывать, учить, и мой милый Ростя или Владя будетъ сладкою утѣхою всей моей жизни....“ Такъ мечтала мать Надежды Андреевны, нося ее въ утробѣ своей. Но приближалось роковое время, и муки, предшествовавшія рожденію нашей героини, удивили юную женщину самымъ непріятнымъ образомъ: онѣ не имѣли мѣста въ розовыхъ мечтахъ ея и произвели на нее первое невыгодное для будущаго ребенка впечатлѣніе. Оказалось необходимымъ, не довольствуясь мѣстной повитухой, пригласить акушера, который нашелъ нужнымъ пустить кровь роженицѣ. Мать Надежды Андреевны чрезвычайно ис-

*

пугалась этого; но нечего было дѣлать: чтобъ не умереть, надо было покориться необходимости. Кровь пустили, и вскорѣ послѣ этой операціи, на свѣтъ явилась Надежда Андреевна, которой судьбою суждено было проявить себя въ жизни столь необыкновенно и странно. Но появленіе ея на свѣтъ Божій ниспровергло всѣ мечты и надежды ея матери.

— Подайте мнѣ дитя мое! сказала Марѳа Тимоѳеевна Дурова, какъ только чуть-чуть оправилась отъ боли и страха. Дитя принесли и положили на одѣяло ей на колѣни. Но, увы! это не сынъ Владиславъ или Ростиславъ, прекрасный какъ день!—Это дочь, и дочь-то *богатырь*: Надежда Андреевна при рожденіи была необычайной величины младенецъ, при чемъ имѣла черные, какъ у крымскаго барашка, курчавые волосы, и орала на весь домъ и на сосѣдніе дома. Мать оттолкнула ее съ колѣней и отвернулась къ стѣнѣ.

Черезъ нѣсколько дней госпожа Дурова выздоровѣла, и, уступая совѣтамъ полковыхъ дамъ, своихъ пріятельницъ, рѣшилась сама кормить новорожденную дочь. Онѣ говорили ей, что мать, которая кормитъ грудью свое дитя, черезъ это самое начинаетъ любить его. Надю принесли; мать взяла ее изъ рукъ мамки, положила къ груди и давала ей сосать грудь; но видно уже тогда малютка чувствовала, что не материнская любовь даетъ ей пищу, а потому, не смотря на всѣ усилія заставить ее взять грудь, не брала ее. Мать думала преодолѣть ея упрямство терпѣніемъ, и продолжала держать малютку у груди; но, соскучившись тѣмъ, что дитя долго не беретъ соска, перестала смотрѣть на свою дочку и начала разговаривать съ бывшею у нея въ гостяхъ дамою. Въ это время, Надя, какъ видно, руководимая судьбою, назначавшею ей *солдатскій мундиръ*, схватила вдругъ крѣпкими деснами своими грудь матери и сильно стиснула сосокъ. Мать испустила пронзительный крикъ, отдернула мла-

денца отъ груди, и бросивъ въ руки мамки, упала лицомъ въ подушки.

— Отнесите, отнесите съ глазъ моихъ этого мерзкаго ребенка, и никогда мнѣ не показывайте, говорила мать Надежды Андреевны, махая рукою и закрывая себѣ голову подушкою.

Надеждѣ Андреевнѣ минуло четыре года, когда ахтырцы получили приказаніе идти въ Херсонъ. Такъ какъ это былъ домашній, внутренній, а не боевой походъ, то Андрей Васильевичъ взялъ семейство съ собою, то есть жену уже съ тремя малютками: кромѣ Нади, была у ней сестренка Люба и братишка Вася. Люба и Вася были въ каретѣ съ матерью подъ личнымъ ея надзоромъ, а нелюбимая Надя была поручена надзору горничной — крѣпостной дѣвки, которая сидѣла также въ каретѣ, держа Надю на колѣняхъ, и только на ночлегахъ она отдыхала, потому что ее отдавала какой-нибудь крестьянкѣ. Такимъ образомъ, у Нади, при каждомъ переходѣ, была новая нянька.

Но, странное дѣло, ни отъ перемѣнныхъ кормилицъ, ни отъ мучительнаго пеленанья, здоровье дѣвочки-богатырки не разстроилось. Она была необыкновенно крѣпка и бодра, но только до невѣроятности криклива.

Въ одинъ какой-то злосчастный для Нади день, какими, впрочемъ, не бѣдна была жизнь дѣвочки, Мареа Тимоѳеевна была въ весьма дурномъ духѣ. Надя не дала ей спать всю ночь; въ походъ вышли на зарѣ, мать было—расположилась заснуть въ каретѣ, но Надя опять ударилась въ слезы, сопровождаемыя воплемъ, и, не смотря на всѣ старанія няньки утѣшить ее, орала во всю ивановскую—все громче и громче. Это переполнило мѣру досады матери; она вышла изъ себя, и, выхвативъ дитю изъ рукъ няньки, выбросила въ открытое окно кареты.

Гусары, при видѣ этого, вскрикнули отъ ужаса, бросились съ коней и подняли несчастную малютку всю окровавленную и непода-

вавшую никакого признака жизни. Они понесли было четырехлѣтнюю дѣвочку снова въ карету, но отецъ ея Андрей Васильевичъ, подскакавъ къ нимъ, взялъ раненную дочку изъ рукъ ихъ и, обливая ее горячими слезами, положилъ себѣ на сѣдло. Онъ дрожалъ, плакалъ, былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, ѣхалъ шагомъ, не говоря ни слова и не поворачивая головы въ ту сторону, гдѣ ѣхала его сумасбродная жена. Однако, къ удивленію всѣхъ, Надя возвратилась къ жизни, и сверхъ всякаго чаянія, не была изуродована. Только отъ сильнаго ушиба шла у дитяти кровь изъ рта и носа. Отецъ съ радостнымъ чувствомъ благодарности поднялъ глаза къ небу, прижалъ малютку къ груди своей, и, приблизясь къ каретѣ, сказалъ женѣ своей:

— Благодари Бога, что ты не сдѣлалась дочереубійцею! Дочь наша жива; но я уже не отдамъ тебѣ ее во власть; я самъ займусь ею и буду ей и отцомъ и матерью.

Сказавъ это, поѣхалъ онъ прочь отъ кареты, не обращая вниманія на крики и вопли жены, и до самаго ночлега везъ дитя съ собою, не обращая ни взора, ни словъ къ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ.

Съ этого достопамятнаго дня въ жизни Надежды Дуровой, отецъ ввѣрилъ дочь свою Божьему промыслу и смотрѣнію флангового гусара Астахова, находившагося неотлучно при ротмистрѣ, какъ на квартирѣ, такъ и въ походѣ. Надя только по ночамъ бывала въ комнатѣ матери; но какъ только отецъ вставалъ, тотчасъ уносили ее къ отцу. Усатый воспитатель Астаховъ по цѣлымъ днямъ носилъ дѣвочку на рукахъ, при чемъ ходилъ съ нею въ эскадронную конюшню, сажалъ на хребты лошадей, давалъ играть незаряженнымъ пистолетомъ, махалъ передъ ея глазами лезвеемъ сабли, и малютка хлопала въ ладоши и хохотала при видѣ блестящей стали. Вечеромъ онъ приносилъ Надю къ музыкантамъ, игравшимъ передъ зарею разныя штучки, которыя она слушала и наконецъ засыпала. Только сонную и можно было отнести ее въ горницу;

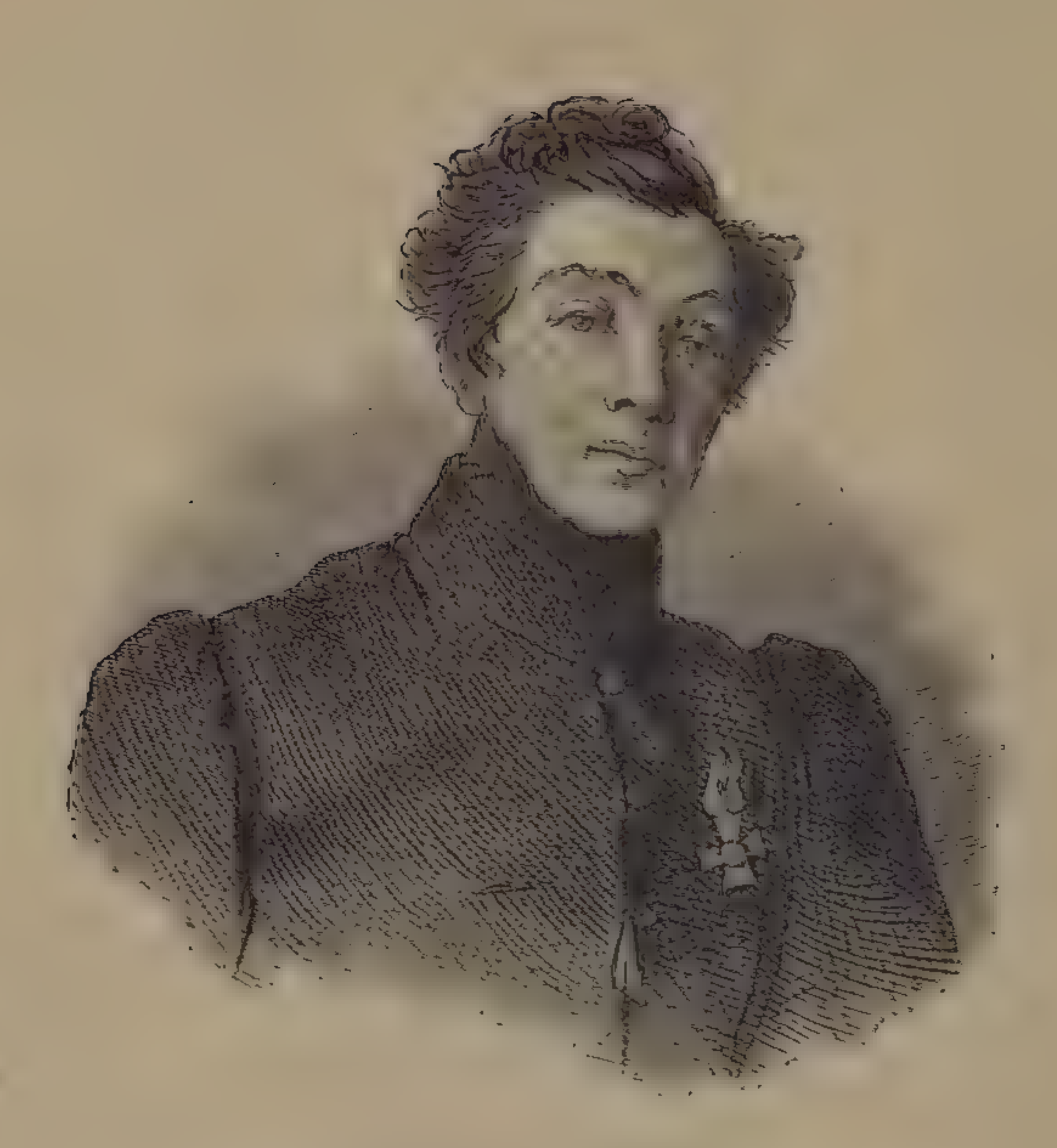
но когда она не спала, то при одномъ видѣ материной комнаты, она обмирала отъ страха и съ воплемъ хваталась обѣими руками за шею Астахова. Мать же со времени воздушнаго путешествія Нади изъ каретнаго окна, не вступалась уже ни во что до нея касающееся и имѣла для своего утѣшенія другую дочь, по справедливости, прелестную какъ амуръ, въ которой она, какъ говорится, души не слышала.

Надинъ дѣдъ, характерный и самодурный хохолъ, вскорѣ по рожденіи этой первой внучки, простилъ ея мать, свою дочь Маѳу Тимоѳеевну, и совершилъ это весьма торжественнымъ образомъ. Онъ нарочно поѣхалъ въ Кіевъ, просилъ тамошняго митрополита разрѣшить его отъ необдуманной клятвы,—не прощать никогда дочь свою за ея легкомысленный поступокъ, къ счастью не имѣвшій бѣдственныхъ для нея послѣдствій, такъ какъ мужъ ея оказался весьма честнымъ и благороднымъ человѣкомъ. Затѣмъ, старикъ Александровичъ получилъ пастырское разрѣшеніе и, по полученіи его, написалъ къ Маѳѣ Тимоѳеевнѣ, что прощаетъ ее, благословляетъ бракъ ея и рожденное отъ брака этого дитя. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ приглашалъ дочь и зятя пріѣхать къ нему, какъ для того, чтобы лично принять благословеніе отца, такъ и для того, чтобы получить ей свою часть приданаго. Надина мать не имѣла возможности воспользоваться этимъ разумнымъ приглашеніемъ до самаго того времени, какъ мужъ ея, т. е. отецъ нашей Надежды Андреевны, Андрей Васильевичъ Дуровъ не оставилъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, гусарскую почти разорительную въ тѣ времена службу и не получилъ мѣсто городничаго въ Ирбитѣ. Надеждѣ Андреевнѣ было четыре съ половиною года, когда Андрей Васильевичъ, простясь съ долманомъ и ментикомъ, оставилъ службу и отправился въ имѣніе своего отца, богатаго помѣщика села Старо-Дурова.

Старикъ Василій Тихоновичъ Дуровъ полюбилъ всю семью своего сына отставнаго гусара, почему Маѳа Тимоѳеевна съ дѣтками

своими жила то въ городѣ Ирбитѣ съ мужемъ, то у добраго и веселаго свекра въ его Старо-Дуровѣ, какъ говорится, припѣваючи.

Взявъ Надю изъ рукъ флангового гусара Астахова, Мароа Тимофеевна не могла уже ни одной минуты быть ни покойна, ни весела, потому что совсѣмъ огусарившаяся Надя всякій день сердила ее странными своими, иногда очень забавными, выходками и особенно несвойственнымъ дворянской дѣвочкѣ удальствомъ и какимъ-то рыцарствомъ. Она твердо знала всѣ командныя слова, любила до безумія лошадей, и когда ея мать хотѣла заставить ее вязать чулокъ или шнурокъ, то она съ плачемъ просила, чтобъ мамаша вмѣсто нитокъ и вязальныхъ иголокъ дала ей пистолетъ, чтобъ пощелкать имъ. Однимъ словомъ, дѣвочка воспользовалась какъ нельзя лучше гусарскимъ воспитаніемъ, даннымъ ей Астаховымъ. Съ каждымъ днемъ воинственныя наклонности ея усиливались, и съ каждымъ днемъ мать все болѣе и болѣе не любила ея. Надя ничего не забыла изъ того, что пріобрѣла отъ Астахова и, находясь безпрестанно въ Херсонѣ съ гусарами, она бѣгала и скакала по горницѣ во всѣхъ направленіяхъ, крича во весь свой звонкій и рѣзкій голосишко: „*Эскадронъ! Направо заѣзжай! Съ мѣста! Маршъ! Маршъ!*“ Тетки ея, сестры отца, хохотали всему этому чуть не до упада, а мать, которую все это приводило въ отчаяніе, не знала границъ своей досадѣ, уводила мальчишествующую дочь въ комнату, ставила въ уголъ на колѣни и бранью и угрозами заставляла горько плакать. При этомъ Мароа Тимоѳеевна, кажется, дѣлала, въ отношеніи нелюбимой ею дочери все то, что могло усилить и утвердить и безъ того непреоборимую страсть ея къ свободѣ и военной жизни: она не позволяла ей гулять въ саду, запрещала ей отлучаться отъ себя даже на полчаса; бѣдная дѣвочка принуждена была день-деньской сидѣть въ комнатѣ и плесть кружева; она сама настоятельно учила ее шитью, вязанью и видя, что дѣвочка не имѣетъ ни охоты, ни склонности къ этимъ

КАВАЛЕРИСТЪ ДѢВИЦА.

Александровъ — Дурова.

упражненіямъ, что все въ рукахъ ея рвется и ломается, она сердилась, выходила изъ себя и била очень больно дочурку по рукамъ.

Такъ шли невеселые для Нади годы. Она не успѣла и оглянуться, какъ уже ей было 10 лѣтъ въ 1799 году. Въ это время мать ея имѣла неосторожность часто говорить при дочери, что она окончательно выбилась изъ силъ, управляясь съ бывшею воспитанницею Астахова, гусарское воспитаніе котораго пустило слишкомъ глубокіе корни, что огонь глазъ ея ее пугаетъ и что она желала бы лучше видѣть ее мертвою, нежели съ такими ужасными наклонностями. Отецъ на всѣ эти жалобы отвѣчалъ, что Надя еще дитя, что не должно обращать на нее вниманія, давая ей свободно развиваться, въ полной увѣренности, что съ лѣтами она получитъ другія наклонности и все пройдетъ само собою.

— Не приписывай, Бога ради, этому ребячеству, другъ мой, какой-либо важности! говорилъ благодушно отецъ.

Судьбѣ, однако, угодно было, чтобъ Надина мать не повѣрила доброму совѣту своего мужа... Она продолжала держать дѣвочку въ заперти и не дозволять ей ни одной юношеской радости. Надежда упорно молчала и покорялась наружно; но угнетеніе дало зрѣлость уму ея; она приняла твердое, непоколебимое намѣреніе свергнуть тягостное иго, и, какъ взрослая, начала обдумывать планъ для исполненія. Она рѣшилась употребить всѣ способы выучиться въ совершенствѣ ѣздить верхомъ, мастерски стрѣлять изъ ружья, карабина и пистолета, а затѣмъ, переодѣвшись мужчиной, уйти изъ родительскаго дома, который ей казался хуже тюрьмы. Чтобы начать приводить въ дѣйствіе замышляемый переворотъ въ ея жизни, она не пропускала ни одного удобнаго случая укрыться отъ бдительнаго надзора матери. Эти случаи представлялись всякій разъ, какъ къ ея матери пріѣзжали гости; она занимались ими, а Надежда, не помня себя отъ радости, бѣжала въ садъ къ своему драгоцѣнному арсеналу, то есть забиралась въ темный уголъ за кустарникомъ, гдѣ храни-

лись ея стрѣлы, лукъ, какая-то заржавленная сабля и изломанное ружье. Тутъ Надежда Дурова забывала цѣлый свѣтъ, занимаясь своимъ оружіемъ, и только пронзительный крикъ ищущихъ повсюду ее служанокъ заставлялъ ее съ испугомъ бѣжать имъ на встрѣчу. Служанки отводили бѣглянку въ горницу, гдѣ всегда ожидало ее наказаніе. Такимъ образомъ минуло еще два года, и Надеждѣ совершилось 12 лѣтъ. Она вошла въ возрастъ уже не дѣтскій, а почти юношескій. Въ это время Андрей Васильевичъ случайно купилъ прелестнаго караковаго карабахской чистой породы жеребчика почти дикаго и неукротимаго. Чуть не съ колыбели страстный кавалеристъ, Дуровъ, одаренный силою и ловкостью необыкновенными, былъ берейторомъ на чудо, почему взялся самъ за выѣздку высокопородистаго и изящнаго тонкокостнаго, со всѣми задатками арабской крови, *Алкида* (такъ онъ назвалъ новаго своего коня). Принявшись за это дѣло съ любовью и съ толкомъ, Андрей Васильевичъ въ короткое время совершилъ чудо, доведя своего Алкида изъ свирѣпаго звѣря, какимъ онъ былъ, до кротости ягненка и смышленности лягавой собаки. Тогда всѣ планы, намѣренія и желанія Надежды сосредоточились на этомъ конѣ; она рѣшилась изъ невозможнаго сдѣлать возможное, чтобъ вполнѣ пріучить Алкида къ себѣ, въ чемъ превозмогая бездну трудностей, и успѣла таки; она давала жеребчику этому хлѣбъ, сахаръ, соль; доставала тихонько овесъ у кучера и насыпала въ ясли. Она постоянно гладила, ласкала, цѣловала Алкида, говорила съ нимъ, словно съ существомъ одной съ нею породы и, наконецъ, какъ многими и многими опытами доказано самымъ убѣдительнымъ образомъ, что кроткимъ обращеніемъ можно лучше всего дрессировать животныхъ, особенно животныхъ чистокровныхъ и породистыхъ, — Надежда достигла того, что Алкидъ безпрекословно повиновался ея голосу и ходилъ за нею какъ самая кроткая овечка.

Почти каждый день Надежда вставала на зарѣ, уходила поти-

хоньку изъ комнаты и бѣжала стремглавъ въ конюшню. Алкидъ встрѣчалъ ее ржаніемъ, она давала ему хлѣба, сахара и выводила его на дворъ; потомъ она подводила коня, воспитанника своего, къ крыльцу и со ступеней садилась ему на спину, большею частью по-мужски, т. е. верхомъ, загнувъ юбки своего платья. Быстрыя, порывистыя движенія коня, прыжки, сердитый храпъ нисколько не пугали эту безстрашную дѣвушку: она держалась за гриву и позволяла коню скакать съ нею по всему обширному двору, не опасаясь быть вынесенною за ворота, потому что ворота были уже заперты. Разъ случилось, что забава эта внезапно прервалась съ появленіемъ старшаго отцовскаго кучера, который, вскрикнувъ отъ удивленія и ужаса, спѣшилъ остановить галопировавшаго съ отчаянной барышней Алкида; но конь закрутилъ головой, взвился на дыбы какъ свѣчка и пустился скакать по двору, прыгая и поддавая страшныхъ козловъ. Къ счастью Надежды, обмершій отъ страха, старшій кучеръ Ефимъ потерялъ употребленіе голоса, безъ чего крикъ его непремѣнно встревожилъ бы весь домъ и навлекъ бы ей жестокое наказаніе. Надежда легко усмирила Алкида: лаская его голосомъ, трепля и гладя рукою, она заставила его пойти шагомъ, и когда она обняла толстую шею его и прислонилась къ ней лицомъ, то онъ тотчасъ остановился какъ вкопанный, потому что такимъ образомъ она всегда съ него сходила, или, лучше сказать, сползала съ него. Тогда Ефимъ подошелъ близко, чтобы взять коня и, бормоча сквозь зубы, что онъ непремѣнно скажетъ объ этомъ барынѣ. Но Надежда обѣщала отдавать ему всѣ свои карманныя деньги, если онъ никому объ этомъ не скажетъ и позволитъ ей самой отвести Алкида въ конюшню. При этомъ серьезномъ обѣщаніи Надежды Андреевны лицо Ефима прояснилось, онъ усмѣхнулся, погладилъ бороду и сказалъ: «Ну, извольте ужь, ежели этотъ пострѣлъ васъ больше чѣмъ меня слушается!» — Она затѣмъ, взявъ Алкида за чолку, въ торжествѣ повела его въ конюшню и, къ удивленію Ефима, дикій конь шелъ за нею смирно,

и сгибая шею, наклонялъ къ ней голову, легонько захватывая губами ея волосы или играючи кусалъ въ плечо.

Съ каждымъ днемъ Надежда дѣлалась смѣлѣе и предпріимчивѣе, и, исключая гнѣва своей матери, ничего на свѣтѣ не боялась. Ей казалось весьма страннымъ, что сверстницы ея боялись оставаться однѣ въ темнотѣ; она же, напротивъ, готова была въ глубокую полночь идти на кладбище, въ лѣсъ, въ пустой домъ, въ пещеру, въ подземелье. Однимъ словомъ, не было мѣста, куда бъ она не пошла ночью такъ-же смѣло, какъ и днемъ. Она съ малолѣтства жаждала опасностей, желала бы быть окружена ими, искала бы ихъ, еслибъ имѣла хотя малѣйшую свободу; но неусыпное око матери ея слѣдило каждый шагъ, каждое движеніе ея.

Разъ какъ-то Марѳа Тимоѳеевна поѣхала съ знакомыми дамами гулять въ густой боръ за рѣку Каму, и взяла Надежду съ собою, для того, какъ она говорила, чтобы она не сломила себѣ головы, оставшись одна дома. Это было въ первый разъ въ жизни ея, что вывезли ее на просторъ, гдѣ она видѣла и густой лѣсъ и обширныя поля, и широкую рѣку Каму. Она едва не задохлась отъ радости, и только что все общество вошло въ лѣсъ, какъ Надежда, не владѣя собою отъ восхищенія, въ ту же минуту убѣжала, и бѣжала до тѣхъ поръ, пока голоса компаніи сдѣлались не слышны. Тогда-то радость ея была полная и совершенная: она бѣгала, прыгала, рвала цвѣты, взлѣзала на вершины высокихъ деревъ, чтобы далѣе видѣть, взлѣзала на тоненькія березки и, схватясь за верхушку руками, соскакивала внизъ, и согнувшееся молодое деревцо легко ставило ее на землю. Два часа пролетѣли какъ двѣ минуты. Между тѣмъ ее искали, звали въ нѣсколько голосовъ. Она, однако, хоть и слышала ихъ, но какъ ей было разстаться съ плѣнительною свободою! Наконецъ, чрезвычайно уставши, она возвратилась къ обществу. Ей не трудно было найти этихъ барынь и барышень, потому что голоса, звавшіе ее, не умолкали. Всѣ были въ страшномъ безпокойствѣ.

Дамы и дѣвицы вскрикнули отъ радости, увидѣвъ ее, и говорили, что благодарить надо Бога, что она не сдѣлалась жертвою волковъ. А Надежда на это только отвѣчала:

— Э! коли волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить!

Но мать ея, убѣдясь, что она не заплуталась, а ушла добровольно пришла въ сильнѣйшій гнѣвъ. Она рѣзко толкнула ее въ спину и назвала *проклятою тварью*, заклявшеюся бѣсить ее всегда и вездѣ. При этомъ она восклицала:

— Не даромъ проклятіе отца пало на меня въ то время, какъ я въ утробѣ моей носила этого сатанинскаго звѣренка.

Когда онѣ возвратились въ Ирбитъ въ городническій домъ, то Маrѳа Тимоѳеевна схватила Надежду за ухо и страшно до крови дергая лѣвое ухо, дотащила ее черезъ нѣсколько комнатъ до своей спальни, гдѣ, толкнувъ къ подушкѣ съ кружевомъ, приказала ей работать, не раздѣваясь и не поворачивая головы.

— Вотъ я тебя, гадина, привяжу на веревку, и буду кормить однимъ черствымъ хлѣбомъ и поить водою!

Сказавши это, она пошла къ отцу, къ доброму Андрею Васильевичу, слишкомъ занятому въ ту пору службою своею и различными увеселеніями, до которыхъ онъ, по гусарской привычкѣ, былъ страстный любитель. Она горько жаловалась мужу на дочь, называя бѣготню ея по лѣсу чудовищнымъ поступкомъ; онъ же говорилъ, что это довольно естественное увлеченіе юности, лишенной необходимой и благоразумной свободы. Но онъ только говорилъ, а мать, одаренная сумасброднымъ характеромъ своего родителя-самодура, полтавскаго помѣщика, пана Александровича, слова свои приводила въ жестокое дѣйствіе, почему Надежда осталась перебирать коклюшки, ставить булавки и думать съ горькимъ упоеніемъ о прекрасной природѣ, въ первый разъ еще порядочно видѣнной ею во всемъ ея величіи и красотѣ. Съ этого дня надзоръ и строгость

матери ея, хотя сдѣлались еще неусыпнѣе, но не могли уже ни устрашать, ни удержать ее.

Отъ утра до поздняго вечера сидѣла она за работою, которой, надобно признаться, ничего въ свѣтѣ для нея, свободолюбивой дѣвушки, не могло быть гаже, потому что она не могла, не умѣла и, наконецъ, главное, не хотѣла умѣть дѣлать эту работу, какъ другія, по рвала, портила, путала, и передъ нею стоялъ холстинный шаръ, на которомъ тянулась полосою отвратительная путаница — *ея кружево*, и за нимъ-то она сидѣла терпѣливо цѣлый день, терпѣливо потому-что планъ ея уже былъ готовъ и намѣреніе твердо и неукоснительно принято. Какъ скоро наступала ночь, все въ домѣ утихало, двери запирались, въ комнатѣ матери погашенъ былъ огонь, — Надежда, богатая силою воли, вставала, тихонько, неслышно одѣвалась, украдкою выходила черезъ заднее крыльцо и бѣжала прямо въ конюшню. Тамъ она своего милаго Алкида проводила черезъ садъ на скотный дворъ, и здѣсь уже садилась на него и выѣзжала черезъ узкій переулокъ прямо къ берегу и къ такъ называемой, за Ирбитомъ «Старцевой горѣ». Тутъ она опять сходила съ лошади, и взводила ее на гору за недоуздокъ, потому что не умѣя замундштучить Алкида, она не могла бы заставить его добровольно взойти на гору, которая въ этомъ мѣстѣ имѣла утесистую крутизну. И такъ она взводила его за недоуздокъ, и когда была на ровномъ мѣстѣ, отыскивала пень или бугорокъ, съ котораго опять садилась на спину Алкида, и до тѣхъ поръ хлопала ладонью по шеѣ коня и щелкала языкомъ, пока доброе и умное это животное не пускалось въ галопъ, въ скачь и даже въ карьеръ маршъ-маршемъ. При первомъ признакѣ зари, Надежда возвращалась домой, ставила лошадь въ конюшню и, не раздѣваясь, ложилась спать, чрезъ что и открылись наконецъ ея ночныя прогулки. Горничная, имѣвшая за нею смотрѣніе, находя ее всякое утро въ постели совсѣмъ одѣтою, сказала объ этомъ ея матери, которая и взяла на себя трудъ посмотрѣть

какимъ образомъ и для чего это дѣлается. Маѳа Тимоѳеевна сама видѣла, какъ Надежда вышла въ полночь совсѣмъ одѣтая, и, къ неизъяснимому ужасу ея, вывела изъ конюшни злаго и свирѣпаго для всѣхъ, добраго и кроткаго для нея одной караковаго жеребчика Алкида. Госпожа Дурова не смѣла остановить Надежду, считая ее лунатикомъ, не смѣла крикнуть, чтобы не испугать ее, но приказала дворецкому Потапычу и кучеру Ефиму внимательно смотрѣть за дочерью ея, а сама пошла въ спальню мужа, разбудила его и разсказала ему все происшествіе. Отецъ Надежды удивился и поспѣшно всталъ, накинувъ на себя халатъ, чтобъ идти увидѣть своими глазами эту необычайность. Но вся комедія кончилась скорѣе, чѣмъ ожидали, потому что когда явился Андрей Васильевичъ, то ее и Алкида вели обратно въ тріумфѣ каждаго на свое мѣсто. Толковый и расторопный дворецкій Потапычъ, которому барыня приказала идти за барышней, видя, что она хочетъ садиться на лошадь и нисколько не считая Надежду, какъ считала мать,—лунатикомъ, вышелъ изъ своей засады и спросилъ:—Куда вы, барышня?

Послѣ этого происшествія, мать Надежды хотѣла непремѣнно, чего бы то ни стоило, избавиться присутствія ненавистной ей дочери, и для того рѣшилась отвезти ее въ Малороссію къ своей родительницѣ Александровичъ (отецъ, нѣкогда проклявшій ее, въ теченіе времени померъ и хозяйствовала одна старуха). Въ эту пору Надеждѣ наступилъ уже четырнадцатый годъ, и она не по лѣтамъ была очень высокаго роста, при томъ тонка, стройна и довольно граціозна, хотя удалой, воинственный духъ и рисовался въ чертахъ ея лица и, хотя она имѣла не слишкомъ смуглую, а довольно бѣлую кожу, яркій и живой румянецъ на полныхъ щекахъ, блестящіе и правильно посаженные черные глаза, опушенные длинными рѣсницами, при густыхъ черныхъ бровяхъ и при великолѣпныхъ темно-каштановыхъ волосахъ, натурально вившихся огромными кудрями. Но зеркало и родная маменька говорили ей постоянно, что она совсѣмъ нехороша

собою. Впрочемъ, и зеркало и мамаша не лгали: лицо Надежды испорчено было оспою, черты были весьма неправильны, а безпрестанное угнетеніе свободы и строгость обращенія матери, а иногда и жестокость ея, напечатлѣли на ея довольно миловидной физіономіи выраженіе постоянныхъ страха и печали.

Надежда Андреевна, разсказывая намъ въ декабрѣ 1830 года въ откровенной бесѣдѣ, что, можетъ быть, она и забыла бы, наконецъ, всѣ свои гусарскія замашки и сдѣлалась бы обыкновенною русскою, какъ и другія, дѣвицею, еслибы мать ея постоянно въ ея присутствіи не представляла въ самомъ безотрадномъ видѣ участь женщины. Голова четырнадцатилѣтней дѣвочки шла кругомъ отъ этого описанія, и она рѣшилась, хотя бы это стоило ей жизни, отдѣлиться отъ пола, находящагося, какъ она стала думать, подъ проклятіемъ Божіимъ. Къ тому же отецъ ея тоже то и дѣло говорилъ, что еслибъ вмѣсто Надежды былъ у него сынъ, онъ не думалъ бы, что будетъ съ нимъ подъ старость; сынъ былъ бы ему благодѣтельной клюкою въ вечеръ дней его. Надежда чуть не плакала при этихъ словахъ отца, котораго чрезвычайно любила. За тѣмъ два чувства, столь противуположныя: *любовь къ отцу* и *отвращеніе къ своему полу* волновали юную душу ея съ одинаковою силою, и она съ твердостью и постоянствомъ, мало свойственнымъ юному возрасту ея, занялась серьезно обдумываніемъ плана выйти изъ положенія, назначеннаго природою и общественными обычаями женскому полу.

ГЛАВА II.

Жизнь въ Малороссіи и возвращеніе къ отцу.

При такомъ-то четырнадцатилѣтнемъ умѣ и волѣ Надежды Дуровой, отвезла ее мать въ Малороссію, въ Кобелякскій повѣтъ къ

матери своей Александровичъ и оставила у нее, на хуторѣ весьма небѣдномъ, носившимъ странное названіе: «Бидливая Кравка», т. е. Бодливая Корова. Всю семью восьмидесятилѣтней старухи Александровичъ составляли: сынъ ея, дядя Дуровой, среднихъ лѣтъ человѣкъ, красивый, добрый, чувствительный и до несносности капризный, а съ тѣмъ вмѣстѣ безхарактерный, бывшій, какъ говорится, подъ башмакомъ своей супруги, бойкой и удалой молодой женщины замѣчательной красоты. Въ управленіи хозяйствомъ старухѣ помогала самая старшая ея дочь, что называется „Христова невѣста", дѣвица за 45 лѣтъ.—Надежда болѣе всего привязалась къ прелестной женѣ дяди; но однако молодая Надежда не оставалась слишкомъ охотно въ обществѣ своихъ родныхъ: они были такъ важны, такъ наружно набожны, такіе непримиримые враги всѣхъ ея воинственныхъ наклонностей; что наша Надежда боялась думать въ ихъ присутствіи о своихъ любимыхъ намѣреніяхъ и планахъ. Хотя свободы ея не стѣсняли ни въ чемъ, хотя она могла съ утра до вечера гулять вездѣ, гдѣ хотѣла, не опасаясь быть браненою, но еслибъ она осмѣлилась намекнуть только о верховой ѣздѣ на одномъ изъ верховыхъ коней дяди, приказчика и хуторнаго атамана (старосты), ее, чего добраго, осудили бы на церковное покаяніе. Такъ нелицемѣренъ былъ ужасъ Надеждиныхъ родныхъ, при одной мысли объ этихъ противныхъ, по ихъ мнѣнію, упражненіяхъ женщинъ и особенно дѣвицъ.

Подъ яснымъ небомъ Малороссіи, Дурова скоро поздоровѣла, хотя въ тоже время загорѣла, и пополнѣла еще болѣе. Здѣсь ее не шнуровали, и не морили за противнымъ ей кружевомъ. Любя страстно природу и свободу, она всѣ свои дни проводила, или бѣгая по лѣснымъ дачамъ бабушкинаго помѣстья, или плавая по рѣчкѣ Удаю въ большой легкой лодкѣ, называемой въ Малороссіи „дубъ". Можетъ быть, этой послѣдней забавы не позволили бы ей, но она имѣла предосторожность пускаться въ навигацію эту по Удаю тотчасъ послѣ обѣда, когда зоркіе глаза молодой красивой

тетки закрывались для сна, необходимаго ей послѣ жирнаго борща, творожныхъ галушекъ и нѣсколькихъ рюмокъ разнообразныхъ наливокъ, которыми Малороссія славится. Капризный дядя, спавшій почти весь день, въ эту пору въ своемъ кабинетѣ читалъ газеты вслухъ старой теткѣ, его то есть золовкѣ, которая вязала чулокъ и слушала со вниманіемъ. Оставалась только бабуся, восьмидесятилѣтняя, имѣвшая очень слабое зрѣніе, почти слѣпая, почему Надежда была въ безопасности, разъѣзжая въ своей лодкѣ, прямо подъ окнами старушки. Въ зимнюю пору молодая тетка и дядя много катались въ пошевняхъ тройками и нерѣдко тѣшили Надежду этою быстрою ѣздою.

Весною въ „Бидливу Кравку" пріѣхала еще одна тетка, — Значко-Яворская, жившая близь города Лубенъ. Она полюбила Дурову и выпросила позволеніе у бабушки взять ее къ себѣ на все лѣто.

Здѣсь и занятія, и удовольствія Надежды были совершенно другія. Тетка эта была строгая женщина, наблюдавшая неослабный порядокъ и приличіе во всемъ; она жила открыто, была знакома съ лучшимъ обществомъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ, имѣла лучшаго повара въ уѣздѣ и часто дѣлала балы. Тогда Надежда увидѣла себя въ совершенно новой средѣ. Не слыша никогда брани и укоровъ женскому полу, Дурова начинала мириться съ участью женщины, особливо видя нѣжное вниманіе и угожденіе мужчинъ. Тетка Значко-Яворская одѣвала племянницу свою очень хорошо и всячески старалась свести грубый загаръ съ лица ея. Воинскія мечты дѣвицы Дуровой начинали понемногу изглаживаться въ ея умѣ. Назначеніе женщинъ уже начинало ей казаться не такъ страшнымъ, и ей наконецъ понравился новый родъ ея жизни. Къ довершенію успокоенія бурныхъ помысловъ ея, дали ей подругу: у тетушки жила другая племянница ея, Остроградская, годомъ моложе ея. Онѣ обѣ были неразлучны; утро проводили у тетки ихъ, читая, рисуя или

играя на фортепіано, послѣ же обѣда до самаго чая обѣ дѣвушки были свободны гулять сколько имъ было угодно, почему тотчасъ уходили въ *ливаду*. Такъ въ Малороссіи называется часть земли, обыкновенно примыкающая къ саду и отдѣленная отъ него однимъ рвомъ. Надежда перескакивала ровъ этотъ съ легкостью дикой козы; кузина (двоюродная сестра) слѣдовала ея примѣру, и онѣ въ продолженіе урочнаго времени ихъ прогулки, облетали всѣ сосѣднія ливады во всемъ ихъ пространствѣ.

Тетка Яворская, какъ и всѣ малороссіянки того времени, была очень набожна, строго наблюдала и исповѣдала всѣ обряды православія. Всякій праздникъ она ѣздила къ обѣднѣ, вечернѣ и заутренѣ. Надежда Дурова и Людмила Остроградская должны были дѣлать то же самое. Сначала Надеждѣ очень не хотѣлось вставать до свѣта, чтобы сопровождать тетушку въ церковь; но въ сосѣдствѣ съ богатымъ помѣстьемъ тетки Яворской жила помѣщица Киріякъ или Киріякова, какъ любятъ малороссы омоскаливать свои фамиліи, съ двадцати трехъ-четырехъ лѣтнимъ сыномъ, писанымъ красавчикомъ, и также всегда ко всѣмъ праздничнымъ службамъ пріѣзжавшая въ церковь. Молодой Киріякъ въ церкви, до начала служенія, всегда подходилъ къ нимъ, или скорѣе преимущественно къ Надеждѣ, потому что онъ раскланивался всѣмъ, а говорилъ только съ нею. Благодаря этимъ встрѣчамъ, молоденькая (по пятнадцатому году) дѣвушка Надежда Дурова пристрастилась къ Божественной службѣ и не лѣнилась вставать рано чуть свѣтъ, всегда даже раньше тетушки своей. Наконецъ, однако, постоянные разговоры молодаго Киріяка въ церкви съ Надеждой обратили на себя вниманіе тетки ея. Она стала замѣчать, разспрашивать сестру Людмилу, которая тотчасъ и сказала, что Киріякъ бралъ ее (т. е. Надежду) за руку и просилъ ее отдать ему носимое ею кольцо, говоря, что тогда сочтетъ себя уполномоченнымъ говорить съ тетушкою. Получивъ та-

кое сообщеніе отъ Людмилы, тетка призвала къ себѣ Надежду и сказала ей:

— Что говоритъ съ тобою сынъ нашей сосѣдки всякій разъ, когда мы бываемъ вмѣстѣ въ церкви?

Не умѣя вовсе притворятся, она разсказала тотчасъ все, что было ей говорено молодымъ человѣкомъ. Тетушка покачала головою; ей это очень не нравилось.

— Нѣтъ, говорила она,—не такъ порядочные люди ищутъ руки дѣвицы! Къ чему объясняться съ тобою? Надобно было прямо отнестись къ твоимъ родственникамъ.

Послѣ этого ее отвезли обратно къ бабкѣ въ хуторъ „Бидлива кравка". Надежда долго скучала о молодомъ Киріакѣ. Это была первая склонность, и можно быть увѣреннымъ, что ежели бы тогда же ее отдали за него, то она навсегда простилась бы съ своими воинственными замыслами. Но судьба, предназначавшая ей поприщемъ *ратное поле*, распорядилась иначе. Мать красавца Киріака просила тетку освѣдомиться, имѣетъ ли Надежда состояніе, и какое именно, и узнавши, что все это имущество заключается въ нѣсколькихъ аршинахъ лентъ, полотна и кисей, а болѣе ничего, запретила сыну своему и думать о ней.

Въ то время, какъ Дурова жила вторично въ Кобелякскомъ уѣздѣ у бабушки и дяди, послѣдній получилъ письмо отца Надежды, адресованное на имя матери ея, которую онъ считалъ гостящею у своей матери. Письмо это повергло всѣхъ въ печаль и недоумѣніе, такъ какъ тутъ Андрей Васильевичъ въ чемъ-то раскаявался, умолялъ жену простить его, клянясь, что онъ все оставитъ, ежели она къ нему возвратится. Никто ничего не могъ понять изъ этого письма. Гдѣ Марѳа Тимоѳевна? Почему письмо на ея имя, а адресовано въ Малороссію? Разошлись ли они съ мужемъ и по какой причинѣ?—Дядя, бабушка и тетки терялись въ догадкахъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого загадочнаго письма,—Надеж-

да, по обыкновенію своему, каталась въ лодкѣ по Удаю, и вдругъ услышала взглявый голосъ бабушкиной горничной:

— Панночка! Панночка! Идыть до бабусци! — Надежда испугалась, услышавъ призывъ къ бабушкѣ, повернула лодку и мысленно прощалась съ своимъ любезнымъ „дубомъ", полагая, что теперь велятъ его приковать цѣпью къ сваѣ, и прогулки ея по рѣкѣ навсегда кончились.

— Какъ это сдѣлалось, что бабушка увидала мою ѣзду по рѣкѣ? спрашивала Надежда, приставая къ берегу и привязывая лодку свою.

— Бабушка не видала, отвѣчала женщина Агафья, — но за вами пріѣхалъ Степанъ Потапычъ изъ Ирбита. Матушка ваша прислала.

— Матушка! За мною! Возможно ли? восклицала Надежда. — Ахъ, прекрасный край, неужели я должна буду оставить тебя!..

Она шла поспѣшно въ домъ, гдѣ увидѣла вѣрнаго Степана Потапыча, почтительно подавшаго ей письмо Андрея Васильевича. Отецъ писалъ, что онъ и ея мать желаютъ, чтобъ она немедленно пріѣхала къ нимъ, что имъ скучно жить розно съ нею. Это было для Надежды непонятно: она хорошо знала, что мать не любила ее; и такъ, думала она, это вѣрно батюшка хочетъ, чтобъ я была при немъ. Но вопросъ: какъ же на это согласилась мать? оставался безъ отвѣта. Сколько Надежда ни думала и сколько ни сожалѣла о необходимости оставить Малороссію, о стѣсненіи свободы, ее ожидающемъ, о непріятной перемѣнѣ прекраснаго климата на холодный и суровый сибирскій, но должна была повиноваться. Въ два дня все приготовили, напекли, нажарили разныхъ снѣдей, лакомствъ, дали огромный коробъ, и все уложили. На третій день добрая бабушка прижала Надежду къ груди своей и, цѣлуя, сказала:

— Поѣзжай, дитя мое! Да благословитъ тебя Господь въ пути твоемъ! Да благословитъ Онъ тебя и въ пути жизни твоей!

Старушка положила руку свою внучкѣ на голову и тихо призы-

вала на нее Божіе покровительство! И нельзя не сказать, чтобы молитва праведницы не была услышана: во все продолженіе воинственной бурной жизни, Надежда Дурова испытывала во многихъ случаяхъ видимое заступничество Всевышняго.

Отъ Кобелякъ, малороссійскаго города, до города Ирбита много сотенъ верстъ, а въ то время, которое мы описываемъ, это путешествіе Надежды, въ 1804 году, въ началѣ царствованія императора Александра Павловича, не было не только желѣзныхъ дорогъ, да и шоссейныя-то только что начинали являться, и то лишь въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ. Ѣзда же была происходила по почтовымъ трактамъ на почтовыхъ лошадяхъ; на проселочныхъ же дорогахъ ѣздили на наемныхъ обывательскихъ за прогоны или, какъ ѣхала наша Надежда Дурова, на собственной тройкѣ добрыхъ татарокъ, пришедшихъ съ Потапычемъ изъ Ирбита. Такая ѣзда была ужасно продолжительна и сопряжена съ ночлегами въ деревняхъ. За кучера ѣхалъ Потапычъ, котораго, изъ страсти къ лошадямъ, а отчасти изъ желанія дать покой старому слугѣ, смѣняла нерѣдко наша удалая наѣздница Надежда, сожалѣвшая, что такъ они проѣхали только одинъ, а не шесть мѣсяцевъ.

ГЛАВА III.

Побѣгъ.

Отворяя дверь въ залъ отцовскаго дома въ Ирбитѣ, Надежда услышала, какъ маленькая сестра ея Клеопатра говорила:

— Выйдите, маменька, какая-то барышня пріѣхала.

Сверхъ ожиданія, мать приняла Надежду ласково; ей пріятно было видѣть, что она получила тотъ скромный и степенный видъ,

столько приличествующій молодой дѣвицѣ. Хотя въ полтора года Надежда много выросла и была почти головой выше матери, но не имѣла уже ни того воинственнаго вида, дѣлавшаго ее похожею на мужчину въ женскомъ платьѣ, ни тѣхъ гусарскихъ ухватокъ, усвоенныхъ воспитаніемъ Астахова, приводившихъ Марѳу Тимоѳеевну въ отчаяніе.

Проживъ нѣсколько дней дома, Надежда узнала причину, заставившую прислать за нею Потапыча въ Малороссію. Андрей, Васильевичъ, всегда не равнодушный къ красотѣ, измѣнилъ женѣ своей во время ея отсутствія въ деревню тестя «Старое Дурово», и взялъ на содержаніе прехорошенькую дѣвушку, дочь какого-то ссыльнаго поляка. По возвращеніи въ городъ, Марѳа Тимоѳеевна долго еще ничего не знала, но одна изъ ея пріятельницъ думала услужить ей, объявивъ гибельную тайну, и отравила жизнь ея ядомъ, жесточайшимъ изъ всѣхъ ядовъ—ревностью! Несчастная Дурова—мать помертвѣла, слушая разсказъ безумно-услужливой пріятельницы, и выслушавъ, ушла отъ нея, не говоря ни слова, и легла въ постель. Когда Андрей Васильевичъ довольно поздно возвратился домой изъ гостей, она хотѣла-было говорить ему кротко и покойно, но не въ ея волѣ было сдѣлать это. Съ первыхъ словъ терзаніе сердца превозмогло все: рыданія пресѣкли ея голосъ; она била себя въ грудь, ломала руки, кляла день рожденія своего и ту минуту, въ которую узнала любовь. Она просила мужа убить ее теперь же, и тѣмъ избавить ее отъ нестерпимаго мученія жить, бывъ имъ пренебреженною. Отецъ Надежды ужаснулся состоянія, въ которомъ видѣлъ свою жену, ея мать; онъ старался успокоить ее, просилъ не вѣрить вздорнымъ разсказамъ; но, видя, что Марѳа Тимоѳеевна была слишкомъ хорошо увѣдомлена обо всемъ, клялся Богомъ и совѣстью, снималъ образъ со стѣны, обѣщая оставить преступную связь. Легковѣрная женщина, страстно обожавшая мужа, повѣрила, успокоилась и простила. Дуровъ отецъ нѣсколько времени держалъ

свое слово, отстранилъ любовницу, выславъ даже ее изъ города Ирбита и даже отдалъ ее замужъ за какого-то горнаго чиновника; но послѣ взялъ снова, и тогда то злосчастная Марѳа Тимоѳеевна въ отчаяніи рѣшилась-было на всегда разстаться съ невѣрнымъ мужемъ и поѣхала для этого къ своей матери въ Малороссію, гдѣ въ это время находилась Надежда. Но въ Казани Марѳа Тимоѳеевна, по нездоровью, остановилась. Отецъ же Надежды, не зная этого, написалъ къ брату жены, Александровичу, въ «Бидливи краки» то письмо, которое тамъ произвело такой переполохъ. Въ это время онъ самъ получилъ отъ жены письмо изъ Казани. Она писала, что не имѣетъ силы удалиться отъ него, не можетъ перенести мысли разстаться на вѣкъ съ мужемъ, хотя жестоко ее обидѣвшимъ, но и безмѣрно ею любимымъ. Она умоляла его одуматься и возвратиться къ своимъ семейнымъ обязанностямъ. Андрей Васильевичъ, легкомысленный, но все-таки добрый и не безсердечный человѣкъ, былъ глубоко тронутъ, раскаялся и просилъ жену простить его и возвратиться. Тогда-то Марѳа Тимоѳеевна, по возвращеніи, уговорила Андрея Васильевича послать за Надеждой въ Малороссію, полагая, что присутствіе любимой дочери заставитъ его забыть совершенно недостойный предметъ своей привязанности. Но, къ несчастію, ей суждено было обмануться во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ и испить чашу горести до дна. Андрей Васильевичъ сталъ переходить отъ одной привязанности къ другой и никогда уже не возвращался къ законной женѣ своей. Она, бѣдная, томилась, увядала, сдѣлалась больна чахоткою, поѣхала лечиться въ Пермь къ славному тогда доктору Гралю, спасавшему многихъ неизлечимыхъ. отъ которыхъ отступались всѣ врачи. Но въ грудь Марѳы Тимоѳеевны чахотка пустила слишкомъ глубокіе корни, чтобы возможно было ее спасти, а потому всѣ старанія знаменитаго свѣтила медицины оказались безуспѣшными, и она вскорѣ умерла на тридцать пятомъ году жизни, болѣе впрочемъ жертвою

горя, породившаго ту злую болѣзнь, которую невозможно было отвратить.

Еще до кончины своей Марѳа Тимоѳеевна сдѣлалась гораздо мягче къ Надеждѣ. Не находя удовольствія въ обществѣ, гдѣ, казалось ей, всѣ готовы были указывать на нее пальцами, какъ на брошенную жену, она вела затворническую жизнь, а постоянные приступы болѣзни, столь разрушительной и злой, заставляли ее почти постоянно находиться въ постели. Пользуясь этимъ, Надежда выпросила у отца, ни въ чемъ ей не отказывавшаго, позволеніе ежедневно и чуть не ежечасно ѣздить верхомъ на лихомъ Алкидѣ. Отецъ ея приказалъ сшить для любезной своей Нади полный неформенный казацкій костюмъ, и подарилъ ей Алкида съ полнымъ верховымъ приборомъ. Съ этого времени она сдѣлалась постояннымъ спутникомъ своего отца въ его прогулкахъ верхомъ за городъ. Онъ, старый кавалеристъ, находилъ особенное удовольствіе учить ее разнымъ берейторскимъ пріемамъ, особенно красиво сидѣть, крѣпко держаться въ сѣдлѣ и ловко управлять замундштученною лошадью. Надежда была понятливая ученица. Отецъ не могъ довольно налюбоваться на ея легкость, ловкость, смѣлость; онъ говорилъ, что Надежда—живой его портретъ въ ея годы, когда онъ былъ юнкеромъ, и что она была бы подпорою его старости и честью имени, еслибъ родилась мальчикомъ.

Отъ всего этого голова Надежды кружилась. Но теперешнее ея круженіе было уже прочно. Она теперь была уже не дитя; въ 1805-мъ году ей минуло шестнадцать лѣтъ! Обольстительныя удовольствія свѣта, жизнь въ Малороссіи и черные глаза Киріяка, какъ сонъ изгладились изъ ея памяти; но дѣтство, проведенное въ лагерѣ между гусарами, живыми красками рисовалось въ воображеніи молоденькой и восторженной дѣвушки. Все тогда воскресло въ душѣ ея. Она не понимала, какъ это почти два года она измѣняла завѣтной мечтѣ своей, и не думаетъ о своемъ великолѣпномъ планѣ

хоть наружно превратиться въ мужчину-воина. Мать ея, незадолго до смерти, угнетенная горемъ, еще болѣе ужасными красками, чѣмъ прежде—стала описывать горькую участь женщинъ. Тогда воинственно-рыцарскій жаръ съ неимовѣрною силою запылалъ въ душѣ Надежды; мечты за мечтами зароились въ умѣ, и она бдительно начала изыскивать способы привести въ дѣйствіе прежнее намѣреніе свое—сдѣлаться храбрымъ солдатомъ, быть не дочерью, а сыномъ для отца своего, и навсегда отдѣлиться отъ пола, котораго участь и вѣчная зависимость начали страшить ее.

Марѳа Тимоѳеевна не ѣздила еще въ Пермь лечиться, когда въ Ирбитъ пришелъ полкъ донскихъ казаковъ для энергическаго усмиренія степи, кочевники которой, татары и киргизы, дѣлали набѣги на Ирбитскій уѣздъ и совершали страшные безпорядки воровства и грабежи. Андрей Васильевичъ часто приглашалъ къ себѣ казацкаго полковника Борисова и его офицеровъ,—есауловъ, хорунжихъ, даже простыхъ всадниковъ, то есть казацкихъ юнкеровъ въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ. Онъ ѣздилъ съ ними прогуливаться за городъ и любилъ устраивать конныя состязанія или скачки. Но Надежда Андреевна имѣла предусмотрительность никогда не быть участницею этихъ кавалькадъ: ей нужно было, чтобы казаки никогда не видали ее въ чекменѣ и не имѣли понятія о видѣ ея въ мужскомъ платьѣ. Лучъ свѣта озарилъ умъ дѣвушки, когда казаки съ веселою музыкою и съ пѣснями вступили въ городъ. Теперь она вполнѣ уразумѣла вѣрный способъ исполнить такъ давно измышленный ею планъ. Она проницала въ возможность, дождавшись выступленія казаковъ, дойти съ ними до мѣста, гдѣ стоятъ регулярные полки.

Наконецъ настало рѣшительное время дѣйствовать по предназначенному плану. Казаки получили повелѣніе выступить изъ Ирбита. Они вышли 15-го сентября 1806 года; въ пятидесяти верстахъ отъ города должна была быть у нихъ дневка. Семнадцатаго

сентября былъ день Ангела Надежды, и день, въ который судьбою, при стеченіи особенныхъ обстоятельствъ и при непреодолимой наклонности къ боевому полю, ей опредѣлено было оставить домъ отцовскій и начать совсѣмъ новый родъ жизни. Въ день *семнадцатаго сентября*, Надежда Дурова проснулась до зари и сѣла у окна дожидаться ея появленія, размышляя, что, можетъ быть, это будетъ послѣдняя заря, которую ей суждено увидѣть въ странѣ родной! Мысли эти то толпились въ головѣ ея, то смѣняли одна другую! Сердце ея стѣснилось и слезы заблистали на рѣсницахъ. Въ это время занялась заря, скоро она разлилась алымъ заревомъ, и прекрасный свѣтъ ея, пролившись въ комнату Надежды, освѣтилъ предметы, тутъ бывшіе. Отцовская сабля, висѣвшая на стѣнѣ противъ окна, казалась горящею. Чувства Надежды оживились. Она сняла саблю со стѣны, вынула ее изъ старинныхъ позолоченныхъ съ чернью ноженъ, и, смотря на лезвее, погрузилась въ мысли: сабля эта была ея игрушкою въ дѣтствѣ, когда она была еще въ пеленкахъ, утѣхою и упражненіемъ въ отроческіе годы, и почему-жъ теперь она съ своимъ превосходнымъ солингенскимъ клинкомъ не была бы защитою и славою ея на военномъ поприщѣ?

— Я буду носить тебя съ честью, сказала Надежда, поцѣловавъ клинокъ и вкладывая его въ ножны.

Солнце взошло въ день святыхъ: Вѣры, Любови и Надежды и матери ихъ Софіи великолѣпно, но утро было съ маленькимъ морозцемъ. Въ этотъ день мать подарила имянинницѣ золотую цѣпь для часовъ, отецъ триста рублей золотою и серебряною монетою въ бумажныхъ столбикахъ, и прекрасное гусарское сѣдло съ алымъ вальтрапомъ; сестра Клеопатра подарила ей серебряную кружку, а маленькій Вася — золотые часы съ эмалью. Принимая подарки родителей и близкихъ единокровныхъ, она съ грустью думала, что имъ и въ мысль не приходитъ, что они снаряжаютъ ее въ дорогу дальнюю и опасную.

День 17 сентября Надежда провела съ своими подругами, нарочно къ ней собравшимися. Въ 11 часовъ вечера она пришла проститься съ своею матерью, какъ то дѣлала обыкновенно, когда шла уже спать къ себѣ въ садовый домикъ, гдѣ она помѣщалась въ нижнемъ, а отецъ въ верхнемъ этажѣ. Этотъ разъ, чувствуя, что она, вѣроятно, въ послѣдній разъ видитъ мать, Надежда проявила ей особенную теплую нѣжность, на которую, всегда холодная и неласковая мать, этотъ разъ отвѣчала особенно сердечно, благословляя дочь со словами: „Поди, Надя, съ Богомъ къ ночному сну".— Надежда заплакала и нѣсколько разъ поцѣловала руку матери.

Вечеромъ, въ началѣ двѣнадцатаго часа, къ Надеждѣ, зашелъ по обыкновенію, отецъ и нашелъ, что она особенно блѣдна и сталъ заботливо разспрашивать о здоровьѣ.

— Я здорова, батюшка, отвѣчала Надежда,—только озябла и устала отъ гостей.

— Зачѣмъ же ты не велишъ протопить у себя? замѣтилъ отецъ и продолжалъ:

— Для чего, Надя, ты не прикажешь Ефиму погонять твоего Алкида на кордѣ? Къ нему приступа нѣтъ; ты сама давно что-то не ѣздила на немъ (она не ѣздила, какъ мы знаемъ, для того, чтобъ казаки не увидали ее въ мужскомъ платьѣ и наѣздникомъ). Другому никому не позволяеть садиться на него. Онъ такъ застоялся, что даже въ стойлѣ скачетъ на дыбы. Непремѣнно надобно промять его порядкомъ.

Надежда сказала, что прикажетъ сдѣлать это и замолчала.

— Ты что-то особенно грустна, другъ мой, сказалъ отецъ.— Прощай и ложись спать, да хорошенько укутайся шерстяными одѣялами.

Затѣмъ онъ обнялъ дочь и прижалъ къ груди своей. Она поцѣловала обѣ руки его, стараясь удержать слезы, готовыя градомъ

покатиться изъ глазъ. Трепетъ всего тѣла измѣнилъ ея сердечному чувству. Но отецъ приписалъ это холоду комнаты.

— Видишь, какъ ты озябла, сказалъ онъ. Она еще разъ поцѣловала его руки.

— Добрая дочурка! примолвилъ онъ, потрепавъ ее по щекѣ, и вышелъ.

— Она, оставшись одна, стала на колѣни около тѣхъ креселъ, на которыхъ сидѣлъ отецъ и склонясь до земли, цѣловала, орошая слезами то мѣсто пола, гдѣ стояла нога его. Черезъ полчаса, когда печаль ея нѣсколько утихла, она встала, чтобъ скинуть свое женское платье, подошла къ зеркалу, большими ножницами обрѣзала свою густую волнистую косу, положила ее въ ящикъ своего стола, сняла черный атласный капотъ, и начала одѣваться, начиная съ сапожковъ со шпорами, въ полный казачій синій мундиръ зимняго положенія при полушубкѣ и буркѣ. Стянувъ станъ свой чернымъ шелковымъ кушакомъ, и надѣвъ на голову высокую барашковую шапку съ выпускнымъ краснымъ колпакомъ съ кистью, она съ четверть часа разсматривала свое преобразованіе. Остриженные волосы вдругъ дали ей совсѣмъ другую физіономію. Она была увѣрена, что никому и въ голову не придетъ мысль подозрѣвать подъ этой оболочкой лихаго казака-дѣвушку. Сильный шелестъ сухихъ листьевъ и храпъ лошади дали знать Надеждѣ, что Ефимъ ведетъ, по ея тайному приказанію, Алкида на задній дворъ. Она съ стѣсненнымъ сердцемъ выскочила на дворъ, велѣвъ Ефиму идти съ Алкидомъ прямою дорогою на Старцеву гору и подъ лѣсомъ дожидаться ее, затѣмъ сбѣжала поспѣшно на берегъ Камы, бросила тутъ капотъ свой, и положила на песокъ со всѣми принадлежностями женскаго одѣянія. Впрочемъ, она не имѣла варварскаго намѣренія заставить отца своего думать, что она потонула, и была увѣрена, что онъ не повѣритъ этому, убѣдясь въ исчезновеніи Алкида и казацкаго костюма съ зимними принадлежностями. Ей только хотѣлось дать отцу возможность отвѣчать

безъ замѣшательства на затруднительные вопросы различныхъ знакомыхъ.

Въ тиши ночной ясно доходили до слуха Надежды покрикиванія Ефима на Алкида и храпъ послѣдняго. Она побѣжала къ нимъ и въ самую пору: Ефимъ дрожалъ отъ холода, бранилъ Алкида, съ которымъ не могъ сладить, и Надежду за ея медленность. Она взяла свою любезную лошадь у него изъ рукъ, сѣла на нее, разумѣется по-мужски, отдала Ефиму заранѣе приготовленные обѣщанные ему 50 рублей, еще разъ усердно попросила, чтобъ не сказывалъ ничего отцу и, опустивъ повода, она въ мигъ исчезла у изумленнаго Ефима изъ виду. . . . .

Версты четыре Алкидъ скакалъ съ одинаковою быстротою, но Надеждѣ въ эту ночь надобно было проѣхать 50 верстъ до селенія, гдѣ, какъ ей было заблаговременно извѣстно, была приготовлена дневка казачьему Донскому полку. И такъ, удержавъ быстрый скокъ своего коня, она поѣхала шагомъ. Скоро она въѣхала въ темный сосновый лѣсъ, простиравшійся верстъ на 30. Желая сберечь силы своего безцѣннаго Алкида, она продолжала ѣхать шагомъ, и окруженная мертвою тишиною лѣса и мракомъ осенней ночи, погрузилась въ думы:

— И такъ я на волѣ! Свободна, независима! Я взяла мнѣ принадлежавшее, мою свободу. Я умѣла взять ее, охранить отъ всѣхъ притязаній на будущее время, и отнынѣ до могилы она будетъ и удѣломъ моимъ и наградою!

Тучи заволокли все небо; въ лѣсу стало темно, такъ что на три сажени Надежда ничего не могла видѣть, и наконецъ, поднявшійся съ сѣвера холодный вѣтеръ заставилъ ее ѣхать нѣсколько скорѣе. Ея Алкидъ пустился крупной рысью, и на разсвѣтѣ, т. е. съ 17 на 18 сентября, она пріѣхала въ селеніе, гдѣ дневалъ Донской казачій полкъ.

ГЛАВА IV.

Съ казаками и у казаковъ.

Полковникъ Борисовъ и его офицерство давно уже проснулись и собрались всѣ въ полковничью квартиру завтракать. Въ это время Дурова въ полушубкѣ и буркѣ съ настоящею казацкою шапкою съ краснымъ верхомъ вошла въ горницу. Собравшіеся тутъ Донцы плотно закусывали, пропуская чарки съ зепеканкой, при чемъ громко разговаривали; но увидѣвъ вошедшаго молоденькаго казачка не ихъ полка, замолчали. Полковникъ Борисовъ съ изумленіемъ подошелъ къ молоденькому козачку, отдававшему ему честь, и спросилъ:

— Какого ты полка, юнецъ? Дурова смѣло отвѣтила, что не имѣетъ еще чести быть въ которомъ либо изъ этихъ храбрыхъ полковъ, составляющихъ славу Россіи, но что пріѣхала просить господина полковника Борисова удостоить его этой милости. Полковникъ слушалъ ее (принимая, разумѣется, за какого-то 14—15-тилѣтняго подростка) съ видимымъ удивленіемъ и сказалъ:

— Я не понимаю тебя, малецъ; развѣ ты нигдѣ не числишься?

— Нигдѣ.

— Почему?

— Не имѣю права.

— Какъ! что это значитъ? Казакъ, да не имѣетъ права быть причисленъ къ казачьему полку? Что это за вздоръ!

Дурова сказала, что она не казакъ.

— Ну, а по наряду, который ты, паренекъ, правду сказать, очень ловко носишь, при саблѣ и при пистоляхъ,—ты заправскій казачій сынокъ! сказалъ Борисовъ и продолжалъ:

— Ежели ты, однако, не казакъ, зачѣмъ же ты въ настоящемъ Донскомъ мундирѣ, и наконецъ чего ты отъ меня хочешь?

— Я уже сказалъ вамъ, полковникъ, что желаю имѣть честь быть причисленъ къ вашему полку, хотя бы только на то время, пока дойдемъ до расположенія регулярныхъ войскъ.

— Но все-таки я, дружокъ, долженъ знать, кто ты таковъ, черноглазый пострѣленокъ, и сверхъ того, глупенькій, развѣ тебѣ неизвѣстно, что у насъ у казаковъ никому нельзя служить кромѣ природныхъ казаковъ? *)

— Я и не имѣю этого, слишкомъ честолюбиваго намѣренія, но прошу у вашего высокоблагородія только дойти съ вами до регулярныхъ войскъ въ званіи и одѣяніи казака при особѣ вашей или при полку вашемъ, который, сколько мнѣ извѣстно, есть полкъ Матвѣя Ивановича Платова, нумеръ 2-й. Что же касается до вопроса вашего: кто я таковъ? скажу только то, что могу безъ опасенія и страха, глядя прямо честнымъ людямъ въ глаза: сказать, что я дворянинъ, оставилъ домъ отцовскій, и иду, по страсти къ боевой жизни, въ военную службу безъ вѣдома и воли моихъ родителей. Увѣряю васъ, я въ томъ глубоко убѣжденъ, я не могу быть счастливъ ни въ какомъ другомъ званіи, кромѣ военнаго, потому и рѣшился въ этомъ случаѣ поступить по своему юношескому произволу. Если вы, полковникъ, не примете меня подъ ваше покровительство, я найду средство и одинъ присоединиться къ войскамъ дѣйствующей арміи.

Полковникъ Степанъ Ивановичъ Борисовъ съ участіемъ смотрѣлъ на юношу, пока онъ говорилъ, и затѣмъ вполголоса сказалъ какъ бы про себя, обратясь къ одному какъ снѣгъ сѣдому эсаулу:

— Что мнѣ дѣлать?—Я не имѣю духа отказать ему!

— На что же отказывать, отвѣчалъ равнодушно старикъ эса-

*) Такъ было въ старыя времена.

улъ. — Пусть ѣдетъ съ нами на своемъ аргамачкѣ, на котораго я съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ окно, видя его тамъ у коновязи.

— Не нажить бы намъ хлопотъ, Ермолай Селифонтычъ, замѣтилъ полковникъ.

— Какихъ же хлопотъ?, возразилъ эсаулъ.—Напротивъ, я думаю, и отецъ, и мать его будутъ намъ впослѣдствіи благодарны за то, что вы, по казацкому гостепріимству, искони ведущемуся и нерушимому, дадите ему пріютъ. Съ его рѣшимостью, отважностью, удальствомъ, которое такъ и блещетъ въ его глазенкахъ, при его же дѣтской неопытности онъ попадетъ въ бѣду, если вы его не примете, да и въ бѣду-то ничѣмъ непоправимую.

Въ продолженіе всего этого разговора полковника съ эсауломъ наша героиня стояла опершись на свою боевую отцовскую саблю въ золотыхъ съ черныю ножнахъ, принявъ въ головѣ своей твердое намѣреніе, въ случаѣ отказа полковника, сѣсть на своего безцѣннаго коня и ѣхать одной къ предположенной цѣли.

— Ну, хорошо, молодчикъ, сказалъ полковникъ, обратясь къ Дуровой,—ступай съ нами. Но упреждаю тебя, что мы отсюда идемъ домой на Донъ, а тамъ регулярныхъ войскъ не полагается. Щегровъ! Дай ему коня изъ заводныхъ, чтобъ своего кровнаго карабаха онъ не такъ бы мучилъ, сказалъ полковникъ, обращаясь къ своему вѣстовому, бородатому уряднику, который пошелъ—было, но Дурова остановила его движеніе, сказавъ полковнику:

— Не извольте безпокоиться, ваше высокоблагородіе, за моего карабаха: мы съ нимъ съ моего и его малолѣтства росли вмѣстѣ и состоимъ въ тѣсной дружбѣ. Никакого похода подо мною онъ не побоится, вѣдь онъ у меня двужильный, а сѣсть на себя никому кромѣ меня не позволитъ, какъ и я охотно не сяду ни на какую другую лошадь. Его зовутъ Алкидъ и я его страстно люблю.

— Браво! засмѣявшись, сказалъ полковникъ,—исполать тебѣ,

нашъ новый товарищъ-молокососъ, и твоему Алкиду: вы достойны одинъ другаго.

А какъ полковникъ Борисовъ былъ, въ то время, между казаками человѣкъ съ нѣкоторымъ образованіемъ, дѣлавшій въ дни молодости своей походы подъ началомъ безсмертнаго Суворова въ Турціи и Польшѣ, то, расправляя длиннѣйшіе усы свои, замѣталъ:

— Ты съ твоимъ Алкидомъ выходишь словно настоящій Центавръ, то есть получеловѣкъ, полулошадь, какихъ, чай, видалъ на картинкахъ въ книгахъ, ежели когда либо читалъ древнюю исторію Грековъ, Римлянъ и Карѳагенянъ. Да и самое-то имя твоего коня не простое, а изъ книгъ ученыхъ взятое. Однако, вѣдь пѣснями соловья не кормятъ, и мнѣ не довольно знать имя твоего Алкида, а хочу знать, какъ и тебя дразнятъ. Ну-тка молодчикъ, скажитка, сними маску, съ кѣмъ мы будемъ походомъ имѣть удовольствіе такое множество верстъ идти?

Дурова сказала, что ее зовутъ *Александромъ* (ей вспомнилось имя, которое носилъ въ Лубенскомъ повѣтѣ красавчикъ хохликъ Александръ Киріякъ).

— А по отчеству? спросилъ полковникъ.

— *Васильемъ* звали отца моего, выпалила Дурова.

— И такъ, *Александръ Васильевичъ*, теска безсмертнаго Суворова, на походѣ ты будешь ѣхать всегда при первой сотнѣ, обѣдать у меня съ офицерствомъ, а квартировать непремѣнно у меня, и нигдѣ больше. Иди теперь къ полку, мы сейчасъ выступаемъ. Дежурный! Вели трубить походъ и сборъ.

Дежурный по полку хорунжій, еще очень молоденькій казакъ, выскочилъ стрѣлою изъ горницы, чтобъ исполнить приказаніе начальства, а Дурова, поцѣловавъ на радости руку полковника, внѣ себя отъ удовольствія, побѣжала къ своему Алкиду, и какъ птичка вспорхнула на сѣдло. Бодрый конь, вполнѣ чистокровный и благородный, казалось, понималъ и раздѣлялъ ея восхищеніе. Онъ шелъ

необыкновенно гордо, сгибая кольцомъ свою тонкую шею и быстро водя ушами. Казацкіе офицеры любовались красотою Алкида, и вмѣстѣ хвалили и всадника. Они говорили, что ихъ спутникъ великолѣпно сидитъ въ сѣдлѣ и что у него настоящая черкесская талья. Забывая о своемъ мужскомъ нарядѣ, Дурова начинала уже конфузиться, краснѣть и приходить въ замѣшательство, будучи окружена со всѣхъ сторонъ мужчинами, и какъ на подборъ все молодецъ къ молодцу. Но такое затруднительное положеніе было непродолжительно. Она скоро оправилась и отвѣчала на всѣ разспросы, порождаемые любопытствомъ, учтиво, правдоподобно, голосомъ твердымъ, покойнымъ, и казалась вовсе не замѣчавшею всеобщаго любопытства и толковъ, возбужденныхъ появленіемъ такого женоподобнаго молодца среди отряда Войска Донскаго.

Наконецъ казаки, наговорясь и насмотрѣвшись вдоволь на Дурову и ея коня, стали по мѣстамъ. Полковникъ вышелъ, сѣлъ на своего жеребца, такого свирѣпаго, что два казачьихъ конюха едва могли его удерживать, и скомандовалъ: „Съ права по три заѣзжай!“ и полкъ, какъ бы механическій, а не живой, двинулся стройно впередъ. Переднее отдѣленіе, нарочно составленное изъ людей, имѣющихъ хорошій голосъ, запѣло любимую казачью пѣсню „Душа добрый конь“!

Походъ продолжался болѣе мѣсяца; новое ея положеніе восхищало Дурову; она быстро научилась сѣдлать и разсѣдлывать свою лошадь, сама водила ее на водопой такъ-же какъ и другіе рядовые казаки, тогда какъ у офицерства всѣ эти обязанности исполнялись ихъ оруженосцами. Походомъ офицеры часто скакали на перегонку и предлагали и Дуровой испытать силу и быстроту ногъ своего Алкида. Но она слишкомъ любила его, чтобъ добровольно могла согласиться на такую безполезную въ сущности, мучительную для лошади скачку. Къ тому же вѣдь въ 1806 году ея добрый конь былъ не въ первой молодости: ему было девять лѣтъ, и хотя она была

твердо увѣрена, что въ цѣломъ казачьемъ полку нѣтъ ни одной лошади, равной ея Алкиду въ быстротѣ, точно такъ какъ и въ красотѣ, но все-таки она не имѣла тщеславія мучить своего дорогаго товарища для пустаго удовольствія взять не слишкомъ трудный верхъ надъ сухопарыми скакунами, пришедшими съ береговъ Дона.

Наконецъ полкъ пришелъ на рубежъ своей земли и расположился лагеремъ, въ ожиданіи смотра, послѣ котораго казаковъ распускаютъ по домамъ до слѣдующаго сбора. Ожиданіе смотра и самый смотръ заняли три дня. Дурова въ это время то и дѣло, что, владѣя хорошо винтовкою, ходила съ ружьемъ по необозримой донской степи и стрѣляла очень успѣшно куропатокъ, дикихъ гусей, утокъ и прочую дичь, которою потомъ, по переходѣ чрезъ кухню полковника, лакомилось все его общество офицеровъ. Сверхъ того Дурова, не мучая Алкида, не давала ему застаиваться и ѣздила на немъ по степи ежедневно.

По окончаніи смотра, на который изъ Черкасска *) пріѣзжалъ войсковой атаманъ Иловайскій, помощникъ наказнаго атамана Платова,- казаки пустились во всѣ стороны по степи группами. Это была живописная, живая картина: нѣсколько сотъ казаковъ въ своихъ черныхъ буркахъ и барашковыхъ шапкахъ съ краснымъ верхомъ разсыпались по обширной степи, ѣхали отъ мѣста смотра во всѣхъ направленіяхъ, словно обратившіеся въ бѣгство муравьи, когда потревожатъ ихъ гнѣздо.

На четвертый день, когда все угомонилось, Щегровъ, безсмѣнный ординарецъ полковника, позвалъ Александра Васильева къ его высокоблагородію Степану Ивановичу.

— Ну вотъ, сказалъ полковникъ,—нашему странствію конецъ, молодой человѣкъ, а вашему какой путь? Что вы намѣрены дѣлать?

— Ѣхать къ арміи смѣло отвѣчала Дурова.

*) Тогда еще не было Новочеркасска, построеннаго Платовымъ позже. В. Б.

— Вы, конечно, Александръ Васильевичъ, знаете, гдѣ армія расположена? Знаете дорогу, по которой ѣхать, и имѣете къ этому надлежащія средства?

Дуровой показалось, что онъ говорилъ это съ голосомъ какъ бы насмѣшки, почему она вспыхнула и тотчасъ сказала довольно рѣшительнымъ тономъ:

— О мѣстѣ и дорогѣ я буду спрашивать, полковникъ; что же касается до средствъ, то у меня, слава Богу, есть деньги болѣе 200 рублей и лошадь, которая сослужить можетъ мнѣ хорошую службу.

— Ваши средства хороши только за неимѣніемъ лучшихъ. Мнѣ жаль васъ, Александръ Васильевичъ! Изъ поступковъ вашихъ, болѣе нежели изъ словъ, увѣрился я въ благородномъ происхожденіи вашемъ. Не знаю причинъ, заставившихъ васъ въ такой ранней юности оставить домъ отцовскій, но если это точно непреодолимое желаніе вступить въ военную службу, то одна только ваша дѣтская неопытность могла закрыть отъ васъ тѣ безчисленныя затрудненія, которыя вамъ придется преодолѣть прежде достиженія цѣли. Подумайте объ этомъ.

Полковникъ замолчалъ, молчала и Дурова. Затѣмъ полковникъ началъ опять:

— Вижу, Александръ Васильевичъ, что вы не хотите говорить со мною откровенно; можетъ быть, вы имѣете на это свои причины; но я не имѣю духа отпустить васъ на вѣрную гибель. Послушайтесь меня, останьтесь пока у меня на Дону; покровительство опытнаго человѣка для васъ необходимо. Я предлагаю вамъ до времени домъ мой, живите въ немъ до новаго выступленія нашего въ походъ. Вамъ не будетъ слишкомъ скучно: у меня есть семейство, жена, дочери, ежели и не образованныя по столичному, то все-таки далеко не невѣжды и не невѣжи, а съ нѣкоторымъ воспитаніемъ. Климатъ нашъ, видите, не хуже климата вашей Хохландіи, о которой вы такъ

часто вспоминаете. У насъ снѣга не бываетъ до рождественскихъ морозовъ; можете кататься верхомъ сколько вашей душѣ угодно. Кромѣ вашего карабаха—конюшня моя къ вашимъ услугамъ. Теперь мы поѣдемъ съ вами ко мнѣ въ домъ, я отдамъ васъ на попеченіе женѣ моей, а самъ отправлюсь въ Черкасскъ къ нашему наказному атаману, Матвѣю Ивановичу Платову. Тамъ пробуду до новаго похода, который, кажется, не замедлится. Тогда и вы вмѣстѣ съ нами дойдете до регулярныхъ войскъ, къ главной квартирѣ коихъ мы будемъ прикомандированы. Согласны ли вы послѣдовать этому моему совѣту?

Дурова сказала, что принимаетъ предложеніе его съ искреннею благодарностью. Надобно было не имѣть порошинки ума въ головѣ, чтобъ не видѣть, какъ выгодно для нея должно было добраться до регулярнаго войска, не обращая на себя ничьего вниманія и не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія.

Полковникъ и Дурова въ видѣ юнаго казачка новобранца, сѣли въ коляску, запряженную шестерикомъ отчаянныхъ степныхъ донцовъ, и отправились въ Раздорную станицу, гдѣ у Степана Ивановича былъ свой большой домъ съ садомъ, рощею, огородомъ, пчельникомъ и длинными строеніями для воловъ и овецъ. Жена его чрезвычайно обрадовалась пріѣзду мужа. Это была женщина среднихъ лѣтъ, прекрасная собою, высокаго роста, полная, какъ почти всѣ дончихи, съ черными глазами, бровями и волосами и смугловатымъ цвѣтомъ лица, общимъ всему казачьему племени. Свѣжія малиновыя губы ея обнаруживали два ряда жемчужныхъ или какъ бы изъ слоновой кости выточенныхъ зубовъ, всегда когда она улыбалась, а добрая и ласковая улыбка почти никогда не сходила съ ея устъ. Дурову она очень полюбила и обласкала; только дивилась, что въ такой ранней молодости (на видъ въ мужскомъ платьѣ Дурова казалась 14—15-тилѣтнимъ мальчикомъ) родители отпустили скитаться, какъ она говорила, по свѣту.

— Я бы ни за что на свѣтѣ, ежели бы вы были моимъ сынкомъ, не отпустила васъ одного. Ахъ! Боже мой! Чего не можетъ приключиться съ такимъ птенцомъ! Поживите у насъ, вы на чистомъ нашемъ донскомъ воздухѣ хоть немного подростете, повозмужаете, и когда наши казаки опять пойдутъ въ походъ, вы пойдете съ ними, и мужъ мой будетъ вамъ вмѣсто отца.

Говоря все это, добрая полковница уставляла столъ въ столовой разными домашними лакомствами — сотовымъ медомъ, виноградомъ, жирнымъ варенцомъ изъ топленыхъ сливокъ, пирожками съ изюмомъ и сладкимъ сусловымъ, только что сейчасъ выжатымъ краснымъ чихиремъ.

— Пейте, молодой человѣкъ, говорила гостепріимная хозяйка, — пейте, чего вы боитесь? Это вино и мы, бабы да дѣвки, пьемъ стаканами; трехлѣтнія дѣти у насъ пьютъ его какъ воду.

Дурова до того времени не знала и вкуса никакого вина, и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ пила донское. Хозяйка смотрѣла на нее, не сводя глазъ, и приговаривала:

— Боже мой! Какъ вы мало похожи на казака! Вы хотя и темноволосы, но такъ тонки, такъ стройны, словно красная дѣвица! Женщины мои такъ и думаютъ, что вы переодѣтая дѣвушка.

Говоря это, полковница хохотала простодушно, вовсе не подозрѣвая того, какъ хорошо угадали ее женщины, и какое замираніе сердца причиняютъ слова ея молодому гостю, такъ усердно ею угощаемому. Съ этого дня Дурова не находила уже никакого удовольствія оставаться въ семействѣ полковника; но съ утра до вечера ходила по полямъ, рощамъ и виноградникамъ. Охотно уѣхала бы она въ Черкасскъ, но боялась новыхъ разспросовъ. Дурова очень хорошо видѣла, что казачій мундиръ худо скрываетъ разительное ея отличіе отъ природныхъ казаковъ. У нихъ у всѣхъ какая-то своя особенная физіономія, и потому ея наружность, пріемы и самый способъ объясняться были предметомъ постояннаго ихъ любопытства и

различныхъ толковъ. Къ тому же, видя себя постоянно предметомъ наблюденій, она стала часто приходить въ замѣшательство, краснѣть, избѣгать разговоровъ и уходить въ поле на цѣлый день, даже и въ дурную погоду. Полковника давно уже не было дома, онъ жилъ по дѣламъ службы въ Черкасскѣ, гдѣ его крѣпко обласкалъ наказный атаманъ, Матвѣй Ивановичъ Платовъ, очень его любившій и велѣвшій ему у себя *борщевать* (обѣдать) ежедневно. Единообразная и бездѣйственная жизнь сдѣлалась Дуровой несносна; она рѣшилась уѣхать и отыскать армію, хотя сердце ея трепетало при мысли, что тѣ же разспросы, то же любопытство ожидаютъ ее вездѣ; но по крайней мѣрѣ, думала она, это будетъ нѣкоторымъ образомъ мимоходомъ, а не такъ какъ какъ въ станицѣ Раздорной, гдѣ она служитъ постоянною мишенью замѣчаній и толкованій.

Рѣшась ѣхать куда глаза глядятъ завтра на разсвѣтѣ, она съ прогулки пришла домой засвѣтло, чтобы увѣдомить хозяйку о своемъ отъѣздѣ и приготовить лошадь и сбрую. Входя на дворъ, она увидѣла необыкновенную суетливость и бѣготню прислуги полковника, при чемъ увидѣла множество колясокъ, бричекъ и тарантасовъ, а также не мало верховыхъ осѣдланныхъ коней всѣхъ возможныхъ мастей. Она вошла въ залу, и первою встрѣчею былъ возвратившійся полковникъ; толпа офицерства окружала его; но между ними не было однакожъ ни одного изъ тѣхъ, съ которыми она пришла на Донъ. Она не могла не замѣтить на синихъ чекменяхъ, какъ офицеровъ, такъ и рядовыхъ, равно какъ на алыхъ колпакахъ ихъ шапокъ, обиліе тонкихъ и, смотря по чинамъ, болѣе широкихъ галуновъ.

— Здравствуйте, Александръ Васильевичъ! сказалъ полковникъ, отвѣчая на поклонъ Дуровой, — не соскучились ли вы у насъ? — Господа офицеры! Рекомендую вамъ: это русскій дворянинъ; онъ будетъ спутникомъ нашимъ до мѣста.

Офицеры слегка поклонились ей и, продолжая обильно закусы-

вать, вели, съ тѣмъ вмѣстѣ, свой оживленный разговоръ о предстоящемъ далекомъ походѣ.

— Ну, какъ же вы проводили ваше время, Александръ Васильевичъ! продолжалъ разспрашивать ее полковникъ.—Полюбился ли вамъ Донъ и не полюбилось ли что на Дону?

Говоря это, полковникъ лукаво усмѣхнулся.

Понявъ смыслъ послѣдняго вопроса, Дурова покраснѣла, но отвѣчала вѣжливо и сообразно шуткѣ, что старался-де не слишкомъ прилѣпляться къ прекрасной сторонѣ Донской, чтобъ не заплатить за это позднимъ сожалѣніемъ.

— Вы очень хорошо сдѣлали, сказалъ полковникъ,—потому что завтра чуть свѣтъ, и мы, и вы, должны сказать прости нашему тихому Дону! Вмѣсто 2-го полка мнѣ ввѣренъ, какъ видите по галунамъ, нумеръ первый, *Атаманскій Платова полкъ*, и мы имѣемъ повелѣніе слѣдовать въ Гродненскую губернію. Вотъ вы тамъ будете имѣть случай вступить въ какой угодно регулярный полкъ, какихъ тамъ не перечесть будетъ.

Въ три часа утра Дурова осѣдлала своего Алкида и на чумбурѣ привела его къ строю казаковъ; но какъ полковника тутъ еще не было, то она, привязавъ у коновязи своего коня, пошла въ ту залу, гдѣ собирались всѣ эсаулы, сотенные и хорунжіе полка, а также нѣкоторые изъ всадниковъ пообразованнѣе и попорядочнѣе другихъ. Множество молоденькихъ и хорошенькихъ смуглянокъ казачекъ пришли проводить своихъ мужей. При этомъ Дурова была свидѣтельницей трогательнаго зрѣлища. Урядникъ Вакула Спиридоновъ Щегровъ, бывшій всегда при полковникѣ въ походѣ, былъ съ нимъ же и на Дону; его отецъ, мать, жена и три взрослыя и прекрасныя дочери пришли проводить его, и еще разъ проститься съ нимъ. Умилительно было видѣть, какъ сорокалѣтній казакъ, склонясь до земли, цѣловалъ ноги своего отца и матери, принимая ихъ благословеніе, и послѣ самъ точно такъ же благословилъ дочерей сво-

ихъ, упавшихъ къ ногамъ его. Обрядъ этого прощанія былъ совершенно новъ для Дуровой и сдѣлалъ на душу ея самое грустное впечатлѣніе.

«Вотъ, думала она, какъ должно разставаться дѣтямъ съ отцемъ и матерью! А я, окаянная, я убѣжала! Вмѣсто благословенія, неслись за мною упреки раздраженныхъ родителей!»

Погрузясь въ эти печальныя мысли, она не замѣтила, какъ зала опустѣла и всѣ уже строились на площадкѣ передъ домомъ.

— А вы, чтожъ усѣлись здѣсь на диванчикѣ однѣ, *барышня*? Товарищи ваши всѣ въ сѣдлѣ и вашъ повѣса Алкидъ, этотъ караковый красавецъ изъ всего полка, бѣгаетъ по площади, ища васъ.

Это сказала старая нянюшка въ домѣ полковника, болѣе другихъ догадывавшаяся, что новый молоденькій казакъ не мужчина, а переодѣтая дѣвушка. Она то и дѣло всѣмъ горничнымъ толковала:

— Повѣрьте, дѣвки, моей шестидесятилѣтней опытности. Не сегодня завтра вы узнаете, что нашъ Александръ Васильевичъ,— какая нибудь Александра Васильевна, которая подъ казачьимъ мундиромъ розыскиваетъ какого нибудь гусара или улана, что-ли тамъ.

. . . .

Казаки были уже въ строю, близъ нихъ Алкидъ рылъ землю копытомъ отъ нетерпѣнія. Поспѣшая взять его, Дурова встрѣтила строгій взглядъ полковника:

— Въ вашемъ положеніи надобно быть всегда первымъ: для васъ это необходимо, Александръ Васильевичъ, сказалъ Степанъ Ивановичъ Борисовъ, выѣзжая передъ фронтъ.

Наконецъ обычное «Справа по три заѣзжай!» двинуло полкъ съ мѣста. Скоро опять раздалось: *Душа добрый конь*! Опять возобновились сцены прежней походной жизни. Но Дурова теперь уже не та: сдѣлавшись старѣе нѣсколькими мѣсяцами, она стала смѣлѣе и не приходитъ болѣе въ замѣшательство при всякомъ праздномъ вопросѣ. Офицеры Атаманскаго полка, составлявшаго какъ бы гвар-

дію Донскаго казачества, замѣчали въ обращеніи юнаго своего спутника ту вѣжливость, которая служитъ признакомъ хорошаго воспитанія и, оказывая ей уваженіе, старались быть съ нею вмѣстѣ, причемъ часто объясняли ей обычаи своей страны и, между прочимъ, показывали ей сафьянные, замшевые и кожаные мѣщечки, висѣвшіе на шнуркѣ у каждаго казака подъ чекменемъ на шеѣ. Въ мѣшечкахъ этихъ заключалась *донская родная земля*, спутница казака во всю его жизнь и слѣдующая за нимъ въ могилу по смерти его, гдѣ бы онъ ни умеръ, будь то скалы Финляндіи, или лѣсистыя горы Крыма, или болота Полѣсья, или тундры Сибири. Трогательный обычай, заставившій Дурову пожалѣть, что она не обзавелась такимъ мѣшечкомъ съ землею ирбитскою.

Въ началѣ весны 1807 года пришли они въ мѣстечко Дружкополь, на берегу рѣки Буга. Здѣсь тогда квартировалъ Брянскій мушкатерскій полкъ, которымъ командовалъ генералъ-маіоръ Лидерсъ, Николай Ивановичъ, отецъ покойнаго генералъ-адъютанта Александра Николаевича Лидерса, прославившагося въ концѣ царствованія Николая I и началѣ царствованія Императора Александра II. Офицеры мушкатеры и казаки часто бывали вмѣстѣ. Родъ жизни и ихъ препровожденіе времени казались Дуровой убійственными: сидятъ въ душной комнатѣ, съ утра до вечера курятъ трубки, играютъ въ карты, шашки и кости и болтаютъ всякій непотребный вздоръ. Полковникъ Борисовъ спрашивалъ Дурову, не хочетъ ли Александръ Васильевичъ опредѣлиться юнкеромъ въ Брянскій полкъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Дурова.—Хотя я очень хорошо знаю, что пѣхота есть главное ядро арміи и важнѣйшая часть войска, но я съ малолѣтства полюбила коня и кавалерійскую службу.

— Ну, какъ хотите, ваше отъ васъ, душа моя, не уйдетъ, вы еще такъ молоды, и у васъ все впереди. А то бы я могъ поговорить объ васъ съ генераломъ Лидерсомъ, моимъ боевымъ товарищемъ,

съ которымъ мы не разъ грѣлись у костровъ походныхъ, когда безсмертный вашъ тезка Суворовъ водилъ насъ повсюду за лавровыми вѣнками.

Дурова имѣла страстишку ходить одна въ лѣсу или въ полѣ. Во время Дружкопольской стоянки однажды она зашла весьма далеко отъ мѣстечка, и было уже за полночь, когда она возвращалась домой. Предавшись, по обыкновенію, своимъ мыслямъ, она шла скоро, не замѣчая мѣстъ. Вдругъ стонъ глухой и точно какъ бы изъ земли раздавшійся, прервалъ и тишину ночи, и ея мечтанія. Она остановилась. Осматриваясь и прислушиваясь, она услышала опять стонъ и увидѣла себя въ десяти шагахъ отъ кладбища. Стонъ несся оттуда. Ни малѣйшая тѣнь страха не взволновала души ея; она пошла къ кладбищу, отворила ограду, и, вошедши туда, ходила по всѣмъ могиламъ. Но стонъ продолжалъ разноситься словно изъ земли, по всѣмъ могиламъ, и она, продолжая идти отъ одной могилы къ другой, перешла, наконецъ, за церковь и съ удивленіемъ замѣтила, что стонъ относится вѣтромъ,—явное доказательство, что это не стонъ какого нибудь несчастнаго, ожившаго въ могилѣ. Не понимая, что бы это могло значить, она спѣшила дойти до кватиры полковника, чтобъ застать Щегрова не спящимъ и разсказать ему это происшествіе, которое, можетъ быть, онъ съумѣетъ лучше чѣмъ кто другой разъяснить ей. Она нашла въ самомъ дѣлѣ Щегрова бодрствующимъ и очень разсерженнымъ. Дурова была нѣкоторымъ образомъ у этого казацкаго ветерана подъ надзоромъ. Продолжительное отсутствіе ея въ ночное время навело на него страхъ, почему и разсказъ ея былъ имъ очень не радушно принятъ. Онъ сказалъ ей съ нескрываемою досадою, что она просто глупо дѣлаетъ, таскаясь ночью по кладбищамъ какъ шакалъ, обнюхивая могилы; что этотъ гнусный вкусъ доставитъ ей удовольствіе занемочь гнилой горячкой, отъ которой и умерло множество солдатъ Брянскаго полка. Щегровъ кончилъ наставленіе свое замѣчаніемъ, что еслибъ онъ (т. е. Дуро-

ва) не прямо изъ-подъ крыла маменьки своей явился къ нимъ, и далъ бы хоть немного обсохнуть молоку на губахъ своихъ, то могъ бы знать, что слышанный стонъ происходилъ отъ птицы, живущей на болотахъ и называемой у нихъ на Дону *бугай* или *быкъ*, птицы съ кошачьей головою и ушами, которую въ другихъ мѣстахъ Россіи называютъ *совою* или *филиномъ*. Птица эта не поетъ и не кричитъ, а стонетъ очень заунывно.

ГЛАВА V.

Начало службы Дуровой въ регулярной кавалеріи.—Поступленіе въ уланы.—Обученіе.

Атаманскій казачій полкъ шелъ въ городъ Гродно. Казаки острили пики и сабли, чистили ружья и пистолеты. Къ Алкиду не было приступа: онъ храпѣлъ, прыгалъ, брыкался, словно ждалъ чего-то необыкновеннаго.

Атаманцы пришли наконецъ въ Гродно. Полкъ долженъ былъ пробыть здѣсь только двое сутокъ и слѣдовать за границу, т. е. въ Королевство Польское. Полковникъ призвалъ къ себѣ Дурову и сказалъ ей:

— Теперь, Александръ Васильевичъ, вы имѣете удобный случай опредѣлиться въ который угодно изъ формирующихся здѣсь кавалерійскихъ эскадроновъ. Но послѣдуйте моему дружескому совѣту: будьте откровенны съ начальникомъ того полка, въ который разсудите опредѣлиться. Хотя чрезъ это не примутъ васъ юнкеромъ, по крайней мѣрѣ вы пріобрѣтете доброе къ себѣ расположеніе начальства. А между тѣмъ, не теряя времени, пишите къ вашимъ родителямъ, чтобъ выслали вамъ необходимыя свидѣ-

тельства, безъ которыхъ васъ могутъ и совсѣмъ не принять, или по крайней мѣрѣ надолго оставить рядовымъ.

Дурова поблагодарила добрѣйшаго Степана Ивановича за всю оказанную ей дружбу и гостепріимство, равно какъ за послѣдній добрый совѣтъ, и, наконецъ, простилась съ нимъ, потому что на другой день казаки ушли за границу, а она осталась въ Гроднѣ. Здѣсь изъ окна своей квартиры она почти ежедневно видѣла толпы уланъ въ самыхъ разноцвѣтныхъ мундирахъ: тутъ были одежды всѣхъ цвѣтовъ и люди разныхъ уланскихъ полковъ. Люди эти пѣли, плясали и во всю мочь трубили. Это были вербовщики изъ разныхъ полковъ нѣсколькихъ уланскихъ дивизій, которые приглашали молодыхъ людей принять участіе въ ихъ веселости и записаться въ тотъ или другой полкъ *).— Когда Дурова, стоя у открытаго окна, смотрѣла на эту пляшущую и орущую ватагу изъ представителей *уланства* всей Россіи, въ то время замѣнявшаго расформированныхъ *пикинеровъ*,—къ ней подошелъ немолодыхъ лѣтъ портупей-юнкеръ съ серебрянымъ офицерскимъ темлякомъ на эфесѣ гремящей его сабли. То былъ начальникъ этой вербовки, по ихнему *намѣстникъ*.

— Какъ вамъ, пригожій казачокъ, спросилъ онъ Дурову, — нравится наша удалая жизнь? Не правда ли, что забубенщина наша весела? Не правда ли, она весела?

Дурова отвѣчала, что правда и, затворивъ окно, ушла подальше отъ этой компаніи, которая ей не нравилась. На другой день она узнала, что это нарочно присланные изъ всѣхъ уланскихъ полковъ служивые уланы для формированія новаго *Коннопольскаго полка*, преимущественно изъ поляковъ, которыхъ вербовали посредствомъ завлеченія и обмана цѣлыми массами. Сформировавшеюся уже такимъ образомъ командою начальствовалъ въ данное время

*) Такой способъ набора, называемый вербовкою, былъ въ тѣ времена принятъ во многихъ государствахъ.

ротмистръ, который прилежно обучалъ новобранцевъ всѣмъ уланскимъ пріемамъ и верховой ѣздѣ, большею частью, безъ сѣдла и даже безъ попонки. Собравъ эти свѣдѣнія, Дурова отыскала квартиру такъ называемаго «Намѣстника», наканунѣ съ нею говорившаго. Онъ сказалъ ей, что если она хочетъ опредѣлиться въ ихъ новоформирующійся полкъ на службу, то можетъ подать просьбу объ этомъ ихъ ротмистру, Казимирскому, и что ей вовсе нѣтъ надобности плясать на улицѣ съ толпою всякаго сброда, лѣзущаго въ ихъ полкъ. Дурова очень обрадовалась возможности поступить на службу, и сказала это намѣстнику.

— Не угодно ли вамъ идти со мною къ ротмистру Казимирскому? Ему очень пріятно будетъ пріобрѣсть такого рекрутика, отвѣчалъ юнкеръ.

Вышедши изъ комнаты портупей-юнкера, имъ надо было пройти черезъ общую залу корчмы. Зала эта была полна уланъ-вербовщиковъ и завербовавшихся рекрутъ, у которыхъ на шапкахъ были малиновыя ленты по цвѣту воротниковъ коннопольскаго мундира. Все это общество плясало и пѣло во всю ивановскую. Стараясь скорѣе миновать шумную толпу, Дурова схватила руку намѣстника, но въ то же время одинъ изъ уланъ, схвативъ ея станъ рукою, влетѣлъ съ нею въ кругъ и, топнувъ ногою, пощелкивая шпорами, приготовился начать самую польскую удалую мазурку, которую уже нѣсколько паръ прыгали и скользили безъ всякаго порядка, при чемъ за дамъ были новобранцы съ малиновыми лентами. Намѣстникъ, портупей-юнкеръ освободилъ Дурову отъ этихъ расходившихся плясуновъ. Смѣхъ его удвоился отъ этого необыкновеннаго новаго случая, и дальнѣйшій путь къ квартирѣ ротмистра они совершили уже безпрепятственно.

Ротмистръ Казимирскій былъ старый служака, человѣкъ лѣтъ около пятидесяти. Онъ имѣлъ наружность столько благородную, столько истинно воинственную, при чемъ добродушіе и храбрость

дышали во всѣхъ чертахъ его лица. Когда Дурова вошла не предупрежденная своимъ проводникомъ портупей-юнкеромъ, то ротмистръ очевидно, сочтя ее за казацкаго офицера, вѣжливо поклонился и спросилъ: «Что вамъ угодно?» — Дурова сказала, что, желая служить въ коннопольскомъ полку и узнавъ, что ему поручено формировать этотъ полкъ, посредствомъ кадровъ унтеръ-офицеровъ изъ всего русскаго уланства, — пришелъ просить о принятіи его на службу.

— Васъ принять въ коннопольскій полкъ! сказалъ ротмистръ съ удивленіемъ.—Вы казакъ и исключительно принадлежите къ казачьему войску и въ немъ должны служить исключительно.

— Одѣяніе мое васъ обманываетъ, господинъ ротмистръ;—я русскій дворянинъ и, слѣдовательно, воленъ избирать родъ службы, какой хочу, именно однако кромѣ казачьей, замкнутой для всѣхъ не казаковъ.

— Можете ли доказать ваше дворянское происхожденіе?

— Нѣтъ! Документально не могу. Но ежели вамъ угодно будетъ повѣрить одному слову моему, что я точно русскій дворянинъ, то, повѣрьте, я буду умѣть цѣнить такое снисхожденіе, и, по окончаніи кампаніи, обязываюсь доставить въ полкъ все, что нужно для подтвержденія справедливости моихъ словъ.

— Какъ же это случилось, что вы носите казачій мундиръ?

— Отецъ мой, русскій баринъ, ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ отдавать меня въ военную службу, къ которой съ раннихъ лѣтъ я чувствовалъ особенное влеченіе и даже страсть. Я обошелся безъ согласія отца, тайно сшилъ себѣ этотъ мундиръ, ушелъ изъ дома тихонько, присоединился къ казачьему № 2 полку и съ нимъ пришелъ сюда. Полкъ этотъ остался на Дону, а я присоединился къ Атаманскому № 1 полку, который вчера ушелъ за границу подъ командой полковника Борисова, у котораго въ станицѣ Раздорной я жилъ на Дону въ его домѣ и семьѣ.

— Сколько лѣтъ вамъ? Какъ ваша фамилія?

— Мнѣ семнадцатый годъ. Фамилія моя *Дуровъ*, Александръ Васильевичъ.

Ротмистръ тогда обратился къ одному офицеру своего полка съ такимъ же, какъ у него, малиновымъ воротникомъ:

— Станиславъ, какъ думаешь? Принять его?

— Какъ хотите; почемужъ бы и не принять; теперь война, люди нужны, а этотъ обѣщаетъ быть молодцемъ.

— А если онъ казакъ и почему либо хочетъ укрыться отъ своихъ, вступивъ въ регулярный полкъ?

— Не можетъ того быть, ротмистръ! На лицѣ его, почти дѣтскомъ, написано, что онъ не лжетъ. Въ этомъ возрастѣ притворяться не очень-то умѣютъ. Впрочемъ, ежели вы откажете, онъ пойдетъ къ другому, который не будетъ такъ излишне остороженъ, и вы потеряете хорошаго рекрута.

Весь этотъ разговоръ шелъ на польскомъ языкѣ, которому еще въ Ирбитѣ и въ Малороссіи Дурова на столько выучилась, что порядочно понимала.

Затѣмъ ротмистръ обратился къ Дурову съ словами:

— Согласенъ повѣрить вашему честному слову, Дуровъ! Надѣюсь, что вы оправдаете мою довѣренность вашимъ нравственнымъ и военнымъ поведеніемъ.

Дурова при этомъ сказала, что имѣетъ лошадь превосходную и подходящую ростомъ къ уланскимъ строевымъ лошадямъ, почему и желалъ бы на ней служить, ежели можно.

— Нельзя, сказалъ ротмистръ,—вамъ дадутъ казенную лошадь изъ сорта офицерскихъ. Впрочемъ, вы можете держать вашу лошадь при себѣ до времени, пока найдется случай продать.

— Продать! Кого, Алкида? вскрикнула Дурова,—ахъ! сохрани меня Боже отъ такого несчастія!..... Нѣтъ, господинъ ротмистръ, у меня, слава Богу, есть деньги, я буду кормить мою лошадь на свой счетъ и ни для чего на свѣтѣ не разстанусь съ нею.

Казимирскій самъ былъ прирожденный кавалеристъ. Ему очень понравилась привязанность къ лучшему товарищу въ военное время. Онъ сказалъ, что лошадь ея будетъ имѣть мѣсто на собственной его конюшнѣ и вмѣстѣ кормъ, что молодой товарищъ (такъ въ этомъ полку назывались рекруты изъ дворянъ) можетъ на ней идти съ полкомъ за границу и что онъ беретъ на себя исходатайствовать позволеніе служить на ней.

Послѣ этого онъ велѣлъ послать къ себѣ одного изъ уланъ, при немъ находившихся, и отдалъ юнаго новобранца, какъ бы дядькѣ, его смотрѣнію, приказавъ учить новичка маршировать, рубить на эспадронахъ, стрѣлять, ловко владѣть пикою, сѣдлать, расѣдлывать, вьючить и чистить лошадь, и когда Дуровъ научится всему этому обмундировать и употреблять на службу. Уланъ, выслушавъ приказаніе начальника, взялъ новаго новобранца, подъ одеждою котораго вовсе не подозрѣвалъ молодую дѣвушку, бѣжавшую изъ родительскаго дома, чтобъ сдѣлаться воиномъ и стать въ ряды защитниковъ отечества. Уланъ, взялъ своего новаго питомца въ *сборную*, какъ называется на полковомъ языкѣ изба, а иногда и сарай, гдѣ учатъ молодыхъ солдатъ всему, что къ службѣ относится.

Всякій день Дурова вставала на зарѣ и отправлялась въ сборную, откуда всѣ вмѣстѣ завербованные новобранцы и она съ ними шла въ конюшню. Уланскій профессоръ въ примѣръ другимъ ставилъ понятливость Дурова, при постоянной готовности его заниматься эволюціями, хотя бы это было съ ранняго утра до поздней ночи. Онъ постоянно говорилъ, что Дуровъ будетъ настоящій уланъ и молодецъ изъ молодцовъ. Надобно однакожь признаться, что она, бѣдняжка, уставала ужасно, размахивая тяжелою пикою. Проведя все утро на ученьѣ, обѣдать, съ запасомъ волчьяго аппетита, ходила она къ Казимирскому. Онъ экзаменовалъ ее съ отеческимъ снисхожденіемъ, спрашивалъ нравятся ли ей ея теперешнія занятія, и много ли удовольствія она находитъ въ военномъ ремеслѣ.

Дурова отвѣчала, что она со дня рожденія своего уже страстно любитъ военное ремесло; что занятія воинственныя были, есть и будутъ исключительнымъ ея упражненіемъ, что она считаетъ званіе воина благороднѣйшимъ изъ всѣхъ званій, и единственнымъ, въ которомъ нельзя предполагать никакихъ пороковъ, потому что неустрашимость есть первое и необходимое качество воина; съ неустрашимостью же неразлучно величіе души, и при соединеніи этихъ двухъ достоинствъ, нѣтъ мѣста порокамъ или низкимъ страстямъ.

— Неужели вы думаете, молодой человѣкъ, спрашивалъ ротмистръ,—что безъ неустрашимости нельзя имѣть качествъ, достойныхъ уваженія? Есть много людей, дружокъ мой, робкихъ отъ природы и имѣющихъ прекраснѣйшія свойства.

— Очень вѣрно, ротмистръ; но думаю все-таки, что неустрашимый человѣкъ не можетъ не быть добродѣтеленъ.

— Можетъ быть, вы правы, мой милый, говорилъ ротмистръ, улыбаясь;—но, присовокуплялъ онъ, поглаживая свои безконечные усы, падавшіе почти до пояса и трепля юнаго подчиненнаго своего по плечу,—подождемъ лѣтъ съ десятокъ, и также подождемъ перваго сраженія, которое не за горами: опытъ во многомъ можетъ разувѣрить.

Послѣ обѣда Казимирскій ложился спать на часокъ-другой, а Дурова отправлялась въ конюшню дать лошади ея порцію овса. Затѣмъ уже она была свободна дѣлать что хотѣла до шести часовъ вечера.

Сколько ни бывала Дурова утомлена, размахивая цѣлое утро тяжелою пикою, этою сестрою сабли, маршируя пѣше и прыгая на лошади пять или шесть барьеровъ, но полчаса отдохновенія прогоняло всякую усталость, и она отъ двухъ до шести часовъ вечера расхаживала по полямъ, горамъ безстрашно, беззаботно и безустанно!—И все это, благодаря животворному чувству свободы, которою она въ это время пользовалась.

*

Дурову и еще одного новичка, *Вышемирскаго*, приказалъ ротмистръ назначить въ первый взводъ подъ команду поручика Бошнякова. Взводъ этотъ квартировалъ въ бѣдной бѣлорусской деревнѣ, окруженной болотами.

Эта часть Литвы крайне бѣдная и жалкая сторона. Жители такъ бѣдны, блѣдны, тощи и заморены, что безъ сожалѣнія нельзя смотрѣть на нихъ. Глинистая почва, усѣянная камнями, худо награждаетъ тягостныя усилія удобрить и обработать ее; хлѣбъ здѣсь такъ черенъ, какъ уголь, и сверхъ этого смѣшанъ съ дресвою.

Болѣе трехъ недѣль стояли коннопольцы тутъ. Дуровой дали мундиръ, саблю, пику такую тяжелую, что она ей казалась бревномъ; дали бѣлые шерстяные эполеты, уланскую высокую малиновую шапку, съ волосянымъ узкимъ, длиннымъ султаномъ. Еще дали ей бѣлую кожанную перевязь съ подсумкомъ, наполненнымъ патронами, для пары пистолетовъ въ кабурахъ сѣдла и для карабина, прикрѣпленнаго къ задней лукѣ сѣдельнаго арчака. Все это очень чисто, очень красиво и сверхъ всего этого, нечего грѣха таить, очень тяжело. Дурова вѣровала въ возможность ко всему этому привыкнуть, и дѣйствительно привыкла довольно скоро. Но всего труднѣе ей было привыкнуть къ казеннымъ сапогамъ изъ такого грубаго товара, о которомъ бѣдная дѣвушка никогда и понятія не имѣла. Охотно бы она заказала полковому сапожнику сшить новую и болѣе удобную пару сапогъ, да та бѣда, что въ это время у ней почти всѣ ея деньги вышли, а потому она искала утѣшенія въ правилѣ, что необходимо терпѣть то, чего нельзя перемѣнить.

Взводный начальникъ Дуровой, поручикъ Бошняковъ, взялъ ее и Вышемирскаго къ себѣ на квартиру. Будучи хорошо воспитанъ, Бошняковъ обращался съ ними обоими, какъ прилично благородному человѣку обращаться съ равными ему. Они жили въ домѣ помѣщика, который Бошнякову предоставилъ очень обширную особую комнату.

Такъ какъ ко всему можно привыкнуть, то въ болѣе или менѣе

короткое время Дурова привыкла къ своимъ «кандаламъ», какъ она называла казенные сапоги, и стала бѣгать въ нихъ также легко и неутомимо, какъ прежде, въ болѣе легкой обуви; только на ученьѣ тяжелая, дубовая пика едва не отламывала ей руку, особенно когда надо было вертѣть ею надъ головою, исполняя этотъ пріемъ.

ГЛАВА VI.

На походѣ въ Пруссію—Бой подъ Гудштадтомъ.—Подвиги Дуровой.—Лишенія и трудности похода.—Приключенія.

Скоро всѣ войска двинулись за границу *). Арміи предстояло сражаться. Подъ вліяніемъ этого чувства, Дурова послала письмо къ отцу, котораго умоляла простить ей ея побѣгъ, дать родительское благословеніе и позволить идти путемъ, указаннымъ самимъ Провидѣніемъ для ея счастія. Только что она отнесла на почту свое письмо, адресованное въ Ирбитъ, велѣно было выводить лошадей. Послѣдовало разрѣшеніе Дуровой идти въ походъ и сражаться на ея безцѣнномъ Алкидѣ. Войска шли въ Пруссію безъ особенной поспѣшности; переходы были очень умѣренные и дневки, какъ обыкновенно, черезъ два и черезъ три дня.

На третьемъ переходѣ Вышомирскій сказалъ, что отъ этой дневки недалеко селеніе дяди его, у котораго живетъ и воспитывается родная сестра его. Вышемирскій пригласилъ своего товарища Дурова поѣхать съ нимъ погостить сутки у дяди, что имъ добрый ротмистръ охотно и радушно разрѣшилъ на одни сутки. Семья пана Куната и

*) Въ 1807 году Наполеонъ воевалъ съ Пруссіею; Императоръ Александръ I былъ въ союзѣ съ Пруссіею и помогалъ ей.

онъ самъ оказались превосходными людьми, въ домѣ которыхъ молодые люди, встрѣтивъ радушное гостепріимство, провели сутки какъ нельзя пріятнѣе. Кромѣ пріятнаго воспоминанія, они увезли съ собою множество всевозможныхъ произведеній польской кухни. Юные воины привезли въ эскадронъ громадныя саквы со всевозможною, болѣе или менѣе лакомою провизіею.

Мая 21-го 1807 года, въ день Константина и Елены, эскадронъ Казимирскаго присоединился къ полку, имѣвшему праздничную дневку по случаю тезоименитства Его Высочества Великаго князя Константина Павловича генералъ-инспектора всей Россійской кавалеріи и шефа всѣхъ уланскихъ полковъ. Въ этотъ же день ротмистръ Казимирскій представлялъ на смотръ командиру, генералъ-маіору Каховскому свой сформированный отрядъ для пополненія новаго полка, при чемъ товарищи и всадники размѣщались по другимъ эскадронамъ. На смотру Казимирскій имѣлъ вѣжливость не поставить товарища Дурова въ одну шеренгу съ завербованными, но представилъ особо генералу Каховскому, который назначилъ этого ловкаго новичка, какъ выразился о Дуровѣ, въ лейбъ-эскадронъ, которымъ командовалъ ротмистръ Галлеръ.

Мая 22-го полкъ былъ въ прусскомъ мѣстечкѣ Гутштадтѣ. Тутъ было боевое дѣло. Коннопольцы нѣсколько разъ ходили въ атаку но не всѣмъ полкомъ, а поэскадронно. Дуровъ не довольствовался своимъ лейбъ-эскадрономъ, а бросался съ какимъ-то необычайнымъ увлеченіемъ съ каждымъ эскадрономъ. Сослуживцы выговаривали за это Александру Васильевичу, полагая, что онъ разыгрываетъ роль новой метлы и увлекается порывами удальства для того, чтобъ порисоваться въ глазахъ начальства. Однако, все-таки такая храбрость, юноши казалась необыкновенною, и они не могли удержаться, чтобы нѣсколько разъ не закричать: «Браво! Дуровъ! Браво! Мальчикъ!».

Происходило все это такъ, а не иначе, просто отъ незнанія сути.

дѣла. Дурова думала, что такъ надобно было и крайне недоумѣвала тому, что вахмистръ чужаго эскадрона, подлѣ котораго она неслась какъ вихрь, кричалъ на нее:

— Да провались ты, пострѣленокъ, отсюда! Зачѣмъ ты здѣсь скачешь?

Воротившись къ своему эскадрону, она не стала въ свой ранжиръ, но разъѣзжала по близости; новость зрѣлища поглотила все ея вниманіе; грозный и величественный гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, ревъ или какое-то рокотанье летящаго ядра, скачущая конница, блестящіе штыки пѣхоты, барабанный бой, твердый шагъ и покойный видъ, съ какимъ наши пѣхотные полки шли на непріятеля,—все это наполняло душу ея такими ощущеніями, которыхъ она никакими словами ни устно, ни на бумагѣ, не могла никогда выразить.

Но среди всего этого восторга Дурова чуть было не лишилась своего неоцѣненнаго Алкида: разъѣзжая, вблизи своего эскадрона, и разсматривая любопытную картину битвы, увидѣла она нѣсколькихъ человѣкъ французскихъ драгунъ. Эти французы, окруживъ одного русскаго офицера, судя по оранжевому воротнику, отворотамъ и лампасамъ, финляндскаго драгунскаго полка, сбили его выстрѣломъ изъ пистолета съ лошади. Онъ упалъ и они, негодяи, хотѣли рубить его, лежащаго на землѣ. Въ тужъ минуту Дурова на своемъ быстроногомъ карабахѣ понеслась къ нимъ, держа пику на перевѣсъ. Надобно думать, что эта сумасбродная смѣлость испугала трехъ французовъ, такъ не по-рыцарски поступавшихъ въ отношеніи къ упавшему врагу,—потому что они въ то же мгновеніе, не желая знакомиться съ наконечникомъ пики, острымъ какъ кинжалъ,—убѣжали отъ раненаго. Дурова прискакала и остановилась надъ раненымъ; минуты двѣ она смотрѣла на него молча. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, не подавая признака жизни; полагать надо, онъ думалъ, что надъ нимъ стоитъ непріятель. Наконецъ несчаст-

ный рѣшился взглянуть, и тогда Дурова тотчасъ спросила, не хочетъ ли онъ сѣсть на ея лошадь?

— Ахъ, сдѣлайте милость, другъ мой, сказалъ раненый драгунъ едва слышнымъ голосомъ.

Она сошла съ лошади и съ величайшимъ трудомъ подняла раненаго, истекавшаго кровью; но тутъ и кончилась ея услуга: онъ упалъ ей на руку грудью, и она, чуть держась на ногахъ, не знала, что ей дѣлать и какъ посадить его на Алкида, котораго держала другою рукою. Такое положеніе кончилось бы очень невыгодно для обоихъ, т. е. для драгунскаго офицера и для юнаго коннопольца, если бы къ счастію не подъѣхалъ къ нимъ финляндскаго же полка солдатъ и не помогъ Дуровой посадить раненаго на ея лошадь. Она сказала этому солдату, чтобы лошадь прислали въ коннопольскій полкъ *Дурову*, а драгунъ сказалъ ей, что спасенный ею офицеръ— *поручикъ Панинъ* финляндскаго драгунскаго полка, и что лошадь ея ей тотчасъ же пришлютъ. Офицера шагомъ повезли къ его полку, а Дурова пѣшкомъ пошла къ своему. Она чувствовала себя въ весьма невыгодномъ положеніи, оставшись одна пѣшкомъ, среди скачки, стрѣльбы, рубки на сабляхъ, и видя, что все это или пролетало мимо нея молніею, или съ увѣренностью въ добротѣ коня своего, тихо галопировало въ разныхъ направленіяхъ. И она невольно воскликнула: „Увы, мой Алкидъ! Гдѣ-то онъ теперь?“ Она очень раскаявалась, отдавши такъ безрасудно свою неоцѣненную лошадь.

Эскадронный командиръ, увидѣвъ Дурову пѣшею и думая, что она ранена, сначала съ участіемъ спросилъ ее, не ранена ли она? Но узнавъ, что нѣтъ и, видя ее безъ всякаго дѣла, разсердился на спѣшеннаго улана и грозно крикнулъ:

— Пошелъ за фронтъ, повѣса!

Хотя печально, но поспѣшно пошла Дурова къ тому мѣсту, гдѣ видѣла малиновые флюгера пикъ коннопольскаго полка. Встрѣчающіеся съ участіемъ говорили промежь себя:

— Ахъ! Боже мой, посмотри, какой чуть только не ребенокъ раненъ! Иначе никто не могъ думать, видя улана пѣшкомъ въ залитомъ запекшеюся кровью мундирѣ. То была кровь поручика Панина, который, какъ уже выше сказано, лежалъ всею простреленной грудью на рукѣ Дуровой.

Къ неизъяснимой радости ея, Алкидъ былъ ей возвращенъ. Она шла задумчиво полемъ къ своему полку „за фронтъ", какъ вдругъ увидѣла ѣдущаго съ непріятельской стороны коннопольскаго полка поручика Подвышанскаго верхомъ на ея безцѣнномъ конѣ. Она почти обезумѣла отъ внезапной радости, и не заботясь о томъ, какимъ случаемъ конь ея очутился подъ Подвышанскимъ, подбѣжала и стала гладить, ласкать, цѣловать въ губы своего милаго Алкида, который тоже изъявилъ свою радость прыжкомъ и громкимъ ржаньемъ.

— Развѣ эта лошадь твоя? спросилъ удивившійся Подвышанскій.

Дурова разсказала ему свое похожденіе съ раненымъ Панинымъ. Онъ тоже не похвалилъ ея опрометчивости и добавилъ, что купилъ эту лошадь у казаковъ за два червонца. Дурова просила поручика отдать лошадь ей обратно, обѣщая уплатить слѣдующія ему деньги.

— Хорошо; но на сегодня оставь Алкида твоего у меня; лошадь мою убили, и мнѣ не на чемъ быть въ дѣлѣ, сказалъ Подвышанскій, далъ шпоры Алкиду и ускакалъ на немъ, а она, она только что не плакала, видя своего вѣрнаго ратнаго товарища, пришедшаго съ нею за тысячи верстъ, теперь въ чужихъ рукахъ и понукаемаго шпорами, желѣзо которыхъ никогда не касалось боковъ благороднаго животнаго. Тогда Дурова поклялась передъ самой собою никому болѣе во всю жизнь не отдавать своей лошади. Наконецъ этотъ мучительный день кончился. Подвышанскій отдалъ ей Алкида цѣлаго и невредимаго, только нѣсколько болѣе обыкновеннаго утомленнаго.

Русская армія принялась преслѣдовать ретировавшагося непрія-

теля, который однако преспокойно успѣлъ переправиться 24 мая черезъ рѣчку Пассаргу, на берегахъ которой стояли русскія войска. Переправясь черезъ Пассаргу, французы встрѣтили насъ выстрѣлами. Но наши войска обрѣтались тутъ въ полнѣйшемъ бездѣйствіи за невозможностью дѣлать что нибудь. Впереди кавалеріи егеря перестрѣливались съ непріятельскими стрѣлками черезъ рѣчку, разумѣется, съ той и съ другой сторонъ безъ успѣха. Коннопольцы поставлены были тотчасъ за егерями. Бѣдная воинственная Дурова была страшно голодна, такъ какъ у нея не было ни полсухаря: казаки, временно владѣвшіе ея Алкидомъ, безцеремонно поступали съ ея саквами, опорожнивъ все въ нихъ содержимое въ свои желудки, а плащъ и чемоданъ обратили въ свою пользу. Дурова получила своего коня съ однимъ только сѣдломъ, а все прочее пропало. Она старалась во снѣ забыть, что ей ѣсть хочется, однакожъ это ни сколько не помогало утоленію голода. Наконецъ уланъ, которому она была поручена въ смотрѣніе, и имѣвшій еще и въ настоящее время власть пѣстуна, замѣтя, что на сѣдлѣ ея саквъ нѣтъ, и что лицо ея ужасно блѣдно, предложилъ ей изъ своей провизіи три заплѣсневѣлыхъ сухаря. Она съ радостью было взяла ихъ и положила въ яму, полную дождевой воды, чтобъ они нѣсколько размокли. Хотя она не ѣла болѣе полутора сутокъ, однакожъ не могла съѣсть болѣе одного изъ этихъ сухарей: такъ они были горьки и зелены.

Войска продолжали стоять на берегу Пассарги; стрѣлки перестрѣливались, уланы такъ себѣ лежали на травѣ. Дурова отъ скуки пошла ходить по холмамъ, гдѣ стояли казацкіе ведеты. Сходя съ одного пригорка, она увидѣла ужасное зрѣлище: два егеря, хотѣвшіе, видно спрятаться, отъ непріятеля или просто подальше отъ глазъ начальства выпить припасенную ими въ ранцевыхъ манеркахъ водку, лежали тутъ оба мертвые; смерть нашла ихъ въ этомъ убѣжищѣ; они оба были убиты однимъ ядромъ, которое, сорвавъ сидѣвшему выше всю грудь, пробило товарищу его, сидѣвшему нѣсколько ниже,

бовъ, вырвало внутренности и покрытое ими тѣло лежало тутъ же. Рядомъ съ этими страшнымъ ядромъ лежала и маперка убитыхъ солдатиковъ, не успѣвшихъ выпить заключавшуюся въ ней водку. Содрогаясь, ушла Дурова отъ ужаснаго вида этихъ двухъ тѣлъ. Возвратясь къ полку, она легла-было въ кустахъ и заснула, но была очень скоро и непріятно разбужена: близь нея упало ядро, и вслѣдъ за нимъ прилетѣло еще нѣсколько ядеръ. Она вскочила и отбѣжала шаговъ десять отъ этого мѣста; но фуражка ея осталась на мѣстѣ и, будучи краснаго цвѣта, была ясно видна среди зеленаго поля. Вахмистръ, выразившій мнѣніе, что казенное не должно пропадать, велѣлъ юному рядовому идти и взять фуражку. Дурова, всегда безстрашная, пошла и взяла ее, хотя, правду сказать, дѣлала это не совсѣмъ охотно, потому что ядра густо и безпрерывно падали въ этотъ кустарникъ. Причиною этой неожиданной картечной пальбы по насъ были наши уланскіе флюгера на дротикахъ. Уланы воткнуки пики въ землю при коновязяхъ. Разноцвѣтные флюгера, играя съ вѣтромъ и трепеща въ воздухѣ, привлекли вниманіе непріятеля. Угадывая по флюгерамъ присутствіе русскихъ войскъ въ этомъ лѣсочкѣ, непріятель направилъ туда свои пушки. Вслѣдствіе этого коннопольцевъ велѣно было отвести подальше и пики положить на землю.

Вечеромъ того же 24 мая, приказано было Коннопольскому полку быть на лошадяхъ. До глубокой полночи сидѣли уланы какъ вкопаные на лошадяхъ и съ нетерпѣніемъ ожидали, когда имъ велѣно будетъ двинуться съ мѣста. Теперь уланы сдѣлались арріергардомъ и должны были прикрывать тылъ арміи: такъ говорилъ, по крайней мѣрѣ, командиръ лейбъ-эскадрона. Уставъ смертельно сидѣть на лошади такъ долго, Дурова спросила Вышемирскаго, не хочетъ ли онъ спѣшиться? Тотъ сказалъ, что давно бы сошелъ, ежели бы не ожидалъ каждую секунду, что полкъ двинется впередъ.

— Мы это услышимъ, сказала Дурова,—и въ мигъ сядемъ въ сѣд-

ла, а теперь переведемъ ихъ за этотъ ровъ и ляжемъ тутъ на травѣ.

Вышемирскій послѣдовалъ ея совѣту: они перевели своихъ лошадей черезъ ровъ и сами легли въ кустахъ, чтобъ расправить одеревенѣвшіе члены. Дурова обвила поводъ вокругъ руки и тотчасъ же заснула крѣпчайшимъ сномъ. Вдругъ она услышала имя свое «Дуровъ! Дуровъ!» два раза повторенное, и при этомъ она чувствовала, что Алкидъ толкаетъ ее головою, храпитъ и бьетъ копытомъ въ землю. Она почувствовала, что земля задрожала подъ нею, и потомъ все затихло. Сердце ея замирало, она понимала опасность, силилась проснуться, и не могла. Алкидъ безпрестанно билъ копытомъ землю и храпѣлъ, наклонивши морду къ своей госпожѣ. Съ трудомъ наконецъ Дурова открыла глаза, встала и убѣдилась, что Вышемирскаго нѣтъ. Она посмотрѣла на мѣсто, гдѣ былъ полкъ, —и полка нѣтъ! Она окружена мракомъ и безмолвіемъ ночи, столь страшной въ теперешнемъ случаѣ. Глухо отдававшійся топотъ лошадей даетъ ей понять, что полкъ удаляется на рысяхъ. Она поспѣшила сѣсть на Алкида, хотя нога ея не вдругъ отыскала стремя. Сѣвъ въ сѣдло, Дурова мысленно предоставила себя волѣ Божіей, опустила повода, давъ коню полную волю. И вѣрный конь не злоупотребилъ этою свободой, но, напротивъ, онъ перескочилъ ровъ, и прямо черезъ кустарникъ понесъ свою смѣлую всадницу, принимаемую всѣми за всадника, легкимъ, быстрымъ скокомъ прямо къ полку, догналъ его въ четверть часа времени и сталъ въ свой ранжиръ. Вышемирскій сказалъ, что онъ считалъ своего юнаго сослуживца уже погибшимъ. Онъ говорилъ, что самъ очень испугался, слыша полкъ удалявшимся и потому громко крикнувъ Дурова два раза, оставилъ его на волю Божью и его участь.

Мая 29 и 30 были битвы подъ Гейльсбергомъ. Французы тутъ дрались съ неистовымъ остервененіемъ. Полкъ Коннопольцевъ мало могъ принимать участія въ этихъ дѣлахъ: тутъ громила артиллерія

и разили побѣдоносные еще Суворовскіе штыки русской пѣхоты, стойкость которой образцовая. Впрочемъ, и уланы были не безъ дѣла: они прикрывали артиллерію, чтó весьма непріятно, потому что въ этомъ положеніи оскорбленіе со стороны непріятеля принимается безотвѣтно, то есть должно, ни на что не смотря, стоять на своемъ мѣстѣ неподвижно. До этого времени геройская дѣвица Надежда Дурова, много испытавшая въ горькое время участь свою въ военныхъ дѣйствіяхъ, находила, что ничто особенно ужасное ее не поражало и не заставляло смутиться, хотя она видѣла вокругъ себя многое множество блѣдныхъ, отчаянныхъ лицъ; видѣла также, какъ низко они, когда летитъ ядро, низко клапялись, уповая вѣроятно, что есть возможность отъ него уклониться. Видно, страхъ сильнѣе разсудка у этихъ господъ. Она въ эти дни очень много, слишкомъ много видѣла раненыхъ тяжело и убитыхъ на повалъ. Ей было жаль смотрѣть на тяжело раненыхъ и мучительны были для ея слуха ихъ стоны.

Въ 30 день мая опасность была такъ близка къ Дуровой, какъ уже ей нельзя быть ближе, по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла: граната упала подъ брюхо ея лошади и тотчасъ лопнула; черепки съ свистомъ полетѣли во всѣ стороны. Оглушенная громомъ, осыпанная землею, Дурова едва усидѣла на Алькидѣ, который далъ такого прыжка въ сторону, что какъ ни тверда она была въ сѣдлѣ, едва усидѣла на своемъ конѣ, и ей казалось, что въ лошадь вселился дьяволъ. Но всего утѣшительнѣе и удивительнѣе то, что ни одинъ черепокъ не коснулся ни ея, ни ея коня, чѣмъ крайне были удивлены всѣ ветераны полка.

Наконецъ коннопольцевъ, простоявшихъ тутъ подъ огненнымъ дождемъ и подъ сильнѣйшимъ проливнемъ, замѣнилъ другой кавалерійскій полкъ.

Когда Коннопольскій полкъ сталъ на разстояніи, безопасномъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, то Дурова попросила ротмистра Гал-

лера позволить ей съѣздить въ Гейльсбергъ, находившійся отъ расположенія полка въ верстѣ разстоянія. Ей нужно было подковать Алкида, который потерялъ подкову, да еще хотѣлось купить чего нибудь съѣстнаго. Она была такъ голодна, что съ завистью смотрѣла на ломоть получерстваго хлѣба въ рукѣ одного изъ офицеровъ своего полка. Ротмистръ позволилъ ей ѣхать, но только приказалъ скорѣе возвращаться, потому что наступала ночь и полкъ могъ перемѣнить позицію. Она и Алкидъ, оба дрожащіе отъ холода и голода, понеслись какъ вихрь къ Гейльсбергу. Въ первой попавшейся на глаза заѣздной корчмѣ поставила она своего коня, и увидѣвъ тутъ же кузнецовъ, ковавшихъ казацкихъ лошадей, просила подковать и свою, а сама пошла въ комнату. Въ комнатѣ этой былъ разведенъ сильный огонь на нѣкотораго рода очагѣ или въ каминѣ какой-то особенной формы. Подлѣ огня стояли большія кожаныя кресла, на которыя она тотчасъ и сѣла, и только успѣла отдать жидовкѣ деньги, чтобы та купила хлѣба ей и овса для ея лошади, какъ въ то-же мгновеніе отъ страшной усталости погрузилась въ сильнѣйшій сонъ. Она проснулась отъ сильнаго сотрясенія за плечо. Открывъ глаза, съ изумленіемъ смотрѣла она вокругъ себя, и долго не могла понять, гдѣ она и что съ нею дѣлается. Наконецъ она опомнилась и очень встревожилась: глубокая ночь уже наступила и покрывала мракомъ своимъ всѣ предметы. На очагѣ едва было столько огня, чтобъ освѣтить горницу. При свѣтѣ этого слабаго пламени она увидѣла личность, потрясавшую ее за плечо. Это былъ солдатъ-егерь, который, сочтя ее по пыльнымъ бѣлымъ гаруснымъ эполетамъ за офицера, говорилъ:

— Проснитесь, ваше благородіе, проснитесь! Канонада усиливается, ядра летятъ въ городъ!

Дурова бросилась опрометью туда, гдѣ поставила свою лошадь, и увидѣла, что бѣдное животное стоитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ она ее

оставила; посмотрѣла ея ногу—не подкована! Въ корчмѣ ни души: жидъ и жидовка убѣжали. О хлѣбѣ, овсѣ и деньгахъ, данныхъ жидовкѣ, нечего было уже и думать. Дурова вывела своего Алкида и убѣдилась, что еще не такъ поздно, какъ ей показалось; солнце только еще закатилось и вечеръ сдѣлался прекрасный, дождь пересталъ и небо очистилось. Она сѣла на своего голоднаго и неподкованнаго Алкида. Подъѣхавъ къ городскимъ воротамъ, она ужаснулась того множества раненыхъ, которые тутъ столпились. Приходилось остановиться. Не было никакой возможности пробраться сквозь эту толпу пѣшихъ, конныхъ, женщинъ, дѣтей. Тутъ везли подбитыя пушки, понтоны, и все это такъ столпилось, такъ сжалось въ воротахъ, что она пришла въ совершенное отчаяніе. Время летѣло, а она не могла даже пошевелиться, окруженная со всѣхъ сторонъ безпрестанно движущеюся на встрѣчу ей толпою. Наконецъ стемнѣло совсѣмъ; канонада затихла и все замолкло окрестъ, исключая того мѣста, гдѣ она стояла: тутъ стонъ, пискъ, визгъ, брань, крикъ чуть не свели съ ума. Отъ этой сумятицы людей и животныхъ конь ея поднялся бы на дыбы, еслибъ было столько простора; но какъ этого не было, то онъ храпѣлъ и слегка лягалъ кого могъ. Положеніе Дуровой въ этой непроглядной темнотѣ дѣлалось нестерпимымъ. Къ великому счастью ея увидѣла она, что нѣсколько казаковъ пробивались какъ-то непостижимо сквозь эту густую людскую толпу, перемѣшанную съ всякими вьючными животными. Видя казаковъ, ловко проскакивающихъ въ ворота, Дурова мигомъ примкнула къ нимъ и проскочила тоже, но только жестоко ушибла себѣ колѣно и едва не сломила плеча. Вырвавшись на просторъ, она погладила крутую шею Алкида: жаль мнѣ тебя, вѣрный спутникъ и другъ, но нечего дѣлать, ступай въ галопъ! Отъ едва чувствительнаго шенкеля, этотъ дивный конь пустился въ скокъ. Она снова ввѣрилась волшебному инстинкту Алкида; самой нечего уже было браться распоряжаться путемъ своимъ: ночь была такъ темна, что и на двадцать шаговъ нельзя было ви-

дѣть хорошо предметовъ; она совсѣмъ опустила повода. Алкидъ скоро пересталъ галопировать, а пошелъ тѣмъ аллюромъ, который у кавказцевъ извѣстенъ подъ названіемъ «ходы», не то шагъ, не то иноходь, при чемъ онъ безпрестанно храпѣлъ и водилъ быстро ушами. Дурова угадывала, что онъ видитъ или чутьемъ чувствуетъ что нибудь страшное; но, не видя, какъ говорится, ни зги, она не знала, какъ отстраниться отъ бѣды, если эта бѣда предстояла ей. Очевидно было, что армія оставила свое мѣсто и что она одна блуждала среди незнакомыхъ полей, окруженная мракомъ и тишиною смерти.

Наконецъ Алкидъ началъ всходить на такую крутизну, что она съ чрезвычайными усиліями должна была держаться за гриву, чтобъ не скатиться съ сѣдла; мракъ до такой степени сгустился, что она уже совсѣмъ ничего не видѣла передъ собою, не понимала, куда ѣдетъ, и какой конецъ будетъ такому путешествію. Пока она думала и передумывала что̀ ей дѣлать, Алкидъ началъ спускаться вдругъ съ такой же точно крутизны, на какую подиимался. Тутъ уже было не до разсужденія. Въ видахъ сохраненія своей головы, она быстро соскочила съ лошади и повела ее въ рукахъ, наклонясь почти до земли, чтобы видѣть гдѣ ставить ногу, и принимая всѣ предосторожности, необходимыя при такомъ опасномъ спускѣ. Когда она со своимъ Алкидомъ стала на ровномъ мѣстѣ, тогда она увидѣла страшное и вмѣстѣ съ тѣмъ плачевное зрѣлище: несчетное множество мертвыхъ тѣлъ покрывало поле; они были или совсѣмъ раздѣты или въ однѣхъ рубахахъ, и лежали какъ бѣлыя тѣни на черной землѣ. На большомъ разстояніи видѣлось множество огней, и вплоть у ногъ Алкида большая дорога. Позади оказался редутъ, на который Алкидъ взбирался и съ котораго она съ такимъ страхомъ спускалась. Узнавъ наконецъ, гдѣ она находится, и полагая невѣрное, что видѣнные ею огни разведены нашею арміею, она направила путь свой по дорогѣ къ огнямъ, прямо противъ нея бывшимъ; но Алкидъ, чутье котораго было удивительное, свернулъ влѣво и пошелъ самъ собою въ галопъ.

Путь, имъ избранный, былъ ужасенъ для нея: онъ скакалъ между мертвыми тѣлами, то перескакивая черезъ нихъ, то наступая на нихъ, то отшарахиваясь въ сторону, то останавливаясь, наклонялъ морду, нюхалъ трупъ и храпѣлъ надъ нимъ. Дурова не могла болѣе выносить и повернула вѣрнаго коня своего опять на дорогу. Конь послушался съ примѣтнымъ нежеланіемъ и пошелъ уже не «ходою», а шагомъ, стараясь все-таки принять влѣво.

Черезъ нѣсколько минутъ Дурова услышала топотъ многихъ конскихъ ногъ, голоса людей и наконецъ увидѣла ѣдущую прямо къ ней толпу конныхъ. Они что-то громко говорили и среди разговора довольно, повидимому, оживленнаго, часто слышались слова: «Ваше превосходительство!» Дурова несказанно обрадовалась, полагая, что «превосходительство» знаетъ, гдѣ огни коннопольцевъ, или по крайней мѣрѣ, въ противномъ случаѣ, позволитъ ей примкнуть къ его свитѣ. Когда всѣ эти всадники подъѣхали къ ней близко, то ѣхавшій впереди въ сѣрой шинели съ краснымъ воротникомъ и темнозеленой съ краснымъ околышомъ фуражкѣ, надобно полагать самъ генералъ, спросилъ ее: Кто это ѣдетъ?

— Коннополецъ, ваше превосходительство.

— Куда-жъ ты ѣдешь?

— Въ полкъ, ваше превосходительство.

— Но полкъ твой стоитъ вонъ тамъ, сказалъ генералъ, указавъ рукою въ ту сторону, въ которую вѣрный Алкидъ такъ усильно старался свернуть,—а ты ѣдешь прямо къ непріятелю!

Затѣмъ генералъ и свита его поскакали къ Гейльсбергу, а Дурова, поцѣловавъ нѣсколько разъ въ голову безцѣннаго своего Алкида, отдала ему на волю выбирать дорогу. Почувствовавъ полную свободу, вѣрный конь, въ изъявленіе радости, взвился на дыбы, весело заржалъ и поскакалъ прямо къ огнямъ, свѣтившимся въ лѣвой сторонѣ отъ дороги. Мертвыхъ тѣлъ уже на этомъ пути не было, и, благодаря быстротѣ Алкида, въ четверть часа Дурова была дома, то-есть

въ полку. Коннопольцы были уже въ сѣдлѣ; Алкидъ съ какимъ-то тихимъ, дружелюбнымъ ржаньемъ помѣстился въ свой ранжиръ, какъ всегда, самъ собою, и только что онъ успѣлъ установиться, какъ раздалась команда: «Съ права по три маршъ!» Полкъ двинулся. Вышемирскій и прочіе товарищи одного отдѣленія съ Дуровымъ обрадовались ея возвращенію; но вахмистръ, строгій служака и воркунъ, счелъ обязанностью побранить ее.

— Ты дѣлаешь глупости, Дуровъ! сказалъ онъ, нахмуривъ брови.—Тебѣ, помяни сорванецъ мое слово, не сносить добромъ головы своей. Подъ Гутштадтомъ, въ самомъ пылу сраженія, вздумалъ отдать лошадь какому-то раненому финляндскому драгуну, который хорошо поблагодарилъ тебя, давъ казакамъ украсть твоего безцѣннаго Алкида, котораго продали за два червонца, проклятые станичники. Неужели ты, молокососишко, не имѣлъ ума понять, что кавалеристъ пѣшкомъ среди битвы самая что ни есть погибшая и жалкая тварь? Подъ Пасаргою ты сошелъ съ лошади и легъ спать въ кустахъ, тогда какъ весь полкъ съ минуты на минуту ожидалъ приказанія идти на рысяхъ. Что-жъ бы съ тобою было, еслибъ ты не имѣлъ такой чудной лошади, которая, не во гнѣвъ тебѣ сказать, гораздо тебя умнѣе? Въ Гейльзбергъ отпустили тебя на полчаса по дѣлу, чтобъ подковать лошадь, а ты, не сдѣлавъ дѣла, не подковавъ коня, усѣлся, какъ словно боярышня какая бѣлоручка, завалился въ мягкое кресло передъ каминомъ и сейчасъ это заснулъ какъ телятина какая нибудь, тогда какъ тебѣ и думать о снѣ нельзя было, то есть, непозволительно! Солдатъ долженъ быть болѣе, чѣмъ всякій другой человѣкъ! Въ этомъ званіи нѣтъ возраста. Обязанности солдата должны быть исполняемы одинаково какъ въ 17, такъ въ 30 и 80 лѣтъ. Совѣтую тебѣ умирать на конѣ и въ своемъ ранжирѣ, а то предрекаю тебѣ, что ты или попадешься безславно въ плѣнъ, или будешь убитъ мародерами, или, что всего хуже, будешь сочтенъ полкомъ за труса.

Вахмистръ замолчалъ; но послѣдняя фраза его съ упоминаніемъ о трусости жестоко уколола Дурову: вся кровь бросилась ей въ лицо.

Есть однакожъ границы, далѣе которыхъ человѣкъ не можетъ идти въ бодрствованіи, почему, не смотря на наставленіе вахмистра объ обязанностяхъ кавелерійскаго нижняго чина, Дурова, совершившая такую мучительную поѣздку изъ Гейльзберга, да еще съ пустымъ желудкомъ, падала отъ сна, отъ ослабленія и истомы; платье ея было насквозь мокро. Двое сутокъ она, бѣдная, не спала и ничего не ѣла, будучи безпрерывно на маршѣ, а если на мѣстѣ, то все-таки на конѣ, въ одномъ мундирѣ, беззащитно подверженная холодному вѣтру и проливному дождю, не говоря уже объ огненномъ дождѣ пуль картечи. Дурова чувствовала, что съ каждымъ часомъ силы ея ее совершенно оставляютъ. Уланы шли съ права по три; но если случался мостикъ или какое другое затрудненіе, что тогда нельзя было проходить отдѣленіями, тогда шли по два въ рядъ, а иногда и по одному; въ такомъ случаѣ четвертому взводу, въ которомъ была Дурова, приходилось стоять по нѣсколько минутъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Тогда она вмигъ сходила съ лошади, ложилась на землю и тотчасъ крѣпко засыпала, что каждый разъ ее маленько подкрѣпляло. Но взводъ трогался съ мѣста, товарищи кричали, звали Дурова, и какъ сонъ часто прерываемый не можетъ быть крѣпокъ, то она тотчасъ просыпалась, вскакивала на ноги, и карабкалась на Алкида, таща съ собою мучительницу свою, тяжелую дубовую пику. Сцены эти возобновлялись при каждой самой кратковременной остановкѣ. Этимъ она вывела изъ терпѣнія своего отдѣленнаго унтеръ-офицера и разсердила товарищей. Всѣ они сказали ей, что бросятъ ее на дорогѣ, если она еще хоть разъ сойдетъ съ лошади.

— Вѣдь ты видишь, говорили они,—что мы дремлемъ, да не слѣзаемъ съ коней и не ложимся на землѣ. Дѣлай и ты такъ.

Вахмистръ ворчалъ вполголоса:

— Зачѣмъ, прости Господи, эти щенята лѣзутъ въ царскую службу? Сидѣли бы у матушекъ подъ юбками!

Остальное время ночи Дурова оставалась уже на лошади, чтобъ не раздражать начальства и товарищей. Тогда она дремала, какъ говорится, „клевала носомъ“, засыпала, наклонялась къ гривѣ Алкида, и вдругъ поднималась съ испугомъ: ей казалось, что она падаетъ и валится сквозь землю. Она словно какъ бы помѣшалась, благодаря этой неправильной жизни. Глаза хотя и были открыты, но предметы представлялись какъ во снѣ. Уланы съ своими пиками кажутся ей лѣсомъ, а лѣсъ уланами. Голова ея горѣла, но сама она дрожала, ей было очень холодно, и не мудрено: и одежда, и бѣлье на ней мокры до самаго тѣла. Есть съ чего схватить горячку! Но сильная натура и молодость все превозмогаютъ: она не сдѣлалась жестоко больна.

Разсвѣло. Уланы остановились. Имъ позволили развести огонь и сварить кашу.

«Ахъ, слава Богу, подумала Дурова: теперь я лягу спать передъ огнемъ, согрѣюсь и высохну!»

— Нельзя, говорилъ строгій воркунъ-вахмистръ, видя, что его Дуровъ усѣлся у огня и, по обычаю уланъ, свертывалъ длинную траву въ комокъ, чтобъ вмѣсто подушки положить подъ голову.— нельзя. Ротмистръ приказалъ кормить лошадей на травѣ; вынь удила изъ рта твоего Алкида и веди его на траву.

Нечего дѣлать: служба не свой братъ, и вотъ она идетъ съ своимъ Алкидомъ ходить въ полѣ, какъ и другіе; конь съ жадностью ѣлъ росистую траву, а госпожа его, стояла подлѣ него, блѣдная и съ грустью на лицѣ.

— Ты, Дуровъ, блѣденъ какъ мертвецъ, сказалъ Вышемирскій, подходя къ ней со своею казенною лошадью на чумбурѣ.—Что съ тобою? Ты нездоровъ?

— Нѣтъ, здоровъ, но только жестоко перезябъ, дождь промочилъ меня насквозь и у меня вся кровь оледенѣла, а теперь еще, приходится ходить по мокрой травѣ!

— Кажется, дождь мочилъ всѣхъ насъ одинаково: отего же мы сухи?

— Вы всѣ въ шинеляхъ.

— А твоя гдѣ?

— Украли казаки вмѣстѣ съ чемоданами и съ саквами, полными всякихъ печеній и провизіи, какими я былъ обогащенъ твоею доброю теткою, когда на дняхъ мы гостили у нихъ.

- Это по какому чуду *Данилычи* *) тебя такъ обидѣли? а вѣдь ты имъ, кажись, свой приходишься кажется. Изрядно ты тамъ на Дону проблагодушествовалъ у полковника Борисова.

— Да развѣ, Вышемирскій, ты забылъ, что подъ Гутштадтомъ я посадилъ на моего коня одного раненаго навылетъ пулею и обливавшагося кровью драгунскаго офицера финляндскаго полка, и позволилъ одному изъ его драгунъ отвезти раненаго на моемъ Алкидѣ въ расположеніе финляндскаго полка? Ну, а они тамъ, видно не доглядѣли, а Данилычи и подцѣпили и коня, и все, что на немъ было. Къ счастью еще, что поручикъ Подвышанскій, а не кто чужой купилъ мою лошадь.

— Худо, братъ Дуровъ! ты всѣхъ насъ моложе, да и воспитанія не казарменнаго, такъ въ холодное ночное время недолго выдержишь безъ шинели! Скажи вахмистру, онъ дастъ тебѣ шинель послѣ убитаго: ихъ пропасть, что отсылаютъ въ вагенбургъ.

Они побесѣдовали еще нѣсколько времени. Наконецъ солнце взошло довольно высоко, день сдѣлался жарокъ, мундиръ Дуровой высохъ, ея усталости какъ не бывало, и она была уже очень весела

---

*) Такъ въ шутку регулярные прозвали въ былыя времена донцовъ. *В. Б.*

и была бы еще веселѣе, ежели бы могла надѣяться на что нибудь съѣстное, хоть самое скромное. Но объ этомъ нечего было думать и мечтать. Она не имѣла своей доли въ той кашѣ, которая варилась *артелью*, а потому она стала прилежно искать въ травѣ какихъ нибудь ягодъ. Ротмистръ, проѣзжая мимо ходившихъ по полю улановъ съ лошадьми на чумбурахъ, замѣтивъ упражненіе *дѣвоподобнаго* товарища, какъ въ полку въ шутку звали Дурову, спросилъ:

— Дуровъ! Чего ты тамъ ищешь?

Она отвѣчала, что ищетъ ягодъ. Видно, ротмистръ угадалъ причину, потому что, оборотясь къ взводному унтеръ-офицеру, сказалъ ему вполголоса:

— Смотри, чтобъ Дуровъ и Вышемирскій, оба эти молоденькіе пареньки, были какъ слѣдуетъ у меня накормлены.

Ротмистръ поѣхалъ далѣе, а вслѣдъ ему старослужилые уланы ворчали:

— Если мы будемъ сыты, такъ будутъ и они! Объ этихъ щенкахъ всегда больше думаютъ, чѣмъ объ насъ, старыхъ, заслуженныхъ солдатахъ!

— Какіе однако, какъ посмотрю на васъ, господа старые заслуженные солдаты—вы дураки! сказалъ подошедшій въ это время вахмистръ.—Помилуйте, что тутъ удивительнаго? О комъ же господамъ и заботиться, какъ не о дѣтяхъ? Вы, я думаю, и сами хорошо видите, что эти двое нашихъ товарищей только что вышли изъ дѣтскаго возраста. Пойдемте со мною, дѣти, говорилъ шутя вахмистръ, взявъ обоихъ товарищей коннопольцевъ подъ руки.—Господинъ ротмистръ велѣлъ накормить васъ до отвала, и я исполню приказаніе его благородія, надѣюсь на славу!

Имъ тотчасъ въ изобиліи поставили горячей похлебки, много кусковъ дымящейся говядины и каравай бѣлаго хлѣба въ родѣ нашихъ московскихъ саекъ.

Видя, что лошади пасутся покойно и уланы спятъ на лугу, Ду-

рова не нашла никакой надобности бодрствовать одна. Было уже болѣе полудня, жаръ сдѣлался несносенъ; она сошла на берегъ рѣчки, протекавшей близь уланской стоянки, и легла въ высокую траву спать. Алкидъ ходилъ не вдалекѣ отъ нея, когда глубокій сонъ ея былъ прерванъ зловѣщимъ: «Мундштучь!... Садись!...» и топотомъ бѣгущихъ уланъ къ лошадямъ и съ лошадьми къ фронту. Дурова вскочила опрометью. Вахмистръ былъ уже на конѣ и торопилъ уланъ строиться. Она стала искать глазами своего Алкида, и, къ ужасу своему, увидѣла своего коня плывущаго черезъ рѣчку къ другому берегу. Въ это время вахмистръ подскакалъ къ ней и крикнулъ:

— Ты, Дуровъ, что тутъ стоишь безъ лошади?...

Нѣкогда было колебаться!—Дурова бросилась, очертя голову, за своимъ Алкидомъ, и оба вмѣстѣ вышли на противный берегъ. Въ одну минуту она замундштучила своего коня, сѣла, переплыла обратно и стала на свое мѣсто въ ранжирѣ, прежде нежели эскадронъ построился.

— Ну, по крайней мѣрѣ, молодецки поправился, сказалъ вахмистръ съ довольнымъ видомъ.

Уланъ двинули къ мѣстечку Шепенбелю, которое все до тла сожжено было французами. Сколько тамъ было зажарившихся людей цѣлыми семьями, потому что это адское пожарище произведено было въ ночную пору, какъ говорили тогда, французскими мародерами!

Коннопольцы были двинуты къ пылавшему Шепенбелю для защиты, по возможности, несчастныхъ жителей отъ неистовствъ французскихъ патентованныхъ грабителей, осмѣливавшихся порицать нашихъ «Данилычей» за то, что они на руку охулки никогда не клали и любили прибирать къ своимъ рукамъ все, что плохо лежало.

ГЛАВА VII.

Дурова въ бою подъ Фридландомъ. — На зимнихъ квартирахъ. — Смерть Алкида. — Отправка Дуровой въ Петербургъ.

Изъ Шепенбеля въ первыхъ числахъ іюня войска и въ нихъ составѣ Коннопольскіе уланы съ Александромъ Васильевичемъ Дуровымъ, онъ же Надежда Андреевна Дурова, двинулись къ прусскому городку *Фридланду*, на окрестныхъ поляхъ котораго было столь извѣстное сраженіе, гдѣ всѣ чудеса храбрости русскихъ войскъ не могли превозмочь французскихъ силъ.

Въ этомъ жестокомъ сраженіи храбраго Коннопольскаго полка легло болѣе половины. — Нѣсколько разъ уланы ходили въ атаку, нѣсколько разъ прогоняли непріятельскіе отряды, и въ свою очередь не одинъ разъ были прогнаны съ поля битвы. Уланъ осыпали картечью, мозжили ядрами, а пронзительный свистъ адскихъ пуль совсѣмъ было—оглушилъ Дурову, которая впослѣдствіи всѣмъ говорила, что она свиста пуль терпѣть не могла. Дѣло другое, по ея мнѣнію, ядро. Оно, по крайней мѣрѣ, реветъ такъ величественно и съ нимъ всегда коротка развѣдка.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ страшно жаркаго сраженія, остатку Коннопольскаго полка велѣно было нѣсколько отступить для отдохновенія и чтобы пособраться съ свѣжими силами. Пользуясь этимъ, наша героиня-уланъ поѣхала смотрѣть, какъ дѣйствуетъ наша артиллерія, вовсе не думая того, что, благодаря этому женскому любопытству, ей могутъ какъ ни въ чемъ сорвать голову совершенно даромъ. Пули, столь ею не жалуемыя, осыпали ее и лошадь ея, какъ

мухи въ жаркій день. Но что значатъ пули при этомъ дикомъ, безумолкномъ ревѣ пушекъ!

Какой-то уланъ изъ Коннопольцевъ, весь покрытый кровью, съ перевязанною головою и окровавленнымъ лицомъ, разъѣзжалъ въ это время, повидимому безъ опредѣленной цѣли по Фридландскому полю то въ ту, то въ другую сторону. Когда Дурова подъѣхала къ нему, оказалось, что отъ истеченія крови онъ въ безпамятствѣ и не знаетъ, куда ѣдетъ на своемъ саврасомъ конѣ. Насилу бѣдняга держался въ сѣдлѣ. Она подъѣхала къ нему и спросила: «котораго онъ эскадрона?» Онъ что-то пробормоталъ и такъ сильно покачнулся, что она должна была, склонясь къ нему, удержать его, чтобы онъ не упалъ. Видя, что несчастный уланъ безъ памяти, Дурова, всегда сердобольная и великодушная, привязала поводъ его саврасаго мерина къ шеѣ Алкида, и поддерживая одною рукою раненаго, поѣхала съ нимъ къ рѣчкѣ, чтобъ освѣжить его протечною водою. Близъ рѣчки раненный какъ будто образумился, сползъ съ сѣдла и упалъ у ногъ своей спасительницы отъ изнеможенія. Что было ей дѣлать? Бросить несчастнаго солдата нельзя—погибнетъ, довезти до безопаснаго мѣста нѣтъ возможности; да и гдѣ тутъ безопасное мѣсто? Кругомъ стрѣльба, пальба, ядра скачутъ во всѣхъ направленіяхъ, гранаты лопаются и въ воздухѣ и на землѣ; конница, какъ волнующееся море, то несется впередъ, то отступаетъ назадъ, и въ этомъ ужасномъ смѣшеніи она уже не можетъ видѣть и различать флюгеровъ своего полка. Между тѣмъ нельзя было терять времени. Она зачерпнула уланскою длинною тогдашней формы шапкою воды съ добрую четверть ведра и облила ею голову и лицо раненаго. Онъ открылъ глаза.

— Ради Бога, не покиньте меня здѣсь, сказалъ онъ, съ трудомъ приподнимаясь;—я кое-какъ взмощусь на моего «Савраса», онъ у меня конь не «сибирный» (не злой, не упрямый), а кроткій словно теленокъ, да и сильнѣе иного вола. Отведите меня шагомъ за послѣднюю линію нашей арміи. Богъ наградитъ ваше человѣколюбіе:

Дурова помогла ему сѣсть на его дѣйствительно необыкновенно благонравную лошадь, сѣла сама на своего дорогаго Алкида, взяла опять поводъ лошади раненаго улана и поѣхала въ направленіи къ Фридланду.

Тутъ представилась ей ужасная картина и страшная вѣсть ошеломила ее: жители бѣгутъ въ неописанномъ смятеніи; полки русскіе отступаютъ. Множество бѣглыхъ негодяевъ солдатъ, убѣжавшихъ съ поля сраженія не бывъ ранеными, разсѣваютъ отчаяніе между удаляющимися толпами, крича: «Все погибло! Насъ на голову французы разбили! Непріятель на плечахъ у насъ! Бѣгите! Спасайтесь!»

Хотя Дурова не совсѣмъ вѣрила этимъ трусамъ, однакожъ, видя драгунъ разныхъ полковъ цѣлыми взводами несущимися на рысяхъ черезъ городъ, она не могла быть покойною. Отъ всей души сожалѣла она, что увлеклась бабьимъ любопытствомъ поглазѣть на пальбу изъ пушекъ, и что злой рокъ наслалъ ей раненаго, который вяжетъ ее по рукамъ и по ногамъ. Оставить его на произволъ случая, казалось ей послѣднею степенью подлости и безчеловѣчія; она не могла этого сдѣлать: все ей это претило! Несчастный уланъ, съ помертвѣлымъ лицомъ, обращалъ къ ней испуганный взоръ свой. Она поняла его опасенія.

— Можешь ли ты ѣхать немножко скорѣе того, какъ мы ѣдемъ? спросила Дурова.

— Не могу, отвѣчалъ несчастный, и тяжело вздохнулъ.

Они продолжали ѣхать шагомъ; мимо ихъ бѣжали и скакали, крича Дуровой: «Ступайте скорѣе! Непріятель близко!»

Наконецъ она съ своимъ затруднительнымъ спутникомъ въѣхала въ лѣсъ. Она свернула съ дороги и ѣхала чащею лѣса, не выпуская изъ рукъ повода лошади раненаго улана. Тѣнь и прохлада лѣса освѣжили нѣсколько силы этого страдальца; но онъ на свою бѣду и на горе Дуровой, спасавшей его, сдѣлалъ дурное употребленіе, вздумавъ закурить трубку съ своимъ ужаснымъ тютюномъ или ма-

хоркою, и черезъ минуту глаза его закатились, трубка выпала изъ рукъ, и онъ упалъ безжизненно на шею своей «Савраски». Дурова остановилась, стащила его на земь, положила, и не имѣя никакого способа привести въ чувство, стояла подлѣ него съ обѣими лошадьми, дожидаясь когда онъ опомнится самъ собою. Черезъ четверть часа онъ открылъ глаза, поднялся, сѣлъ и смотрѣлъ на нее съ сумасшедшимъ видомъ. Она замѣтила, что несчастный мѣшается въ умѣ; голова его была вся изрублена сабельными клинками и табачный дымъ произвелъ на нее дѣйствіе вина.

— Садись, уланъ, на коня, сказала Дурова,—иначе мы поздно пріѣдемъ; вставай, я помогу тебѣ.

Онъ не отвѣчалъ, но силился встать; она пособила ему подняться на ноги. Держа одною рукою повода лошади, а другою помогая ему подняться на стремя, она едва не упала отъ того, что ополоумѣвшій уланъ вмѣсто того, чтобъ взяться за гриву своей лошади, оперся всею тяжестью своей грузной руки на ея плечо.

Они снова поѣхали; толпы все еще бѣжали съ прежнимъ крикомъ: *спасайтесь!*—Наконецъ Дурова увидѣла провозимыя мимо нихъ подбитыя и неподбитыя русскія пушки всѣхъ калибровъ. Она спросила спасеннаго ею улана, не хочетъ ли онъ при этомъ артиллерійскомъ обозѣ остаться, прибавивъ къ этому вопросу, что ему на лафетѣ покойнѣе будетъ лежать, чѣмъ сидѣть въ сѣдлѣ. Онъ примѣтно обрадовался ея предложенію, и она тотчасъ спросила артиллерійскаго фейерверкера, возьметъ ли онъ подъ свой присмотръ до мѣста расположенія коннопольцевъ раненаго улана и его лошадь, пообѣщавъ за эту услугу нѣсколько рублей. — Тотъ охотно взялся и тотчасъ велѣлъ снять раненаго коннопольца съ сѣдла, постлать нѣсколько попонъ на пустой лафетъ и положить бѣдняка сколь возможно покойнѣе. Дурова затрепетала отъ радости, увидѣвъ себя свободною отъ этой тяжкой, добровольно навязанной ею на себя, по христіанскому долгу, обузы. Она тотчасъ по-

ѣхала бы отыскивать полкъ свой или лучше, слабые остатки полка, состоявшіе почти изъ одного или полутора эскадрона, именно ротмистра Казимирскаго и частицы эскадрона ротмистра Галлера, который однако лечился отъ ранъ въ походномъ госпиталѣ. До самой ночи ѣхала Дурова одна-одинехонька, распрашивая тѣхъ, кто проѣзжалъ мимо ее, не знаютъ ли они, гдѣ Коннопольскій уланскій полкъ.—Одни говорили, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, что полкъ впереди, другіе говорили, что одна часть арміи пошла куда-то въ сторону и что въ этомъ отрядѣ и ея полкъ. Она была въ отчаяніи! Наступила ночь, надобно было дать отдохнуть Алкиду. Она увидѣла кучку казаковъ, разведшихъ огонь и варившихъ себѣ ужинъ. Сойдя съ лошади, она подошла къ нимъ съ словами:

— Здорово, братцы славные Донцы! Вы вѣрно будете здѣсь ночевать?

— Будемъ, отвѣчали смуглые бородачи, изъ которыхъ у двухъ бороды были широкой лопатой до самаго кушака.

— А коней какъ? Пустите на траву?

Они поглядѣли на ее съ удивленіемъ и сказали:

— Да куда-жъ больше. Конечно, на траву!

— И они далеко не уйдутъ отъ васъ?

— А на что господинъ малиновый уланъ тебѣ треба это знать? спросилъ одинъ сивобородый казакъ, глядя пристально на мальчика-улана.

— Я хотѣлъ бы пустить съ вашими лошадьми свою пастись на траву, только боюсь, чтобъ она не отошла далеко; мнѣ же самому смерть какъ выспаться хочется.

— Ну, малецъ, посматривай за нею, привяжи ее на арканъ, да обмотай его около руки, такъ конь и не уйдетъ, не разбудивъ тебя; мы своихъ пускаемъ на арканахъ.

Сказавши это, старый казакъ пригласилъ Дурову поѣсть съ ни-

ми ихъ пшенной каши съ бараньимъ саломъ, отчего голодная дѣвушка-улапъ не отказалась и принялась съ благодарностью и съ широкимъ православнымъ крестомъ за деревянную ложку. Послѣ ужина казаки спутали своихъ лошадей, и привязавъ ихъ на арканы, обмотали концами этихъ тонкихъ ремней каждый свою руку и, завернувшись въ бурки, легли спать. Дурова же ходила за Алкидомъ въ недоумѣніи: ей тоже крѣпко хотѣлось лечь. Но какъ оставить лошадь всю ночь одну ходить на свободѣ? Не только аркана или ремня, но даже и веревки у нея не было, а плетеный изъ тонкихъ ремешковъ чушбуръ она въ дорогѣ какъ-то потеряла. Наконецъ вздумала дѣвушка совсѣмъ по-дѣвичьи,—связать Алкиду переднія ноги своимъ носовымъ платкомъ. Это былъ тонкій батистовый платокъ, которыхъ дюжина была подарена ей еще въ Малороссіи бабушкою. Одинъ только изъ всей этой дюжины платокъ уцѣлѣлъ и, на память, завернутый въ бумагу, носился какъ драгоцѣнность въ боковомъ карманѣ. Однако, какъ ни дорогъ былъ ей этотъ платокъ, она имъ связала ноги своему Алкиду и позволила ему ѣсть траву, очень сочную, а сама легла спать неподалеко отъ казаковъ.

Нечего и говорить, что она тотчасъ заснула крѣпкимъ сномъ и заря давно занялась уже, когда она проснулась; казаковъ и ихъ коней не было тутъ, не было также и ея милаго Алкида. Смертельно испугавшись и выше всякаго выраженія опечаленная, поднялась она съ травы, на которой такъ спокойно спала. Близь нея спали уже не казаки въ синихъ чекменяхъ, а Кинбурнскіе драгуны въ своихъ зеленыхъ колетахъ съ фіолетовыми воротниками, отворотами и лампасами, при киверахъ въ клеенчатыхъ чехлахъ и при сабляхъ съ карабинами, снабженными штыками пѣхотинцевъ, а по всему полю ходили и щипали траву осѣдланныя драгунскія лошади, размундштученныя и по ногамъ связанныя кожанными чупбурами. Съ горькимъ сожалѣніемъ въ душѣ, пошла Дурова на удачу искать между

этими все булаными драгунскими конями*) своего Алкида, громко кликая его: «Алкидъ! Алкидъ!» Ходя съ четверть часа, показавшейся ей сутками, Дурова увидѣла лохмотъ своего платка, бѣлѣющійся вдалекѣ. Она побѣжала туда, и къ неописанной радости ея Алкидъ прибѣжалъ къ ней прыгая. Онъ заржалъ и положилъ голову къ ней на плечо; одинъ конецъ бѣлаго платка волочился еще за правою ногою его, но остатокъ былъ изорванъ въ клочки и разбросанъ по полю. Мундштукъ и трензельные повода съ удилами были кѣмъ-то сняты съ головы вѣрнаго коня. Спрашивать объ нихъ у драгунъ безполезно: ежели это дѣло «Данилычей», то драгуны могли не знать; ежели-же это ихъ дѣло, то кто имъ велитъ сказать, а и того болѣе отдать? Ужасное положеніе!...... Какъ въ такомъ видѣ явиться въ полкъ? Драгуны, узнавъ причину ея безпокойства, дали ей длинный-предлинный ремень, чтобъ сдѣлать изъ него повода, и сказали, что коннопольцы очень недалеко должны быть впереди, и что молодой отставшій товарищъ можетъ застать однополчанъ на мѣстѣ. Привязывая грубый ремень къ оголовью, оставшемуся на Алкидѣ, она чувствовала жестокую досаду на саму себя:

— О! прекрасный конь мой, говорила она мысленно,—у какой взбалмошной дуры ты въ рукахъ!

Но ни раскаяніе, ни сожалѣніе, ни досада не спасли ее отъ бѣды, которая надъ нею стряслась по возвращеніи ея въ полкъ.

Теперь уже не ротмистръ, а самъ шефъ полка, генералъ-маіоръ Каховскій, сказалъ Александру Дурову, что храбрость его безразсудна и нелѣпа, сожалѣніе безумно, что юный коннополецъ, удаля-

---

*) Въ тѣ времена однообразной одномастности въ кавалерійскихъ и даже отчасти гвардейскихъ полкахъ не было, а подбирались подъ разныя масти лошади по-эскадронно и между ними были цѣлые эскадроны на буланыхъ, саврасыхъ, чалыхъ, что нынѣ не допускается.—Всѣ трубачи тогда сидѣли не на сѣрыхъ, какъ нынѣ, а на пѣгихъ лошадяхъ. *В. Б.*

ясь безъ спроса отъ полка и тѣмъ нарушая порядокъ службы, бросается въ пылъ битвы когда не должно, ходитъ въ атаку съ чужими эскадронами, среди сраженія разыгрываетъ странствующаго рыцаря изъ прочитаннаго романа, спасаетъ встрѣчнаго и поперечнаго ни къ селу, ни къ городу, и отдаетъ свою превосходную лошадь кому вздумается ее попросить, а самъ остается пѣшъ среди сильнѣйшей сшибки. Наконецъ, онъ, генералъ, выведенъ изъ терпѣнія всѣми этими ребячествами, почему приказываетъ Дурову ѣхать сейчасъ же въ вагенбургъ, съ которымъ и слѣдовать за полкомъ будетъ ли не будетъ ли полкъ въ дѣлѣ.

И самый страшный сонъ не представлялъ Дуровой ничего ужаснѣе и оскорбительнѣе этого наказанія. Ротмистръ Казимирскій, отечески любившій *ребенка-уланчика*, какъ звали ее въ полку, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на мгновенное измѣненіе ея лица, покрывавшагося необычайною, мертвенною блѣдностью. Онъ что то сказалъ тихонько шефу, но тотъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Надобно сберечъ этого мальчика.

Затѣмъ, оборотясь къ мнимому юношѣ, сталъ говорить гораздо ласковѣе:

— Я, дружокъ мой, отсылаю тебя въ вагенбургъ не въ видѣ ареста, а собственно для того, чтобы спасти тебя и съ тѣмъ вмѣстѣ сохранить для отечества храбраго офицера на будущее время. Черезъ нѣсколько лѣтъ, ты съ большею пользою можешъ употребить ту отчаянную смѣлость, которая теперь только можетъ стоить тебѣ жизни, не принеся никому никакой выгоды.

«Ахъ! что̀ мнѣ въ этихъ пустыхъ утѣшеніяхъ!—думала Дурова.— Это одни слова, а сущность та, что я ѣду въ вагенбургъ». Дурова пошла къ своему дорогому Алкиду, готовить его въ этотъ постыдный путь. Обнявъ вѣрнаго товарища кратковременной ратной жизни своей, она плакала отъ стыда и печали. Горячія ея слезы падая на черную гриву коня, катились и скользили по малиновому

валтрапу. Вышемирскаго тоже отсылаютъ въ вагенбургъ. За что же его? Онъ вѣчно на своемъ мѣстѣ; его нельзя укорить ни въ безразсудной смѣлости, ни въ неумѣстной для солдата жалости; онъ имѣетъ всю разсудительность и хладнокровіе зрѣлаго возраста. Впослѣдствіи уже Дурова узнала, что этого постояннаго ея спутника въ рядахъ эскадрона, съ которымъ она искренно сдружилась, назначили совмѣстно съ нею въ вагенбургъ, чтобы ей именно не было такъ обидно и чтобы постоянное общеніе съ такимъ холодно благоразумнымъ малымъ, каковъ былъ Вышемирскій, пылъ Дурова маленько поугасъ бы.

Скоро началось ея и его шествіе въ вагенбургѣ, которое они называли погребальнымъ. Да и точно: раненые лошади, раненые люди (и въ числѣ послѣднихъ спасенный Дуровой уланъ (всадникъ «Савраски»), оказавшійся хохолъ-полтавецъ, Кобелякскаго повѣта, сосѣдняго съ бабушкой хутора Мотовилы — Ефремъ Баранчукъ, оставшійся до гробовой доски признателенъ своей спасительницѣ, которую всеконечно онъ узнать не могъ въ такомъ же какъ самъ мундирѣ). Среди всего этого четвероногаго и двуногаго инвалидства два юныхъ коннопольца въ самомъ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, совершенно здоровые, на бодрыхъ и здоровыхъ коняхъ, двигались медленно нога за ногу къ мѣсту успокоенія, къ проклятому вагенбургу.

Въ *Тильзитѣ*, гдѣ императоръ Александръ заключилъ миръ съ императоромъ Наполеономъ, долженъ былъ быть общій смотръ всей арміи, храбро бившейся на поляхъ фридландскихъ, но жестоко пострадавшей, защищая Пруссію отъ грабительствъ Наполеона.

На смотру, до появленія императора Александра Павловича, всѣ войска, по возможности, принарядились. Коннопольцевъ было такъ мало, что это бросалось въ глаза; на какой конецъ начальство дивизіи постаралось изъ другихъ полковъ поставить временно уланъ, нарядивъ ихъ въ коннопольскіе мундиры, снятые съ раненныхъ и убитыхъ. Все сколько нибудь чающее движенія воды въ вагенбургѣ

было поставлено кое-какъ въ ряды, такъ какъ ранѣе было извѣстно, что эволюцій никакихъ не не будетъ, войска останутся въ шеренгахъ, мимо которыхъ верхомъ со свитою прослѣдуетъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ.

Само собою разумѣется, что начальство не преминуло въ первый же рядъ поставить въ лейбъ-эскадронѣ двухъ молоденькихъ товарищей: Вышемирскаго и Дурова. Проѣзжая рысцою мимо рядовъ, кричавшихъ ура! въ отвѣтъ на царское: «Здорово ребята!»—императоръ Александръ Павловичъ, обратилъ вниманіе на необыкновенно молоденькаго коннопольца въ первой шеренгѣ, и съ минуту подержавъ лорнетъ у праваго глаза, отрывисто сказалъ, слѣдовавшему за нимъ Каховскому по-французски:

— Неужели, Каховскій, ты принужденъ двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей принимать въ твои ряды?

— Онъ не ребенокъ, ваше величество, отозвался Каховскій,— ему восемнадцатый годъ и молодецъ до того храбрый, что его надо держать на уздечкѣ.

Государь уныло улыбнулся, а коннополецъ первой шеренги (Надежда Дурова) покраснѣлъ ярчѣе своего воротника и отворотъ.

Нельзя однако было не замѣтить, что Государь былъ во все время смотра мѣсто пострадавшей своей храброй арміи—особенно грустенъ.

Послѣ смотра этого разнеслась вѣсть, вскорѣ подтвержденная и Высочайшимъ приказомъ, что русская армія оставляетъ Пруссію и возвращается въ Россію. Переступивъ обратно прусскую границу, армія вступила на родную землю и разошлась по корпусно, по дивизіямъ и даже полками въ разныя мѣста. Полкъ Коннопольскій и полки: Псковской драгунскій и Орденскій кирасирскій стали лагеремъ. У нихъ шалаши были такъ огромны, словно танцовальныя залы; въ каждомъ шалашѣ помѣщался взводъ.

Ротмистръ призвалъ къ себѣ Вышемирскаго и Дурову, и ска-

залъ, что военное время, когда мы всѣ въ перемежку—рядовые, товарищи и офицеры леживали на одной соломѣ, кончилось, что теперь надобно строго соблюдать всѣ приличія и обязанности службы.

Дурову тогда стали отряжать вмѣстѣ съ другими стеречь почью эскадронное сѣно, чистить заступомъ *пляцувку*, т. е. мѣсто для развода передъ гауптвахтою, и стоять на часахъ у пороховаго ящика. Всякое утро и вечеръ водили онп своихъ лошадей на водопой къ рѣкѣ, которая была отъ мѣста стоянки эскадрона въ верстѣ разстоянія. Дуровой доставалось иногда вести двухъ лошадей въ рукѣ и на третьей сидѣть. Въ такомъ случаѣ она всегда доѣзжала благополучно только къ рѣкѣ; но оттуда до лагеря летала какъ вихрь съ своими тремя конями, и на лету всегда слышала сыплющіяся вслѣдъ за ней ругательства отъ уланъ, драгунъ и кирасиръ. Всѣ они не могутъ тогда справиться съ своими лошадьми, соблазненными дурнымъ примѣромъ ея лошадей, которыя, зная, что у коновязи дадутъ имъ овса, несутъ ее во весь духъ и на скаку прыгаютъ, брыкаются, рвутся изъ рукъ, такъ что она каждую минуту ожидаетъ быть сорванною съ хребта своего Алкида. Выговоръ за неумѣнье удержать играющихъ лошадей, достается ей всякій разъ отъ вахмистра и дежурнаго по эскадрону офицера.

Квартирная жизнь Дуровой, подобно жизни другихъ нижнихъ чиновъ, проходила въ однообразныхъ занятіяхъ солдата: на разсвѣтѣ она шла къ своей лошади, чистила ее, кормила и, накрывъ попоною, оставляла подъ покровительствомъ дневальнаго, а сама шла на свою квартиру, на которой она, къ удовольствію своему, находилась случайно въ качествѣ одного квартиранта. Теперешняя ея хозяйка, полька, была добрѣйшая женщина, которая ежедневно угощала ее цѣльнымъ молокомъ и очень хорошимъ хлѣбомъ. Глубокая осень дѣлаетъ прогулки не слишкомъ-то пріятными. Добрый ротмистръ, и на походѣ имѣвшій свою библіотеку, имѣлъ любез-

ность снабжать ее хорошими русскими книгами, какихъ однако въ тѣ времена, за 80 лѣтъ предъ симъ, было крайне не много.

Разумѣется, она чтенію посвящала лишь время, совершенно свободное отъ всякихъ другихъ занятій.

Къ числу занятій коннопольскихъ нижнихъ чиновъ принадлежало и то, которое называлось у нихъ: быть на *крессахъ*, т. е. быть на посылкахъ въ полковомъ штабѣ для развозки приказовъ по эскадронамъ. Разъ взводный унтеръ-офицеръ Гачевскій объявилъ Дуровой, что сегодня ея очередь на «крессы». Вечеромъ принесли приказъ изъ штаба, и Гачевскій приказалъ ей сейчасъ же отправиться съ нимъ прежде всего къ ротмистру Галлеру, квартировавшему въ пяти верстахъ отъ ихъ селенія.

— Я пойду пѣшкомъ, сказала она Гачевскому; —мнѣ жаль мучить моего Алкида.

— Мучить! Да тутъ всего пять верстъ. А впрочемъ, ежели тебѣ Алкидовыхъ ногъ жаль больше, нежели своихъ, ступай пѣшкомъ.

Она и пошла пѣшкомъ. Солнце уже закатилось, вечеръ былъ прекрасный, одинъ изъ такихъ, какими богата осень въ томъ краѣ. Однако, пока она шла и мечтала по обыкновенію, осень дѣлала свое дѣло и погода изъ сухой сдѣлалась непріятно дождливою. Она прибавила шагу, и какъ селеніе, гдѣ квартировалъ ротмистръ Галлеръ, было въ виду, то она успѣла дойти до него прежде, нежели дождь, пошелъ сильнѣе. Ротмистръ прочелъ приказъ, спросилъ ее хороши ли ихъ квартиры, и затѣмъ сказалъ:

— Вѣдь теперь уже ночь, ты можешь завтра отправиться во взводъ, а теперь до утра пойди переночуй у меня въ конюшнѣ въ тепломъ денникѣ конюховъ.

Между тѣмъ дождь совсѣмъ уже перестадъ, и только изрѣдка накрапывалъ, почему Дурова предпочла немедленное обратное путешествіе ночлегу въ конюшнѣ съ деньщиками, которые, какъ ей уже привелось разъ испытать, изрядно дерзки и всегда, когда ее видятъ,

увѣряютъ, что у уланъ такихъ грудей и такого зада не бываетъ, какъ у нея. Это ее всегда очень конфузило, и вслѣдствіе такихъ шутокъ однажды она на одного такого нахала замахнулась обнаженною саблею, за что получила строгій выговоръ вахмистра, объявившаго, что въ мирное время саблю обнажать—преступленіе.

— И экая бѣда, что хотѣли парни побалагурить, да пощупать тебя! Что же, ты дѣвка и впрямь, что ли?

— Я не дѣвка; а только шутокъ этихъ не терплю и за нихъ бью въ морду.

— И бей въ морду, коли не боишься, чтобъ дѣвичью масочку не испортили, а саблю все-таки зря не смѣй вынимать изъ ноженъ.

Однако, Дурова вздумала изъ селенія, гдѣ квартировалъ ротмистръ Галлеръ, пойти напрямикъ, черезъ ржаное огромное поле, почему изрядно проплутала и возвратилась къ себѣ на квартиру очень поздно, промокшая до костей, вслѣдствіе чего перемѣнила бѣлье, повѣсила платье сохнуть, завернулась въ шинель, легла и въ ту же минуту заснула.

Лошади всѣхъ коннопольцевъ стояли всѣ вмѣстѣ въ большой эскадронной конюшнѣ, и люди такъ же, какъ и въ лагерѣ, водили ихъ на водопой цѣлымъ эскадрономъ. Дурная погода, непозволявшая дѣлать ни ученья, ни проѣздки, была причиною, что лошади застоялись, и не было возможности сладить съ ними по возвращеніи съ водопоя. Разъ, вмѣсто того, чтобы сѣсть на Алкида, какъ Дурова это дѣлала ежедневно, она вздумала сѣсть на другую фронтовую лошадь, а Алкида вести въ поводу. Когда шли къ рѣкѣ, Алкидъ прыгалъ легонько, не натягивая недоуздка, а то терся мордою объ ея колѣно, или, играя, поднималъ голову до ея плеча и хватался губами за ея эполетъ, словомъ—баловалъ самымъ милымъ образомъ; но на обратномъ пути, когда всѣ лошади начали прыгать, скакать на дыбы, храпѣть, брыкать, а нѣкоторыя, вырвавшись, стали играть и визжать, то всегда веселый и игривый Алкидъ, увлекшись при-

мѣромъ другихъ, взвился на дыбы, прыгнулъ въ сторону, вырвалъ поводъ изъ ея рукъ, и какъ бы несомый злымъ рокомъ своимъ, полетѣлъ какъ стрѣла, перепрыгивая на скаку низкіе плетни и изгороди. Слѣдя глазами за быстрымъ скокомъ своего разыгравшагося, Алкида, она увидѣла его прыгающаго необыкновенно высоко....... и смертный холодъ пробѣжалъ по ея тѣлу......... Алкидъ вскидывается на плетень, въ которомъ заостренные колья выставились вверхъ. Сильный конь могъ подняться въ высоту, но увы, не могъ перенестись! Тяжесть тѣла опустила его прямо на плетень. Одинъ изъ кольевъ вонзился ему какъ бы остріе пики во внутренность и переломился. Съ крикомъ отчаянія пустилась Дурова скакать вслѣдъ за своимъ несчастнымъ другомъ. Она нашла его притащившимся въ конюшню, въ стойлѣ. Несчастный конь трепеталъ всѣмъ тѣломъ и потъ ручьями катилъ съ него. Пагубный обломокъ оставался во внутренности и еще на четверть былъ видѣнъ снаружи. Смерть лошади была неизбѣжна. Прибѣжавъ въ конюшню, Дурова обняла шею своего вѣрнаго коня, столько лѣтъ служившаго ей и въ Ирбитѣ, и на Дону, и въ Литвѣ, и въ Пруссіи, и наконецъ здѣсь. Она не могла удержать своихъ обильныхъ слезъ, считая себя причиною гибели Алкида, котораго въ первый разъ повела въ поводу, не сѣвъ на него. Чудное, прелестное животное положило голову на плечо своей госпожи, тяжело вздохнуло, и наконецъ зашаталось, упало и испустило духъ. Съ Дуровой сдѣлался истерическій припадокъ отчаянія. Дежурный офицеръ нашелъ, что дурачество Дурова заходитъ за границы, когда увидѣлъ, что она, стоя на колѣнахъ передъ трупомъ лошади, покрываетъ его поцѣлуями и обливаетъ слезами. Онъ приказалъ уланамъ вытащить мертвую лошадь въ поле. Въ это время ротмистръ Галлеръ заѣхалъ въ эскадронъ. Дурова стала передъ нимъ на колѣна и умоляла, чтобъ онъ приказалъ оставить въ покоѣ тѣло ея ненагляднаго Алкида и позволилъ бы ей самой похоронить его.

— Какъ! бѣдный Алкидъ твой умеръ? спросилъ ротмистръ съ участіемъ, видя заплаканные ея глаза и блѣдное лицо.—Жаль! жаль! Ты такъ любилъ его! И славный конь былъ, достоинъ и любви и попеченій твоихъ! Ну, что-жъ дѣлать, не плачь, мальчикъ! Я велю дать тебѣ лучшую лошадь изъ эскадрона. Ступай, похорони честно своего четвероногаго друга, въ чемъ тебѣ сослуживцы твои помогутъ.

Уланы, тронутые чрезмѣрною ея горестью, вырыли глубокую яму, опустили въ нее Алкида, засыпали его землею и, нарѣзавъ саблями дерну, обложили имъ высокій курганъ, подъ которымъ спитъ сномъ безпробуднымъ единственное живое твореніе, вполнѣ любившее Надежду Дурову.

Уланы, кончавъ работу свою, пошли въ эскадронъ, а Дурова осталась, и до глубокой ночи плакала на могилѣ своего безцѣннаго Алкида. Человѣколюбивый ротмистръ приказалъ, чтобъ трое сутокъ не мѣшали Дурову грустить, оплакивая смерть вѣрнаго коня, и никуда не употребляли по службѣ. Разъ даже при сборѣ всего эскадрона, ротмистръ обратился къ людямъ съ слѣдующими словами:

— Ребята! нашъ молоденькій товарищъ Дуровъ достоинъ теперь моего уваженія за ту любовь, какую онъ такъ благородно искренно обнаружилъ къ своему дивному карабаху, по случаю его безвременной смерти. Ежели въ писаніи сказано: „Блаженъ бо человѣкъ есть иже и скоты милуетъ“, то ясно, что Самъ Господь Богъ благословляетъ людей, любящихъ животныхъ, созданныхъ Имъ на службу человѣка. Вы же и мы всѣ, какъ кавалеристы, безъ любви къ нашимъ конямъ, любви такой, какую въ назиданіе намъ проявляетъ этотъ мальчикъ, никогда не достигнемъ чести быть истинными кавалеристами, потому что кавалеристъ, не любящій своего боеваго четвероногаго животнаго,—не кавалеристъ и никогда истиннымъ кавалеристомъ не будетъ!

Почти во всѣ три траурныхъ дня Дурова не оставляла могилы своего коня. Не смотря на холодный октябрьскій вѣтеръ и на

дождь, она оставалась на ней до полночи. Возвращаясь на квартиру, она почти ничего не ѣла, не смотря на убѣжденія хозяйки, и плакала до утра. Въ концѣ третьихъ сутокъ, взводный ея начальникъ, поручикъ Бондаревскій, призвавъ ее къ себѣ, сказалъ, чтобы она выбрала себѣ лошадь, и что ротмистръ приказалъ дать ей любую изъ эскадрона.

— Благодарю за милость, отвѣчала Дурова;—но теперь всѣ лошади ровны для меня; я возьму какую вамъ и господину ротмистру угодно будетъ дать мнѣ.

Прошло нѣсколько времени, какъ въ одинъ день объявляютъ Дуровой, что за нею, т. е. за Александромъ Дуровымъ, изъ города Полоцка пріѣхалъ унтеръ-офицеръ отъ шефа; ее требуютъ въ штабъ. Зачѣмъ же бы это было? Однакожъ, ей велѣно сдать свою лошадь, сѣдло, пику, казенную саблю (собственная отцовская въ золотыхъ ножнахъ осталась при ней) и пистолеты въ эскадронъ. Все это предвѣщало, что она уже не возвратится сюда. Вслѣдствіе этого, она была у ротмистровъ Галлера и Казимирскаго, у взводнаго начальника, у строгаго ворчуна-вахмистра, у взводнаго унтеръ-офицера, у пріятеля своего Вышемирскаго, и со всѣми трогательно прощалась, благодаря всѣхъ за ихъ благосклонность однихъ и за товарищескую пріязнь другихъ. Затѣмъ она пошла отдать послѣдній долгъ Алкиду, и, крѣпко поплакавъ на его могилѣ, сказать ему *вѣчное прости.*

Когда она прибыла съ унтеръ-офицеромъ въ Полоцкъ и тотчасъ явилась къ генералу Каховскому, онъ спросилъ ее: согласны ли были ея родители, чтобы сынъ ихъ, Александръ Дуровъ, служилъ въ военной службѣ?, и не противъ ли ихъ воли это сдѣлалось? Она тотчасъ сказала правду, что отецъ и мать ея никогда-бъ не отдали ее въ военную службу; но, что, имѣя непреодолимую склонность къ военному ремеслу, она тихонько ушла отъ нихъ изъ Ирбита съ казачьимъ полкомъ. Хотя ей было только 17 лѣтъ, одна-

кожъ она имѣла столько опытности, чтобы угадать тотчасъ, что, повидимому, Каховскій знаетъ объ ней болѣе нежели обнаруживаетъ, потому что, выслушавъ ея отвѣтъ, онъ не показалъ ни малѣйшаго вида удивленія къ странному образу мыслей ея родителей, не хотѣвшихъ отдать сына въ военную службу, тогда какъ все дворянство предпочтительно избираетъ для дѣтей своихъ военное званіе. Генералъ сказалъ только, что Дурова должна ѣхать въ Витебскъ, въ главную квартиру главнокомандующаго графа Буксгевдена, куда отвезетъ ее адъютантъ господинъ Нейдгардтъ *). Этотъ штабсъ-капитанъ Нейдгардтъ былъ тогда тутъ же. Когда генералъ-Каховскій отдалъ это приказаніе юному коннопольцу, то Нейдгардтъ тотчасъ раскланялся съ генераломъ и пошелъ съ Дуровою къ себѣ въ домъ. Онъ оставилъ его въ залѣ, а самъ ушелъ къ своему семейству во внутреннія комнаты. Черезъ четверть часа, то одна, то другая голова начали выглядывать на Дурову изъ непритворенныхъ дверей. Нейдгардтъ не выходилъ долго. Онъ тамъ обѣдалъ, пилъ кофе, а Дурова все время была одна въ залѣ.

Къ вечеру Нейдгардтъ, а съ нимъ и Дурова, разумѣется подъ видомъ юнкера уланскаго коннопольскаго полка Александра Дурова, выѣхали изъ Полоцка. На станціяхъ Нейдгардтъ пилъ кофе, а Дурова, въ качествѣ нижняго чина, должна была стоять у коляски, пока перепрягали лошадей.

Наконецъ, когда они пріѣхали въ Витебскъ, Дурова была поселена на квартирѣ Нейдгардта въ весьма хорошей комнатѣ. Въ Витебскѣ, какъ бы по дѣйствію какого-то волшебнаго жезла, поведеніе Нейдгардта въ отношеніи къ Дуровой совершенно перемѣнилось.

---

*) Этотъ самый Александръ Ивановичъ Нейдгардтъ, штабсъ-капитанъ въ 1807 году, былъ въ 40-хъ годахъ командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса послѣ графа Паскевича-Эриванскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ генералъ-губернаторомъ. Умеръ генералъ-адъютантомъ въ концѣ 40-хъ годовъ. *В. Б.*

Адъютантъ главнокомандующаго разговаривалъ съ нею дружески, и какъ вѣжливый хозяинъ, угощалъ ее чаемъ, кофеемъ, шоколадомъ, завтракомъ. Онъ говорилъ, что привезъ *господина Дурова* по приказанію главнокомандующаго, и что господину Дурову должно будетъ къ его сіятельству явиться.

Дурова нѣсколько дней превосходно благодушествовала у старшаго адъютанта главнокомандующаго, Александра Ивановича Нейдгардта. По утру они вмѣстѣ плотно завтракали. Потомъ любезный хозяинъ уходилъ къ главнокомандующему, а она оставалась въ его квартирѣ и ходила прогуливаться на городской бульваръ и разсматривала разныя витебскія строенія съ польскимъ отпечаткомъ. Нейдгардтъ ежедневно обѣдалъ въ трактирѣ, приглашая съ собою и Дурова, котораго послѣ обѣда оставлялъ въ комнатахъ трактирной хозяйки. Дуровой тутъ бывало очень весело. Трактирщица была добрая, шутливая женщина, постоянно звала ее *уланъ-панна*, и увѣряла, что если бы Дуровъ позволилъ себя зашнуровать, то она держитъ пари весь свой трактиръ съ доходомъ противъ злотаго, что во всемъ Витебскѣ нѣтъ ни у одной дѣвицы такой тонкой и прекрасной таліи, какъ у него. Съ этими словами она всегда идетъ въ свою спальню и приноситъ свою шнуровку; дочери ея хохочутъ, потому что въ эту шнуровку могли бы помѣститься онѣ всѣ и вмѣстѣ съ Дуровой.

На шестой день пребыванія въ Витебскѣ, Нейдгардтъ сказалъ Дуровой, что завтра ей должно быть у главнокомандующаго, который приказалъ привести ее часу въ десятомъ утра.

На другой день она съ Нейдгардтомъ была въ домѣ, занимаемомъ графомъ Буксгевденомъ, у входа котораго стояло двое часовыхъ. Нейдгардтъ ввелъ молоденькаго конполольца въ кабинетъ графа и самъ тотчасъ удалился.

Мы знаемъ, что изъ эскадрона у Дуровой отобрали все ея казенное вооруженіе, являться же къ главнокомандующему съ старин-

ною неформенною отцовскою саблею не посовѣтовалъ Нейдгардтъ, вслѣдствіе чего графъ Буксгевденъ, встрѣтивъ Дурову съ улыбкою, прежде всего спросилъ:

— Зачѣмъ васъ, мой милый, арестовали? Гдѣ ваша сабля?

Она сказала, что все ея вооруженіе взяли отъ нее въ эскадронъ.

— Я прикажу, сказалъ графъ,—чтобы все это вамъ отдали; солдата никуда не должно отправлять безъ оружія.

Затѣмъ онъ спросилъ, сколько ей лѣтъ и продолжалъ такъ:

— Я много слышалъ о вашей храбрости, и мнѣ очень пріятно, что всѣ ваши начальники отозвались объ васъ самымъ лучшимъ образомъ.

Онъ замолчалъ на минуту, потомъ началъ опять:

— Вы не испугайтесь того, что скажу вамъ; я долженъ отослать васъ къ Государю. Онъ желаетъ видѣть васъ! Но повторяю, не пугайтесь этого; Государь нашъ исполненъ милости и великодушія; вы узнаете это на опытѣ.

Дурова однакоже испугалась.

— Государь отошлетъ меня домой, ваше сіятельство, домой, гдѣ меня снова заключатъ въ тюрьму и засадятъ за несвойственныя мнѣ занятія, и я умру съ печали, испытавъ сладости боевой жизни!

Она сказала это съ такимъ глубокимъ чувствомъ, голосомъ такъ полнымъ слезъ и рыданій, что главнокомандующій былъ примѣтно тронутъ.

— Не опасайтесь этого; въ награду вашей неустрашимости и отличнаго поведенія Государь не откажетъ вамъ ни въ чемъ; а какъ мнѣ Высочайше повелѣно сдѣлать объ васъ справки, то я къ полученнымъ объ васъ отзывамъ вашего шефа, эскадроннаго командира, взводнаго начальника и ротмистра Казимирскаго, приложу еще и свое донесеніе. Повѣрьте мнѣ, что у васъ не отнимутъ мундира, которому вы сдѣлали столько чести.

Сказавъ это, графъ вѣжливо поклонился, что и было знакомъ конца разговора.

Вышедъ въ залу, Дурова увидѣла Нейдгардта, разговаривавшаго съ флигель-адъютантомъ Зассомъ, пріѣхавшимъ изъ С.-Петербурга. Они подошли къ Дуровой и Нейдгардтъ сказалъ:

— Его сіятельство главнокомандующій приказалъ мнѣ отдать васъ на руки гвардіи капитану Зассу, флигель-адъютанту Государя Императора. Вы поѣдете съ нимъ въ Петербургъ, и такъ позвольте пожелать вамъ счастливаго пути.

Зассъ взялъ Дурову за руку и сказалъ:

— Теперь вы пойдете со мною на мою квартиру; оттуда пошлемъ принести ваши вещи отъ Нейдгардта, и завтра очень рано отправимся обратно въ Полоцкъ, потому что графъ Буксгевденъ приказалъ, чтобъ вамъ непремѣнно было отдано все ваше вооруженіе. На другой день очень рано выѣхали они въ Полоцкъ, гдѣ Зассъ тотчасъ пошелъ къ генералу Каховскому, и только черезъ часъ возвратился, говоря, что Каховскій обѣдалъ въ двѣнадцать часовъ, удержалъ его у себя, по своему извѣстному хлѣбосольству; но что какъ ѣда не во время въ ротъ не идетъ, онъ почти ничего не могъ ѣсть.

— Завтра мы выѣдемъ отсюда очень рано, сказалъ онъ,— затѣмъ Дуровъ, вамъ вѣрно не новость вставать на разсвѣтѣ?

— Я иначе никогда и не вставалъ, былъ отвѣтъ Дуровой.

Вечеромъ этого дня пришли къ Дуровой бывшіе ея сослуживцы по взводу и велѣли ее вызвать. Она вышла въ сѣни, гдѣ нашла унтеръ-офицера своего взвода и того улана, который еще Казимірскимъ назначенъ былъ быть ея пѣстуномъ.

— Прощайте, любезный нашъ товарищъ! говорили они.—Дай Богъ вамъ счастія. Мы слышали, вы, по Высочайшему повелѣнію, ѣдете въ Петербургъ; хвалите насъ тамъ, какъ мы васъ хвалили здѣсь, когда шефъ разспрашивалъ объ васъ. А особливо меня, сказалъ пѣс-

тунъ-уланъ, закручивая свои сивые усы. Вѣдь я по приказу Казимирскаго былъ вашимъ дядькою; шефъ взялъ меня въ горницу и цѣлый часъ выспрашивалъ все до самой малости; и я все разсказалъ, даже и то, какъ вы плакали и катались по землѣ, когда умеръ вашъ Алкидъ.

Напоминаніе это заставило Дурову тяжело вздохнуть. Она простилась съ своими добрыми сослуживцами, отдала наставнику все годовое свое жалованье и возвратилась въ комнаты флигель-адъютанта въ самомъ грустномъ расположеніи духа.

Какъ предсказалъ Зассъ, выѣздъ совершился крайне раннимъ утромъ. Въ тѣ времена не только желѣзныхъ дорогъ нигдѣ не было, да и шоссе было далеко не повсюду, а въ эту пору года грязь была невылазная, почему въ коляску флигель-адъютанта впрягали до двадцати лошадей, и все безъ большой пользы, потому что Бѣлоруссія— страна страшно бѣдная, гдѣ лошади малы какъ рослые телята и необыкновенно слабы. Но какъ бы то ни было, наконецъ они прибыли въ Петербургъ.

ГЛАВА VIII.

Въ Петербургѣ.—Въ Зимнемъ дворцѣ.—Въ кабинетѣ Государя Императора Александра Павловича.

Не распространяясь въ подробностяхъ разсказа Надежды Андреевны о прибытіи ея въ Петербургъ, перенесемся съ нею прямо въ Зимній Дворецъ, гдѣ въ залѣ передъ кабинетомъ Государя Императора Александра Павловича ее встрѣтилъ начальникъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, въ то время самый приближенный къ Государю человѣкъ, самый до-

машнiй, неразлучный другъ его съ дѣтства. Онъ передъ Надеждою Дуровой отворилъ краснаго дерева дверь въ кабинетъ Государя, который въ сюртукѣ Семеновскаго полка стоялъ въ глубинѣ большей комнаты у стола, лицомъ къ входной двери, какъ бы въ ожидательной позѣ. Увидѣвъ вошедшаго юнаго улана, котораго замѣтилъ на Тильзитскомъ смотру, Государь тотчасъ подошелъ довольно быстрыми шагами, взялъ его за правую руку, съ которой, по указанію Волконскаго, у дверей снята была замшевая перчатка и, приблизясь съ Дуровой, которую онъ велъ къ столу, имъ оставленному, оперся пальцами одной руки на него, а другою продолжая держать ея правую руку въ своей лѣвой, сталъ спрашивать въ полголоса и съ такимъ выраженіемъ милости, что вся ея робость исчезла какъ ея никогда не бывало и все прекрасное мигомъ ожило въ душѣ ея.

— Я слышалъ, сказалъ Государь;— что вы не мужчина. Правда ли это»?

Она не вдругъ собралась съ духомъ сказать, но все-таки сказала:

— Да Ваше Величество, правда!

Съ минуту стояла она потупивъ глаза и молчала; сердце ея сильно билось и рука правая дрожала въ лѣвой рукѣ Царя. Государь ждалъ. Наконецъ, поднявъ глаза на него и сказывая свой отвѣтъ, она увидѣла, что Государь краснѣетъ. Мгновенно ее охватилъ лихорадочный жаръ, она покраснѣла, опустила глаза и не поднимала ихъ уже до той минуты, когда волненіе повергло ее къ ногамъ Государя.

Въ первую минуту Государь оставался какъ бы изумленный, безъ движенія, но тотчасъ схватилъ Дурову обѣими руками за плечи и поднялъ ее. Тогда, разспросивъ очень мягко, милостиво и подробно обо всемъ, что было поводомъ столь необыкновеннаго дѣла, какъ вступленіе дѣвицы въ военную службу, Государь много хвалилъ ея неустрашимость и говорилъ: что это первый примѣръ въ Россіи; что

всѣ ея начальники отозвались объ ней съ великими похвалами, называя храбрость ея безпримѣрною; что Ему очень пріятно этому вѣрить, и что онъ желаетъ, сообразно этому, наградить ее и возвратить съ честью въ домъ отцовскій.

Государь не имѣлъ времени окончить то, что хотѣлъ сказать, какъ Дурова при словахъ: „возвратить въ домъ" вскрикнула отъ ужаса и въ ту же минуту вторично упала къ ногамъ Государя.

— Не отсылайте меня домой, Ваше Величество! говорила она голосомъ отчаянія,—не отсылайте! Я умру тамъ! Непремѣнно умру! Не заставьте меня сожалѣть, что не нашлось ни одной пули для меня въ эту кампанію! Не отнимайте у меня жизни, Государь! Я добровольно хотѣла ею пожертвовать для Васъ...

Говоря это, она обнимала колѣни Государевы и плакала. Государь былъ тронутъ; Онъ поднялъ ее, и спросилъ измѣнившимся голосомъ: Чего-жъ вы хотите?

— Быть воиномъ! носить мундиръ, оружіе! Это единственная награда, которую Вы можете дать мнѣ, Государь! Другой нѣтъ для меня! Я родилась въ гусарскомъ лагерѣ! Трубный звукъ былъ колыбельною пѣснью для меня! Со дня рожденія люблю я военное званіе; съ десятилѣтняго возраста обдумывала средства вступить въ него; въ шестнадцать достигла цѣли своей одна безъ всякой помощи, борясь со всѣми препятствіями. На славномъ посту своемъ поддерживалась однимъ только своимъ мужествомъ, не имѣя ни отъ кого ни покровительства, ни пособія. Всѣ согласно признали, что я достойно носила оружіе! А теперь, Ваше Величество, хотите отослать меня домой! Еслибъ я предвидѣла такой конецъ, то ничто не помѣшало бы мнѣ найти славную смерть въ рядахъ воиновъ Вашихъ!

Она говорила это, сложа руки какъ передъ образомъ и смотря на Государя глазами, полными слезъ. Государь слушалъ ее и напрасно старался скрыть, сколько онъ былъ растроганъ. Когда она пере-

стала говорить, Государь минуты двѣ оставался какъ бы въ нерѣшимости. Наконецъ прелестное лицо его освѣтилось.

— Если вы полагаете, сказалъ Императоръ — что одно только позволеніе носить мундиръ и оружіе можетъ быть вашею наградою, то вы будете имѣть ее!

При этихъ словахъ она затрепетала отъ радости.

Государь продолжалъ:

— И будете называться, по Моему имени — *Александровымъ* Не сомнѣваюсь, что вы всегда будете достойною этой чести, отличнымъ вашимъ поведеніемъ и поступками; не забывайте ни на минуту, что имя это всегда должно быть безпорочно, и что Я не прощу вамъ никогда и тѣни пятна на немъ!... Теперь скажите мнѣ, въ какой полкъ хотите вы быть помѣщены? *) Я произведу васъ въ офицеры».

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ, Ваше Величество, отдаться въ Вашу волю, сказала Дурова.

— Маріупольскій гусарскій полкъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ, и корпусъ офицеровъ изъ лучшихъ фамилій, говорилъ ей Государь.—Я прикажу помѣстить васъ туда. Завтра получите вы отъ князя Ливена сколько вамъ надобно будетъ на дорогу и обмундировку. Когда все уже готово будетъ къ вашему отправленію въ полкъ, Я еще увижу васъ.

Сказавъ это, Государь поклонился. Дурова тотчасъ пошла къ двери, но, не умѣя отворить болѣе или менѣе хитраго замка, вертѣла во всѣ стороны бронзовую головку, за которую держала. Государь, видя, что она не выйдетъ безъ его помощи, подошелъ, привѣтливо улыбаясь, отперъ ей дверь и смотрѣлъ за нею вслѣдъ. Войдя въ слѣдующую залу, Дурова вмигъ увидѣла себя окруженною молоденькими завитыми и напудренными (въ 1807 году еще

---

*) Коннопольскій уланскій полкъ предполагался къ расформированію.

придворные пудрились) париками въ ихъ залитыхъ золотомъ мундирахъ, въ казимировыхъ бѣлыхъ панталонахъ и въ мягкихъ ботфортахъ со шпорами. Люди эти наперерывъ спрашивали ее:

— Что говорилъ съ вами государь?... Произвелъ Онъ васъ въ офицеры?

Она растерялась и не знала, что отвѣчать имъ. Но капитанъ Зассъ и съ нимъ еще одинъ флигель-адъютантъ подошли къ ней, и толпа почтительно отступила. Флигель-адъютантъ, подступившій къ ней вмѣстѣ съ Зассомъ, спросилъ ее:

— Есть ли вамъ, сударь, лѣтъ пятнадцать?

Она отвѣчала, что ей уже восемнадцатый годъ идетъ.

— Намъ писали чудеса о вашей храбрости и неустрашимости, сказалъ онъ съ вѣжливою улыбкою.

Зассъ прекратилъ этотъ щекотливый разговоръ, взявши ее за руку, и, обратясь къ сослуживцу по флигель-адъютантскому мундиру, сказалъ:

— Извините, князь, намъ пора ѣхать. И онъ пошелъ съ Дуровой подъ руку изъ дворца.

Сходя съ лѣстницы, Зассъ спросилъ:

— Не хочешь ли, Дуровъ, познакомиться съ моею родственницею, генеральшею Зассъ?

Она отвѣчала, что будетъ осчастливлена этимъ.

— Ну, такъ мы сейчасъ же поѣдемъ къ ней обѣдать, а послѣ обѣда отправимся всѣ вмѣстѣ показать вамъ Эрмитажъ: тамъ много любопытнаго.

Важная и, повидимому, богатая генеральша Зассъ приняла Дурову такъ вѣжливо, какъ ни одинъ армейскій нижній чинъ не могъ никогда и думать быть принятъ такою барынею. Очевидно, она принимала Надежду Дурову какъ слѣдуетъ ей въ ея положеніи принимать *дѣвицу* хорошаго дворянскаго рода.

Мы не послѣдуемъ за Дуровою съ обществомъ генеральши Зассъ,

ни въ Эрмитажъ, ни въ Большой театръ на представленіе оперы *Русалка* съ великолѣпнымъ спектаклемъ. Ничто изъ всего этого, кромѣ картинной галлереи Эрмитажа, не заинтересовало нашу героиню, которой вскорѣ приказано было снова явиться въ Зимній дворецъ къ Государю Императору, который встрѣтилъ ее словами:

— Мнѣ сказывали, что вы спасли офицера! Неужели вы отбили его у непріятеля? Разскажите мнѣ это обстоятельство.

Она разсказала подробно все происшествіе и назвала офицера Финляндскаго драгунскаго полка поручика Панина.

— Это одна изъ извѣстнѣйшихъ фамилій, сказалъ государь.— Неустрашимость ваша въ одномъ этомъ случаѣ сдѣлала болѣе вамъ чести, нежели въ продолженіе всей кампаніи, потому что это имѣло основаніемъ лучшую изъ добродѣтелей—состраданіе! Хотя поступокъ вашъ, продолжалъ Государь,—служитъ самъ себѣ наградою, однакоже справедливость требуетъ, чтобъ вы получили и ту, которая вамъ слѣдуетъ по статуту: за спасеніе жизни офицера съ подвергнутіемъ собственной жизни опасности, дается *Георгіевскій крестъ*!

Съ этими словами государь взялъ со стола, повидимому, нарочно приготовленный серебряный Георгіевскій крестъ 4-й степени и своими руками вдѣлъ въ петлицу ея малиноваго отворота. Дурова вспыхнула отъ радости и ухватила обѣ руки Государя, чтобъ покрыть ихъ жаркими поцѣлуями, но Государь не допустилъ и сказалъ:

— Надѣюсь, Александровъ, что крестъ этотъ будетъ вамъ напоминать меня въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни вашей.

Возвратясь въ квартиру Засса, у котораго она жила съ самаго пріѣзда въ Петербургъ, она не успѣла еще скинуть ладунку, какъ увидѣла вошедшаго вслѣдъ за нею почтеннаго вида старика, который дрожащимъ голосомъ отъ внутренняго волненія спрашивалъ у Засса:

— Можно ли видѣть коннопольскаго уланскаго полка юнкера Дурова? Я родной его дядя, Петръ Васильевичъ Дуровъ.

Услышавъ слова эти, Дурова отгадала, что видитъ передъ собою меньшаго брата отца своего, и первая мысль ея была убѣжать. Къ счастію, она не имѣла времени сдѣлать этой глупости. На вопросъ дяди, Зассъ тотчасъ показалъ на Дурову рукою, и дядя, подошедши къ ней, обнялъ ее и сказалъ вполголоса:

— Мать твоя умерла!

Слова эти какъ острый кинжалъ вонзились ей въ самое сердце. Она затрепетала, поблѣднѣла, и чувствуя, что слезы готовы брызнуть изъ глазъ ея, взяла, не имѣя силъ сказать ни одного слова, дядю за руку и вышла съ нимъ изъ квартиры Засса.

— Поѣдемъ ко мнѣ, сказалъ дядюшка, когда они уже вышли на улицу. Она сѣла машинально въ его сани, и во всю дорогу молчала, закрывая глаза и лице шинелью *), чтобъ проходившіе не видали что она плачетъ.

Дома дядя разсказалъ ей, что отецъ ея, Андрей Васильевичъ, получилъ отъ нея письмо изъ Гродно, и, увидѣвъ изъ этого письма, что тогда она была жива и вступила въ Коннопольскій полкъ «товарищемъ», какъ тогда назывались рядовые изъ дворянъ, испугался столь необыкновеннаго и неестественнаго шага ея. Не зная, какъ помочь этому и что дѣлать, онъ отослалъ письмо это къ ея матери, лечившейся тогда въ Перми. Послѣдствія этой неосторожности были гибельны. Тогда Дурова писала въ этомъ роковомъ письмѣ, что непомѣрныя строгости матери выгнали ее изъ дома отцовскаго. Затѣмъ, что она проситъ отца, въ случаѣ, если будетъ убита, простить ей ту печаль, которую нанесетъ ему смерть ея. Мать ея лежала опасно боль-

---

*) Съ одной стороны юнкера и уланскіе «товарищи» въ тѣ времена работали какъ конюхи и дворники, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ мирное время въ городахъ носили офицерскія шинели и даже съ мѣховыми воротниками. *В. Б.*

ная въ постелѣ, и была очень слаба, когда ей принесли это письмо. Она взяла его, прочла, молчала съ минуту; потомъ сказавъ со вздохомъ: *«Она винитъ меня!»*, отвернулась къ стѣнѣ, и умерла!...

Дурова рыдала какъ пятилѣтнее дитя, слушая этотъ трогательный разсказъ. Думала ли она, что отецъ будетъ имѣть неосторожность, болѣе чѣмъ неосторожность, а какую-то грубость чувствъ, показать умиравшей въ Перми женѣ письмо это?... Дядя далъ Надеждѣ волю выплакаться, считая, справедливо, слезы въ данномъ случаѣ спасительнымъ средствомъ. Остальной же разсказъ онъ отложилъ до другаго дня.

Дѣло въ томъ, что, получивъ это роковое письмо изъ Перми послѣ похоронъ тамъ несчастной жены его,—обратно, Андрей Васильевичъ переслалъ это письмо въ Петербургъ къ меньшому своему брату, Петру Васильевичу, постоянно жившему и служившему въ Петербургѣ, и просилъ его узнать подъ рукою, въ живыхъ ли она? Дядя показалъ это письмо кому-то изъ своихъ вліятельныхъ петербургскихъ знакомыхъ генераловъ. Такимъ образомъ письмо это дошло до Государя Императора Александра Павловича, который, прочитавъ его, былъ тронутъ, какъ говорили, до слезъ, и тотчасъ приказалъ справиться объ Надеждѣ Дуровой, разумѣется, подъ видомъ Александра Васильева Дурова, въ Коннопольскомъ полку, и ежели только донесенія будутъ въ пользу этого юнаго товарища (юнкера), то представить его лично Его Величеству. Всѣ начальники расхвалили Александра Дурова, какъ мы знаемъ. Послѣдствіемъ этого была неслыханная милость Государя, именно: позволеніе ей Надеждѣ, Дуровой, подъ именемъ *Александра Андреева Александрова*, посвятить Царю жизнь свою въ званіи воина русской арміи.

Наконецъ все было готово къ отправленію Дуровой въ Вильну. Ей дали подорожную по казенной надобности на имя корнета Маріупольскаго гусарскаго полка Александра Андреева Александрова,

*

предписаніе въ полкъ и 2 тысячи рублей на гусарскую экипировку и покупку лошади.

ГЛАВА IX.

Поступленіе въ гусары.—Путь наединѣ съ барышней.—Прибытіе въ полкъ.—Вислоухая лошадь.—Несчастный смотръ.—Едва не открытый секретъ.—Ссылка въ запасный эскадронъ.—Увольненіе въ отпускъ.

На четвертый день выѣзда своего изъ Петербурга, дѣвица Дурова, все еще въ костюмѣ коннопольца, пріѣхала въ Вильну (15-го января 1808 года), гдѣ и осталась обмундировываться. Толпа жидовъ явилась съ предложеніями всякаго рода услугъ. Въ полчаса времени у нея было все: квартира, прислуга, портные; множество суконъ всевозможныхъ цвѣтовъ, золотыхъ шнурковъ, бахромъ, сафьяновъ, киверовъ, треугольныхъ шляпъ съ бѣлыми перистыми султанами, кистей, шарфовъ, шпоръ, сабель, шпагъ кавалерійскаго образца, словомъ изъ обширной ея комнаты въ гостиницѣ виленскіе жидки сдѣлали лавку съ товарами, и ей оставалось только выбирать. Жиды кричали всѣ вдругъ и оглушали ее; она не знала что дѣлать, пока одинъ, болѣе другихъ проворный жидъ не сказалъ ей тихонько:

— Вы не избавитесь отъ нихъ иначе, какъ выбравъ себѣ *фактора* или *мишуриса*, т. е. посредника между продавцемъ и покупщикомъ. Тогда этотъ послѣдній выпроводитъ всю эту сволочь и приведетъ вамъ настоящаго купца, у котораго вы купите все, что вамъ угодно, за весьма сходную цѣну.—Тогда этотъ жидъ объявилъ себя факторомъ и началъ съ того, что очистилъ комнату отъ толпы, а за-

тѣмъ, сговорясь съ своими пріятелями, такими же какъ и онъ евреями-плутами, вошелъ съ ними въ стачку, чтобы надуть новичка самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Дурова, какъ и всѣ неопытные люди, попадающіеся въ еврейскій муравейникъ, заплатила дань, сбираемую этими плутами съ молодости и неопытности. Но по истинѣ, все ея гусарское экипированіе блистало вкусомъ и богатствомъ. Однако, дешевый факторъ за шестидневную службу свою пану корнету (именуемому по польской привычкѣ поднимать въ чинахъ выше, паномъ поручикомъ), получилъ всего только одинъ *карбованецъ* (рубль). За то въ полкъ панъ корнетъ пріѣхалъ съ однимъ рублемъ, оставшимся отъ двухъ тысячъ, которыя поглотила Вильна, посредствомъ усерднаго, *дешеваго* временнаго слуги новопріѣзжаго офицера.

Дурова пріѣхала въ г. Ковель. Подорожная ея была только до этого мѣста. Однако-же оказалось, что Маріупольскаго полка здѣсь нѣтъ, что онъ квартировалъ въ Луцкѣ и его окрестностяхъ. Дурова не знала, что ей дѣлать. Луцкъ отъ Ковеля въ 50 верстахъ; денегъ у нея *одинъ рубль*, за который вѣрно никто не повезетъ ее до Луцка; въ Ковелѣ жить, до случая выѣхать, безъ денегъ также нельзя. Обдумывая, какъ бы выдти изъ непріятнаго положенія своего, она услышала хлопанье бича, и, взглянувъ въ окно, увидѣла даму, ѣдущую въ панской бричкѣ прямо къ корчмѣ, въ которой Дурова находилась проѣздомъ. Жидовка побѣжала отворить двери. Вошла дама лѣтъ тридцати, хорошо одѣтая, и тотчасъ обратила на юнаго офицера свое вниманіе. Она стала говорить съ этимъ гусарикомъ, и узнавъ, что это офицеръ полка, квартирующаго у нихъ въ сосѣдствѣ, хотѣла что-то спросить о знакомыхъ ей офицерахъ. Но жидовка-корчмарка не дала ей времени на эти разспросы, и тотчасъ сказала, что это новый офицеръ, никого еще въ полку не знаетъ и не имѣетъ средствъ доѣхать въ штабъ, потому что подорожная его только до Ковеля, а штабъ, какъ извѣстно, стоитъ въ Луцкѣ, и что панна Новицка прекрасно бы сдѣлала, еслибъ взяла молоденькаго гусар-

чика въ свою бричку и довезла бы его съ собою до мѣстечка Голобъ, а тамъ онъ будетъ уже дома, потому что въ Голобахъ стоитъ Маріупольскій эскадронъ. Все это услужливая Рахиль (такъ звали корчмарку) проговорила однимъ духомъ и такъ проворно, что ни Дурова, ни панна Новицка не успѣли опомниться, какъ увидѣли себя въ необходимости ѣхать вмѣстѣ. Для Дуровой это было очень пріятно: она тутъ видѣла одну возможность избавиться отъ хлопотъ; но дѣвица, хотя и не первой молодости, которой предлагаютъ взять къ себѣ въ повозку молодаго гусарскаго корнета и ѣхать съ нимъ 30 верстъ одной, могла придти въ замѣшательство. Однако-же, къ чести панны Новицкой должно сказать, что она безъ малѣйшаго колебанія и съ самою любезною вѣжливостью тотчасъ предложила мѣсто въ своей бричкѣ. Въ два часа пополудни панни Новицка окончила дѣла свои, состоявшія въ покупкѣ сахара, чая, и тому подобныхъ вещей. Онѣ поѣхали. Польская дѣвица расположена была разговаривать съ Дуровой, и нѣсколько разъ начинала разговоръ; но молодой корнетъ, вопреки всѣмъ правиламъ вѣжливости, а съ тѣмъ вмѣстѣ на этотъ разъ и чувству благодарности, отвѣчалъ только: да и нѣтъ, и то не всегда кстати, потому что, не любя польскаго языка и не стараясь ему научиться, хотя имѣлъ много къ тому случаевъ,—онъ былъ въ страшномъ затрудненіи отъ говорливости своей спутницы. Она чувствовала всю странность и неприличность своего обращенія, но не знала, какъ пособить этому и продолжала молчать. Бѣдная Новицка! Судьбѣ угодно было, чтобы изъ всѣхъ гусаръ, которые славятся своею ловкостью и бойкостью, самый неловкій достался ей товарищемъ въ 30-ти верстной дорогѣ. Наконецъ и она замолчала, стала зѣвать, прислонилась головой къ сафьянной подушкѣ и заснула. Такимъ пріятнымъ образомъ доѣхали онѣ до мѣстечка *Голобъ*. Новицкая тотчасъ проснулась и приказала кучеру ѣхать къ квартирѣ ротмистра *Агѣева*. Бричка понеслась, прыгая по ухабамъ, и остановилась передъ ярко-бѣлою мазанкою.

— Вотъ квартира вашего полка ротмистра, сказала Новицкая, вѣжливо кланяясь Дуровой. Дурова покраснѣла отъ глупой роли, какую играла въ пути. Она хотѣла-было сказать свою благодарность по-польски, но побоялась наговорить вздору, и отъ этого опасенія еще болѣе покраснѣла. Наконецъ, она вышла молча изъ брички, поклонилась панни тоже безмолвно, и добрые кони умчали спутницу Дуровой къ крыльцу огромнаго господскаго дома.

Въ квартирѣ ротмистра никого не было. Агѣевъ уѣхалъ въ штабъ. Подавая чай, старый гусаръ, повидимому, домашній постоянный вѣстовой въ бѣломъ долманѣ и красныхъ чекчирахъ,—спросилъ новоприбывшаго офицера:

— Ваше благородіе ночуете здѣсь или поѣдете далѣе?

Узнавъ, что ротмистръ не прежде двухъ дней возвратится въ эскадронъ, Дурова рѣшилась переночевать въ его квартирѣ.

На другой день, очень рано утромъ, увидѣла она у крыльца плетеный коробъ, стоящій на дровняхъ, запряженныхъ парою конскихъ скелетовъ. Вошедшій гусаръ, ставя на столъ завтракъ, сказалъ:

— *Фурманка* готова вашему благородію!

Оказалось, что этотъ непривлекательный экипажъ называется здѣсь *фурманкою*. Дурова оставила Агѣеву признательно-почтительное письмо за гостепріимство, оказанное, по его распоряженію, его прислугою новому гусару, корнету Маріупольскаго полка *Александру Андрееву Александрову*.

Затѣмъ она сѣла въ свой коробъ, наполненный сухою соломою; измученныя лошади побѣжали рысью, и ямщикъ во всю дорогу махалъ надъ ними длиннымъ прутомъ.

Пріѣхавъ въ Луцкъ, Дурова остановилась, по обыкновенію всѣхъ пріѣзжихъ и прохожихъ, въ корчмѣ, одѣлась, и пошла явиться баталіонному начальнику, по нынѣшнему дивизіонеру, т. е. начальнику двухъ эскадроновъ. Въ прежнія времена до Парижской столи-

ки нашей арміи въ 1814 году въ столицѣ Франціи, нынѣшній дивизіонъ называли «баталіонъ». Дурова отдала маіору Дымчевичу пакетъ, врученный ей въ Петербургѣ княземъ Ливеномъ. Прочитавъ письмо, Дымчевичъ, сивый усачъ, сказалъ ей:

— Подите къ полковому адъютанту, скажите ему, что я велѣлъ зачислить васъ въ мой первый эскадронъ.

Послѣ этого старый гусаръ сдѣлалъ юному новому изъ столицы прибывшему сослуживцу нѣсколько вопросовъ объ Августѣйшемъ генералъ-инспекторѣ всей кавалеріи, цесаревичѣ великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, и, видя, что новый сослуживецъ ничего о Высочествѣ не знаетъ, повторилъ свое начальственное приказаніе, чтобы корнетъ шелъ къ полковому адъютанту и вслѣдъ за симъ тотчасъ отправился въ первый эскадронъ.

Дурова должна была отдать свой послѣдній рубль, чтобъ доѣхать въ Рожицы, гдѣ квартировалъ упомянутый эскадронъ. Командовавшій временно этимъ эскадрономъ штабъ-ротмистръ принялъ новаго сослуживца съ важностью. Первый вопросъ его былъ:

— Есть ли у васъ верховая лошадь?

Дурова отвѣчала, что нѣтъ.

— Надобно купить, сказалъ онъ!

— Мнѣ кажется, замѣтила Дурова, — что я имѣю право на время взять казенную?

— Имѣете; но на одной казенной лошади безъ собственнаго *парадера* гусарскому офицеру служить не приходится. Вамъ должно имѣть три лошади, какъ всѣ мы имѣемъ: для себя, для деньщика и для вьюковъ и третью—заводную.

Дурова сказала, что у нея нѣтъ деньщика и пока нѣтъ свободныхъ денегъ на покупку лошадей.

— Деньщика дадутъ вамъ завтра, если вамъ угодно, а есть ли, нѣтъ ли у васъ денегъ до этого никому нѣтъ дѣла, а все-таки лошади у васъ должны быть непремѣнно. Теперь благоволите ѣхать въ

селеніе *Березолупы*, и принять тамъ командованіе четвертымъ взводомъ, до возвращенія изъ отпуска настоящаго командира.

Не находя особеннаго удовольствія въ компаніи этого офицера, Дурова тотчасъ уѣхала въ село Березолупы, мѣсто стоянки 4-го взвода. Ей отвели ту же самую квартиру, которую занималъ поручикъ *Докукинъ*, настоящій взводный командиръ, въ домѣ помѣщицы этого села. Пани-старостина приняла юнаго корнета съ материнскою лаской, и просила Дурову, чтобы она каждый день обѣдала у нея, потому говорила она, что, какъ вижу, у васъ своего повара нѣтъ. Добрая помѣщица совсѣмъ не отличала ее отъ своихъ двухъ внуковъ, двѣнадцати, тринадцати-лѣтнихъ мальчиковъ. Какъ имъ, такъ и постояльцу, давалась одна кружка парнаго молока съ чернымъ хлѣбомъ съ масломъ по утру по вставаніи отъ сна. Жили они всѣ трое почти въ одной комнатѣ, только досчатая перегородка отдѣляла его кровать отъ ихъ постелей; они молятся, учатся, кричатъ, стучатъ, бранятся, какъ будто у нихъ нѣтъ такого близкаго сосѣда. Сверхъ того, шалуны всякое утро, какъ милости какой просили позволенія вычистить его сапоги, чему и Дурова была очень и очень рада.

Нѣкто господинъ Мальченко, окрестный житель, предложилъ Дуровой купить у него верховую лошадь за 100 р., съ тѣмъ, что денегъ онъ подождетъ пока пришлютъ ей изъ дома. Она согласилась. Лошадь привели; она была бы сносна, еслибъ не такъ странно держала уши, т. е., по просту, не была бы вислоухая. Продавецъ, какъ это въ порядкѣ вещей, расхваливалъ ее чрезвычайно. Дуровой, храброй до неимовѣрности въ бою и робкой въ общежительныхъ сношеніяхъ, особенно съ плутами въ родѣ этого Мальченко, трудно было высказать о лошади правду, и она согласилась купить. Послѣ этого Мальченко спросилъ Дурову, умѣетъ ли она дѣлать пріемы карабиномъ, и когда она сказала, что не умѣетъ, то онъ замѣтилъ:

— Надобно учиться. Прикажите кому нибудь изъ служилыхъ гусаръ показывать вамъ всѣ пріемы карабиномъ. Недѣли въ двѣ вы будете умѣть; это очень не трудно.

Съ этого времени каждое утро къ корнету Александрову сталъ приходить старый *Гребенникъ*, флапговый гусаръ четвертаго взвода съ карабиномъ, и онъ болѣе часа училъ его пріемамъ.

Такъ какъ императоръ Александръ Павловичъ приказалъ Дуровой писать къ нему обо всемъ, въ чемъ будетъ она встрѣчать надобность черезъ князя Ливена, то она писала князю, что проситъ его о пожалованіи ей 500 рублей. Черезъ два мѣсяца она и получила эти деньги, но не черезъ князя Ливена. Уже графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ прислалъ ей ихъ, и писалъ, чтобы корнетъ Маріупольскаго гусарскаго полка Александръ Андреевичъ Александровъ во всѣхъ своихъ надобностяхъ относился уже къ нему, потому что опъ имѣлъ счастіе заступить мѣсто князя Ливена у государя. Получивъ деньги, она не медля заплатила свой долгъ плутоватому Мальченко, и за тѣмъ уже не знала, что дѣлать съ своей вислоухой лошадью. Кромѣ этихъ проклятыхъ, на ослиныя смахивавшихъ ушей, у этого копя были и еще странные норовы: она не отходила отъ лошадей, часто вскидывалась на дыбы и въ галопъ поднималась не съ передней, а съ задней ноги.

Вскорѣ Маріупольскому полку велѣно было собраться близь города Луцка. Здѣсь долженъ былъ смотрѣть его корпусный командиръ, генералъ-аншефъ *Дохтуровъ*. Но прежде этого маріупольцы должны были выдержать экзаменъ передъ своимъ дивизіоннымъ начальникомъ княземъ Суворовымъ, сыномъ безсмертнаго фельдмаршала.

Маріупольцы выступили на зеленую равнину въ бѣлыхъ мундирахъ.

Надобно думать, что вислоухій конь корнета Александрова всю жизнь свою провелъ въ шеренгѣ подъ солдатскимъ сѣдломъ, потому

что начальническая роль, которую пришлось ему играть, примѣтно ужасала его. Онъ старался втереться во фронтъ, пятясь туда задомъ, и когда Дурова колола его бока острыми шпорами, чтобъ заставить податься впередъ, то онъ, какъ упрямая скотина, крутилъ головою и взвивался на дыбы. Судя по этому началу, Дурова ожидала отъ него убійственныхъ выходокъ, когда начнутся маневры. Такъ и случилось. Князь Суворовъ проѣхалъ мимо всего Маріупольскаго полка шагомъ, осмотрѣлъ внимательно весь фронтъ, и, отъѣхавъ нѣсколько шаговъ впередъ на середину полка, скомандовалъ громко:

— Господа офицеры!

Все блестящее офицерство понеслось съ быстротою вѣтра къ своему начальнику; но Александрова діаволъ, не прежде какъ получивъ отъ своего сѣдока нѣсколько жестокихъ ударовъ саблею по хребту и брыкнувъ задними ногами, поднялся галопомъ, помахивая плавно проклятыми своими ушами. Суворовъ имѣлъ снисхожденіе дождаться, пока новый корнетъ присоединится къ товарищамъ, сидѣвшимъ на хорошо выѣзжанныхъ послушныхъ лошадяхъ. Тогда онъ отдалъ офицерамъ свои приказанія, которыя состояли въ указаніяхъ, какіе именно маневры будутъ дѣлаться при корпусномъ командирѣ и что послѣ чего.

— Теперь же, господа, прибавилъ князь,—мы сдѣлаемъ только репетицію. Извольте встать по мѣстамъ!

Все полетѣло, какъ пущенныя изъ лука стрѣлы, прямо къ полку. На этотъ разъ и Дурова неслась вихремъ: вислоухій конь спѣшилъ къ своему шеренговому четвероногому обществу. Стали передъ фронтъ, выровнялись; раздалась команда: «По взводно!», «Лѣвыя плечи впередъ!», «Маршъ!».—Весь полкъ сдѣлалъ это движеніе ровно, стройно; но вислоухъ корнета Александрова началъ пятиться, брыкать, фыркать и крутить со всѣхъ силъ своею глупой головою. Не предвидя добраго конца такому началу, Дурова велѣла взводному унтеръ-

офицеру встать на ея мѣсто передъ взводомъ, а сама, давъ два или три какихъ только могла, сильныхъ фухтеля своей нелѣпой лошади, заставила ее нестись стремглавъ по дорогѣ къ Луцку. Князь Суворовъ, видя эту сцену, съ свойственной ему снисходительностью только усмѣхнулся, сказавъ:

— Новый нашъ сослуживецъ не хочетъ учиться съ нами.

Честный дивизіонеръ Дымчевичъ, услышавъ это замѣчаніе дивизіоннаго начальника, выбралъ удобную минуту и доложилъ князю, что этотъ юноша—георгіевскій кавалеръ, имѣющій счастіе, нося еще мундиръ Коннопольскаго улана, получить этотъ знакъ военнаго достоинства изъ собственныхъ рукъ Государя Императора въ Петербургѣ и отличается превосходнымъ поведеніемъ, скроменъ какъ *дѣвица*!...».

— Не мудрено! снова усмѣхнувшись замѣтилъ Суворовъ и прибавилъ:

— Да я, маіоръ, нисколько не въ претензіи на этого юношу; но надо позаботиться доставить ему лошадку получше той, на какой онъ теперь ѣздитъ. Я знаю, что *мальчикъ* этотъ (и снова князь усмѣхнулся)—весьма замѣчательное явленіе, достойное того вниманія, какимъ онъ удостоенъ государемъ.

Маневры передъ корпуснымъ начальникомъ кончились для Дуровой безбѣдственно, потому что добрый командиръ Дымчевичъ далъ ей свою лошадь, превосходно выѣзженную. Послѣ смотра и ученья съ маневромъ, когда корпусный командиръ, разцѣловавъ Суворова и нѣсколько разъ поблагодаривъ всѣхъ громогласно, уѣхалъ на другіе смотры, князь Суворовъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ Маріупольскаго полка, и въ томъ числѣ корнета Александрова.

Послѣ смотра корпуснаго командира, Маріупольцы выступили въ лагерь на шестинедѣльное ученье, посвященное преимущественно маневрамъ. Въ это время Дуровой удалось ежели не вполнѣ, то, благодаря заведенной ею самой энергической казацкой нагайкѣ, по-

вымуштровать свою вислоухую скотину на столько, что она стала понимать свое новое положеніе, коня не ранжирнаго рядоваго, а взводнаго офицера. Но разъ какъ-то Дурова обратилась къ одному изъ взводныхъ командировъ, поручику Подъямпольскому, котораго знала еще въ Коннопольцахъ, откуда онъ перешелъ недавно въ Маріупольцы,—съ просьбою предоставить ей великолѣпнаго вороного жеребца *Вельзевула*, такъ какъ самъ Подъямпольскій по болѣзни на ученьѣ быть не могъ.

— Знаю, Саша, сказалъ Подъямпольскій,—знаю, что ты на твоемъ покойномъ Алкидѣ ѣздилъ мастерски; но вѣдь одинъ ты и могъ на немъ ѣздить, какъ одинъ я могу ѣздить на моемъ Вельзевулѣ, котораго я знаю насквозь едва-ли не лучше какъ знаю самаго себя. Твой Алкидъ, однако, былъ ягненокъ сравнительно съ моимъ чортомъ. Предупреждаю тебя, что съ нимъ нужна осторожность, да осторожность, а то въ чужихъ рукахъ онъ бываетъ нестерпимо золъ. Возьми, пожалуй, да смотри, на меня не пеняй, ежели что случится, а помни пословицу: „Сама себя раба бьетъ, коль дурно жнетъ."

Въ концѣ концовъ во время ученья съ маневрами корнетъ Александровъ мастерски и великолѣпно гарцовалъ на Вельзевулѣ, красѣ всего полка, какъ выражался всегда полковой командиръ, который очень сердился на Подъямпольскаго за то, что послѣдній ни за что не хотѣлъ ему ни продать, ни проиграть Вельзевула.

— Ай,-да Александровъ! Молодецъ Александровъ! Какъ онъ ловко гарцуетъ на этомъ черномъ выходцѣ изъ ада!—А Вельзевулъ-то Вельзевулъ,—адская животина: ужъ точно, что по шерсти кличка дана! *).

Такія раздавались восклицанія во время ученья маневрами, которое подходило къ концу уже благополучно и предположенія Подъ-

---

*) Вельзевулъ въ священной исторіи древнихъ грековъ—одна изъ лошадей колесницы адскаго бога Плутона. *В. Б.*

ямпольскаго, казалось, не оправдаются. Оставалось только сдѣлать блестящую кавалерійскую атаку цѣлымъ полкомъ. При командѣ: „Съ мѣста! Маршъ! Маршъ!“—Вельзевулъ ни съ того, ни съ сего поднялся на дыбы, прыгнулъ сильнымъ вольтомъ впередъ. Отъ этого неожиданнаго и рѣзкаго движенія, ножны сабли Александрова оторвались съ передняго ремня и попали между заднихъ ногъ лошади, которая на всемъ скаку стала бить и съ третьяго прыжка перебросила сѣдока черезъ голову на землю. Дурова упала безъ памяти. При первомъ командномъ крикѣ: «*Стой!..*» полкъ остановился какъ вкопаный. Офицеры подняли корнета съ земли, растегнули доломанъ, развязали галстухъ, и кричали, чтобъ лекарь скорѣе пустилъ кровь. Но скоро, къ великому для себя счастію, Дурова пришла въ себя. Еще нѣсколько секундъ, и необходимость кровопусканія, обнаживъ часть тѣла, могла открыть то, что такъ ревностно скрывала Дурова, открыть, что этотъ лихой и бравый корнетъ Александровъ и Георгіевскій кавалеръ—восемнадцатилѣтняя дѣвушка Надежда Андреевна Дурова. Она быстро повязала опять свой галстухъ, застегнула доломанъ, скинула изорванную портупею и, выпивъ ковшъ студеной воды, сѣла опять на капризнаго Вельзевула, но уже не принимала участія въ маневрѣ, а ѣздила просто за полкомъ.

Когда ученье кончилось, Дымчевичъ подозвалъ корнета Александрова къ себѣ, и когда онъ подъѣхалъ къ нему, то, отдѣлясь отъ офицеровъ, поѣхалъ рядомъ и сталъ говорить:

— Вы сегодня упали съ лошади?.....

Дурова было хотѣла сказать, что лошадь сбила ее. Но онъ повторилъ суровымъ голосомъ:

— Вы упали съ лошади!... Только вмѣстѣ съ лошадью, прильнувъ къ сѣдлу, можетъ упасть гусаръ, но никогда не можетъ свалиться съ лошади. Ничего, ничего не хочу слышать! Завтра полкъ

идетъ опять на квартиры, а вы, сударь, маршъ завтра въ запасный эскадронъ къ берейтору и учитесь тамъ ѣздить верхомъ.

Запасный эскадронъ былъ расположенъ въ мѣстечкѣ Турискѣ. Тамъ Дурова поселилась у полковаго берейтора, поручика Вихмана, и каждое утро какъ-бы для возбужденія аппетита передъ завтракомъ, ѣздила верхомъ безъ сѣдла, на попонкѣ, да еще и вечеромъ, передъ вечернимъ чаемъ, съ часъ. Это превосходное средство, чтобъ дойти до того, чего требуетъ маіоръ Дымчевичъ, гусарскаго совершенства въ ѣздѣ, то есть никогда и ни въ какомъ случаѣ не падать съ лошади, а ежели и падать, то вмѣстѣ съ лошадью, держась крѣпко въ сѣдлѣ. Въ запасномъ эскадронѣ Дуровой жилось очень пріятно. Вихманъ и она проводили почти весь день у подполковника Павлищева, командующаго запаснымъ эскадрономъ. Ее очень полюбили въ семьѣ Павлищева и принимали какъ роднаго юношу. Красавица, его старшая дочь Вѣра, учитъ Дурову (считая, конечно, что это корнетъ Александровъ) играть на гитарѣ. Затѣмъ Вѣра премило разсказываетъ, гдѣ что видѣла или слышала смѣшнаго или особенно интереснаго.

Вихманъ оказался страстнымъ охотникомъ, и почти ежедневно заставлялъ Дурову ѣздить съ собою на травлю зайцевъ, лисицъ, волковъ, и всегда они возвращались съ порядочною добычею. Зайцы идутъ на общую кухню, а шкуры лисицъ и волковъ отдавались скорнякамъ для выдѣлки. По мнѣнію Вихмана, псовая охота на хорошемъ Донцѣ или Киргизѣ—единственный вѣрный, окончательный способъ, послѣ практики на голой спинѣ безъ сѣдла и попонки, достигнуть послѣдняго слова совершенства въ искусствѣ верховой ѣзды.

Въ полкъ пріѣхалъ новый шефъ *баронъ Меллеръ, Закомельскій.* Онъ тотчасъ потребовалъ корнета Александрова въ полковой штабъ, почему Дурова должна была оставить запасный эскадронъ, съ которымъ очень свыклась. Меллеръ требовалъ ее для того, чтобъ сказать, что корнетъ Александровъ уволенъ въ отпускъ на *два*

мѣсяца, и узнать лично, для чего Александровъ не просился по командѣ, а прямо обращался къ Государю? Дурова отвѣчала, что, имѣя на это повелѣніе, она воспользовалась имъ для того только, чтобы скорѣе получить отпускъ. Меллеръ приказалъ мнимому Александрову ѣхать въ Дубно къ князю Суворову, говоря, что онъ найдетъ тамъ *Комбурлея*, Житомирскаго губернатора, отъ котораго и долженъ былъ взять подорожную.

Когда Дурова пріѣхала въ Дубно, князь Суворовъ приготовлялся дать пышный балъ на слѣдующій день, и сказалъ, что прежде окончанія празднества, корнетъ Александровъ не получитъ подорожной, и что въ него влюбятся непремѣнно всѣ завтрашнія дамы, что онъ долженъ будетъ непремѣнно танцовать у него, что онъ Суворовъ, всегда снисходительный начальникъ, на этотъ разъ дѣлается неумолимымъ. Выслушавъ все это, Дурова пошла къ его личному адъютанту, графу Каховскому, гдѣ нашла за вечернимъ чаемъ многихъ Маріупольцевъ. Вскорѣ пришелъ и самъ князь Суворовъ въ шлафрокѣ и туфляхъ. Онъ легъ на кровать Каховскаго, говоря, что ушелъ отъ себя, выгнанный нестерпимою возней и пылью, которую люди его подняли, обметая и убирая цѣлый домъ для завтрашняго торжества. Каховскій подалъ ему стаканъ чая и предложилъ кальянъ съ турецкимъ табакомъ. Часа черезъ два Суворовъ ушелъ къ себѣ, а въ залу Каховскаго слуги принесли цѣлый возъ соломы, разостлали по полу, закрыли коврами, набросали нѣсколько сафьянныхъ подушекъ и устроили огромную постель для гостей Каховскаго, завтрашнихъ отчаянныхъ танцоровъ. Пожелавъ доброй ночи своимъ сослуживцамъ, Дурова ушла въ тотъ польскій трактиръ, въ которомъ остановилась. Дочь трактирщика, веселая и прекрасно говорившая по-русски пани Добровольская, отперла стеклянныя двери, ведшія съ улицы прямо въ залу.

— Давно жду васъ ужинать, сказала она, корнетъ *милашка*. Сегодня никого у насъ здѣсь нѣтъ, пойдемте въ мою комнату.

Дурова пошла съ панной Добровольской въ ея комнату, куда принесли имъ рябчиковъ, пляцекъ, яблокъ въ компотѣ, бѣлаго пышнаго хлѣба, какимъ печеньемъ польскія хозяйки щеголяютъ, варенье, полбутылки вишневки и полбутылки старой малаги, которыя молодая вдовушка и дѣвушка въ формѣ гусара преисправно опорожнили, почему Дурова, не ложась въ постель, въ волтеровскихъ креслахъ заснула крѣпчайшимъ сномъ, хохоча внутренно надъ молодою шляхтяночкою, которая жарко цѣловала мнимаго корнета, остававшагося ледянымъ.

На другой день съ вечера обширныя, богатоубранныя, освѣщенныя залы Суворовскаго дома наполнены были цвѣтомъ какъ мѣстнаго, такъ и военнаго общества. Музыка гремѣла. Прекрасныя и соблазнительныя польки, вальсируя, амурно облокачивались на ловкихъ, стройныхъ гусаръ, на не менѣе ихъ ловкихъ, стройныхъ и молодцоватыхъ, хотя и менѣе театрально блестящихъ уланъ и конно-егерей. Князь Суворовъ, Аркадій Александровичъ, былъ до крайности избалованъ польками. За его очаровательную наружность, онѣ, кажется, все на свѣтѣ готовы были ему простить. Онъ обыкновенно говорилъ имъ все, что взпадетъ ему на умъ, а на его умъ взпадали иногда дивныя вещи! И этотъ разъ онъ проявилъ свою веселую игривость. Видя, что корнетъ Александровъ не танцуетъ, и даже не входитъ туда, гдѣ дамы, онъ спросилъ у него причину этой странности. Дурова только что хотѣла сказать, что она танцовать не умѣетъ и никогда не училась, какъ ротмистръ Станковичъ, эскадронный командиръ и лихой, какъ говорится, гусаръ, поспѣшилъ отвѣчать за нее.

— Онъ, ваша свѣтлость, проговорилъ Станковичъ,—во-первыхъ, не умѣетъ вовсе танцовать, а, во-вторыхъ, боится смерть женщинъ, стыдится ихъ, не любитъ и не знаетъ ни по какимъ отношеніямъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Суворовъ.—О, это непростительно! Пойдемъ, пойдемъ, молодой человѣкъ, надобно сдѣлать начало!

Говоря это, онъ взялъ Дурову за руку и повелъ къ молодой княгинѣ Любомірской. Онъ представилъ восемнадцатилѣтняго корнета этой дамѣ, сказавъ по-французски:

— При видѣ персиковъ, рдѣющихъ на его щекахъ, вы, княгиня, можете быть увѣрены, что онъ еще не утратилъ своей цѣломудренности.

Княгиня, стрѣльнувъ глазами въ мнимаго юношу, засмѣялась и пригласила князя сѣсть на тотъ диванъ, на которомъ сидѣла. Дурова же, покраснѣвъ особенно сильно, —перешла къ товарищеской компаніи.

Надо замѣтить, что на сколько бывшій фельдмаршалъ Суворовъ отличался простотою, на столько сынъ его блисталъ роскошью. Онъ былъ на своемъ вечерѣ необыкновенно веселъ, радушенъ и привѣтливъ. Какъ ласковый хозяинъ, онъ не пропустилъ ни одного изъ своихъ гостей, которому не сказалъ бы хотя одного ласковаго слова. И мужчины, и дамы были въ восхищеніи. Что касается Дуровой, то онъ былъ съ нею необыкновенно любезенъ и не разъ заставлялъ ее краснѣть, разсказывая исторію, какъ коннопольскій уланъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ отличался безумною храбростью и два раза спасалъ жизнь, одинъ разъ офицеру, а другой рядовому. Среди бала онъ вспомнилъ, что у корнета Александрова заупрямилась наученыи лошадь, и обѣщалъ прислать ей одну изъ своихъ. Словомъ князь Суворовъ обворожилъ все общество какъ гражданское, такъ и военное. Пиръ продолжался далеко за полночь и всѣ веселились, кромѣ Дуровой. Она всегда была очень застѣнчива, а тутъ въ многочисленномъ собраніи она совершенно растерялась и только съ нетерпѣніемъ ожидала возможности переговорить съ губернаторомъ насчетъ подорожной. Наконецъ, проходя по заламъ, успѣла отыскать губернатора Комбурлея, который далъ ей слово, записавъ ея адресъ, что завтра утромъ корнетъ Александровъ получитъ подорожную до Ирбита.

ГЛАВА X.

Въ Ирбитѣ.—Воспоминанія.—Встрѣча съ отцомъ.—Всеобщее изумленіе.—Прозваніе «дѣвка-гусаръ».—Отъѣздъ.

Три съ половиною года Андрей Васильевичъ не видалъ своей дочери Нади. Она естественно чрезвычайно выросла, возмужала, пополнѣла. Лицо ея изъ бѣлаго и продолговатаго сдѣлалось смуглымъ и круглымъ; волосы, прежде свѣтлорусые, теперь потемнѣли. Отцу трудно будетъ узнать ее.

Она поѣхала одна на перекладныхъ, взявъ съ собою въ товарищи одну только отцовскую саблю, которая, какъ неформенная, носилась ею внѣ службы.

Станціонные смотрители, считая ее незрѣлымъ юношею, дѣлали много затрудненій въ пути ея: не давали ей лошадей часовъ по шести, въ тѣхъ видахъ, чтобы она потребовала обѣдъ, чай или кофе. Тогда являлись и лошади. Счетъ подавался, сопровождаемый словами: «Съ прогонами вотъ столько-то слѣдуетъ получить съ вашего благородія!» Обыкновенно это бывала сумма довольно значительная, которую неопытная дѣвушка въ гусарскомъ доломанѣ и платила, не говоря ни слова. Иногда не давали и вовсе ей лошадей для того, чтобъ заставить нанять вольныхъ за двойные прогоны.

Дурова пріѣхала домой въ ту пору ночи, въ которую за три съ половиною года предъ симъ она оставила кровъ отеческій—въ часъ пополуночи. Ворота были заперты. Она взяла изъ саней саблю и маленькій чемоданъ, и отпустила своего ямщика въ обратный путь. Оставшись одна передъ запертыми воротами дома, въ которомъ

прошло ея младенчество, угнетенное, безрадостное; она не испытывала тѣхъ ощущеній которыя обыкновенно испытываютъ люди, возвращающіеся въ отцовскій домъ послѣ долгой разлуки. Напротивъ, съ чувствомъ печали пошла она вдоль садоваго палисада къ тому мѣсту, гдѣ знала, что выпимались четыре тычины. Этимъ отверствіемъ она часто уходила ночью, бывши ребенкомъ, чтобъ побѣгать на площадкѣ передъ церковью. Теперь она вошла въ домъ черезъ то же отверствіе, которое нѣкогда выпускало ее изъ дому. Думала ли она, когда за нѣсколько лѣтъ предъ симъ вылѣзала изъ этой лазейки, въ бѣленькомъ канифасномъ платьицѣ, робко оглядываясь и прислушиваясь, дрожа отъ страха и холодной ночи, что войдетъ нѣкогда въ то же отверстіе и тоже ночью, но *гусаромъ!!!*

Окна цѣлаго дома были заперты; она подошла къ тѣмъ изъ нихъ, которыя были въ дѣтской комнатѣ, взялась-было за ставень, чтобы отворить, но онъ какъ-то былъ прикрѣпленъ изнутри, а ей не хотѣлось стучать, чтобъ не испугать братишку и сестренку. Она пошла къ строенію, въ которомъ жили служанки ея покойной матери. Проходя дворомъ, она была услышана двумя огромными дворняшками: *Марсомъ* и *Мустафой*. Онѣ кинулись къ ней съ громкимъ лаемъ, въ туже минуту превратившимся въ радостный визгъ. Вѣрныя, добрыя животныя то вились вокругъ ея ногъ, то прыгали на грудь, то отъ восхищенія бѣгали во весь духъ по двору и опять прибѣгали къ ней. Погладивъ и поласкавъ ихъ, она взошла на лѣстницу и пошла ходить отъ двери къ двери, стучать у каждой потихоньку. Съ четверть часа это было безуспѣшно; обѣ собаки ходили за нею, и общарапали ту дверь, въ которую она стучалась. Наконецъ она услышала, что отворяется дверь въ сѣни, и вскорѣ женскій голосъ спросилъ: «кто тамъ?» Дурова тотчасъ узнала, что это спрашивала Наталья, старшая горничная ея матери.

— Это я!—Отопри, Наталья!

— Ахъ, Боже мой, барышня! вскрикнула радостно Наталья, спѣша

отворить двери. Съ минуту гремѣла она засовами и запорами, пока, наконецъ, дверь отворилась и Дурова вошла, держа подъ рукою свою саблю (чемоданъ она оставила въ сѣняхъ) и сопровождаемая Марсомъ и Мустафою. Наталья отступила въ изумленіи.

— Ахъ, Господь съ нами! Да вы ли это? Не оборотень ли?

Она стала передъ дверью и не давала войти Надеждѣ.

— Да пусти, Наталья, что съ тобою? Ужели ты не узнала меня?

— Ахъ! матушка барышня! Да какъ васъ и узнать? Кабы не по голосу, и въ жизнь бы не узнала.

Наталья отворила ей дверь въ горницу, сняла съ нее шинель, надѣтую въ рукава, и опять ахнула отъ удивленія, увидя золотые шнуры ея долмана.

— Какое на васъ богатое платье, матушка барышня. Вы генералъ, что ли?

Наталья еще съ четверть часа молола вздоръ и притрогивалась руками къ золотымъ шнурамъ и къ бобровой опушкѣ мундирнаго воротника. Въ дорогѣ, казалось бы, можно было обойтись и безъ параднаго мундира, да Дурова поребячилась: она съ Волыни ѣхала все въ форменномъ темнозеленомъ сюртукѣ подъ мѣховою шинелью, а на послѣдней станціи передъ Ирбитомъ вздумала, потѣхи ради, и чтобъ удивить всѣхъ своихъ, отъ роду не видавшихъ гусаръ, да порадовать отца, стараго залихватскаго гусара,—нарядиться во всю парадную форму, произведшую такое впечатлѣніе прежде всего на Наталью, старинную горничную покойной ея матери, а за тѣмъ на всѣхъ тѣхъ, кто отъ рода-родясь не видалъ гусарскаго мундира.

Налюбовавшись на свою *барышню-гусара*, какъ выражалась Наталья, эта добрая женщина, наконецъ, предложила Надеждѣ чай и постель въ одной изъ свободныхъ комнатъ дѣтей, которыхъ Надежда не велѣла будить.

— И чай, и постель, Натальюшка, мнѣ какъ нельзя больше

кстати, сказала Надежда,—потому что я продрогла тутъ въ сѣняхъ родительскаго дома, да и устала съ дороги. Охотно выпью стаканъ, другой чаю и завалюсь хорошенько всхрапнуть по военному.

Отправляясь готовить чай и постель, Наталья хотѣла взять съ собою собакъ, говоря, что ихъ обязанность сторожить дворъ, а не въ комнатѣ валяться у ногъ барышни-офицера съ царскимъ крестомъ. Но Надежда велѣла ей не трогать собакъ, а только скорѣе напоить ее чаемъ. Наталья подняла своихъ помощницъ, а Надежда принялась разсуждать о томъ, что подобныя сцены повторятся не только со всею дворнею, но и со всѣми знакомыми отца ея, а между тѣмъ она ни за что не надѣнетъ ненавистнаго ей женскаго платья. Воображая все это, она уже начинала почти сожалѣть о томъ, что пріѣхала изъ своего гусарскаго притона въ эту сибирскую глушь. Но, къ счастью, ея думы разсѣяла Наталья, явившаяся съ двумя младшими горничными, несшими подносъ съ чаемъ настоящимъ *хозяйскимъ* со всякими печеньями и съ легкимъ ужиномъ, а сверхъ того тюфякъ, подушки, одѣяла, простыни и проч.

— Въ которомъ часу встаетъ батюшка? спросила Наталью Надежда.

— Какъ и прежде, матушка барышня, въ девятомъ-съ часу... отвѣчала Наталья и пустилась въ свое тараторство, а Надежда, принявшись за чай съ превосходными сливками и съ отличными домашними печеньями, дала по булочкѣ «Марсу» и «Мустафѣ», и велѣла имъ идти на дворъ, что понятливыя, чуткія животныя тотчасъ исполнили безпрекословно, повидимому, лучше Натальи, узнавъ хозяйскую дочь, хотя и въ гусарской формѣ.

По утру въ семь часовъ, послѣ отлично проведенной ночи, Надежда снова нарядилась въ свои бѣлые долманъ и ментикъ.

Сестренка едва узнала Надежду; но, узнавъ, радостно цѣловала и плакала слезами восхищенія. Узнавъ о пріѣздѣ своей *бѣглянки-*

амазонки, какъ называлъ Надежду отецъ,— Андрей Васильевичъ прибѣжалъ въ дѣтскую, гдѣ Надежда, въ видѣ юнаго гусарика съ георгіевскимъ крестомъ, обняла колѣна его, цѣловала руки, заливалась слезами и не имѣя силъ выговорить ни одного слова. Отецъ плакалъ, прижималъ дочь къ груди, цѣловалъ и крестилъ ея и орденъ, полученный ею изъ рукъ Царя. Онъ говорилъ, улыбаясь сквозь слезы, что у нея не осталось ни одной черты прежней, потому что теперь эта прежняя дѣвчонка, которую онъ училъ ѣздить на Алкидѣ, стала смахивать на темножелтую румяную калмычку, что, впрочемъ было довольно справедливо.

Наконецъ пришелъ и братишка Вася, тогда, въ 1808 году, еще ребенокъ, записанный въ петербургскій Горный Корпусъ. Мальчикъ долго совѣщался съ нянькою, какъ ему обойтиться съ старшею сестрицей, въ офицерскомъ мундирѣ при орденѣ: поклониться только, шаркнувъ ножкой, или поцѣловать у ней руку? И когда находчивая и умная нянька сказала, чтобъ онъ сдѣлалъ такъ, какъ ему на мысль придетъ, то онъ тотчасъ побѣжалъ и бросился въ объятія своей старшей *сестры-офицера*.

Цѣлуя красиваго Васю, вылитый портретъ отца, Надежда говорила отцу, что жаль было бы оставить такого прекраснаго мальчика въ горной службѣ, и что года черезъ три отецъ позволитъ ей взять Васю съ собою въ гусарскій полкъ, чтобъ записать его въ юнкера.

Но на это отецъ возразилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани! Сама, Надя, будь чѣмъ хочешь, когда уже вышла на эту дорогу, но утѣха старости моей, *мой Васенька*, останется со мной.

Надежда замолчала и душевно сожалѣла, что имѣла неосторожность огорчить отца этимъ сколько неумѣстнымъ, столько несвоевременнымъ предложеніемъ. Между тѣмъ маленькій горный кадетикъ кандидатъ, ласкаясь къ сестрѣ, шепталъ ей на ухо:

— Я все-таки поѣду съ вами и къ вашимъ гусарчикамъ, сестрица.

Хотя Надежда сердечно любила своего отца, однако жъ бездѣятельная жизнь, недостатокъ общества, холодный климатъ и безпрерывные разспросы мѣстныхъ провинціаловъ и провинціалокъ, составлявшихъ общество ея отца, продолжавшаго служить городничимъ въ Ирбитѣ, навели на Надежду такую хандру, что она почти съ радостью увидѣла разсвѣтъ того дня, въ который, по истеченіи мѣсяца жизни въ Ирбитѣ, она должна была ѣхать обратно въ полкъ къ своей *гусарской семьѣ.* Теперешній путь ея былъ гораздо затруднительнѣе перваго, но только не по недостатку въ лошадяхъ. Теперь на каждую фразу смотрителя, что «лошадей нѣтъ», она стращала его, что запишетъ въ жалобную книгу, и лошади являлись. И такъ, лошадей вездѣ давали ей очень скоро; но зимняя дорога начинала сильно портиться, а между тѣмъ ея перекладная повозка теперь была несравненно полнѣе, нежели прежде, потому что изъ родительскаго дома *дѣвку-гусара*, какъ звали ее въ Ирбитѣ, само собою разумѣется, съ пустыми руками не отпустили. Ее снабдили всякою всячиною, по части съѣдобной провизіею жареною, печеною и вареною, которой могло хватить до самаго мѣста расположенія Маріупольскаго полка на Волыни. Отецъ, передъ ея отъѣздомъ, усердно предлагалъ ей одного молодаго ирбитскаго мѣщанина въ качествѣ деньщика; но Надежда наотрѣзъ отказалась и сказала отцу, что она обходится безъ всякой прислуги мужской постоянной, а довольствуется перемѣннымъ ежедневно ординарцемъ, предпочитая услуги женщинъ, какія всегда имѣются на квартирахъ продолжительной или короткой стоянки.

Когда при въѣздѣ въ мѣстечко, гдѣ стояли Маріупольцы, Надежда увидѣла сѣрыя шинели и алыя фуражки длинною вереницею, слѣдовавшіе съ какимъ-то полковымъ обозомъ, сердце у нея ёкнуло и она невольно вспомнила французскую поговорку, которая однимъ изъ русскихъ стихотворцевъ вѣрно передана такимъ двустишіемъ:

Гони природу въ дверь, —
Она влетитъ въ окно.

ГЛАВА XI.

Опять въ полку.—Полкъ въ Галиціи.—Новая командировка Дуровой.—Болтливый коммиссіонеръ.—Рубка чучелъ.

Возвратясь къ своимъ товарищамъ и къ своимъ любимымъ занятіямъ, Дурова чувствовала себя счастливѣйшимъ существомъ изъ смертныхъ. Дни ея стали проходить весело и безмятежно. Вставала она всегда съ разсвѣтомъ, а не въ девять часовъ, какъ въ Ирбитѣ, гдѣ ей нечего было больше дѣлать, какъ спать, ѣсть, пить и опять спать. Вставши съ жесткаго своего солдатскаго ложа, а не съ пуховиковъ, она шла гулять въ поле, откуда возвращалась передъ окончаніемъ уборки лошадей. Часовъ въ восемь утра готова была уже ея лошадь, Сѣвъ на коня, Дурова ѣхала снова въ поле, гдѣ часа съ полтора учила свой взводъ. Затѣмъ отправлялась въ штабъ или къ эскадронному командиру, гдѣ обыкновенно и оставалась до вечера, иногда очень поздняго. Такъ полны были всѣ дни ея.

За уроки верховой ѣзды она подарила Вихману, по пословицѣ: «На тебѣ, о, Боже! что намъ самимъ не гоже!» свою негодную вислоухую лошадь. Вихманъ велѣлъ заложить ее въ дрожки и, къ общему удивленію, лошадь сдѣлалась прекраснымъ упряжнымъ конемъ. И такъ, оглобли были та среда, которую назначила ей природа и которую продавецъ ея, Мальченко, хотѣлъ исказить и насиловать, заставляя быть верховымъ конемъ, да еще и офицерскимъ парадёромъ. Еще отдала Дурова Вихману, въ знакъ памяти, прехорошенькій охотничій рогъ изъ слоновой кости, данный ей въ Ирбитѣ отцемъ съ цѣлью преподнести свѣтлѣйшему князю Суво-

рову. Но Дуровой показалось какъ-то страннымъ соваться съ подарками своими къ такому вельможѣ, какъ князь Суворовъ, и она предпочла подарить эту вещицу прирожденному охотнику Вихману, которому она будетъ служить при его удалыхъ охотахъ по горамъ, полямъ и лѣсамъ.

Дивизіонъ Маріупольцевъ ушелъ въ Галицію съ барономъ Миллеромъ-Закомельскимъ. Эскадронъ ротмистра Станковича со всѣми его офицерами остался на Волыни, подъ названіемъ резервнаго, и вмѣстѣ съ запаснымъ составлялъ дивизіонъ, подъ начальствомъ подполковника Павлищева. Дурова, будучи офицеромъ эскадрона Станковича, оставалась тутъ. Хотя ей и очень хотѣлось быть опять за границею и въ дѣйствіи, но Станковичъ наставительно говорилъ: «Куда не посылаютъ, не напрашивайся; куда посылаютъ, не отказывайся! Этимъ правиломъ руководствуются люди испытанной храбрости». Совѣтъ этого стараго и умнаго служаки и отличное общество офицеровъ его эскадрона, оставшихся въ Россіи, помогли Дуровой видѣть съ меньшимъ сожалѣніемъ отъѣздъ нашихъ храбрыхъ гусаръ за границу. Случай сдѣлалъ, что и любезнѣйшая изъ полковыхъ дамъ, Ольга Ѳедоровна, оставалась здѣсь. Это была жена молодаго штабсъ-ротмистра Донаурова, урожденная княжна Хилкова, получившая блестящее и чрезвычайно разумное практическое домашнее воспитаніе. Хотя Дурова и убѣгала, какъ мы знаемъ, женщинъ, но только не женъ, сестеръ и дочерей ея однополчанъ. Она ихъ, напротивъ, сердечно любила, находя, что это все прекраснѣйшія существа въ мірѣ! Онѣ всегда добры, всегда обязательны, живы, смѣлы, веселы, практичны во всѣхъ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Онѣ любятъ ѣздить верхомъ цѣлыми кавалькадами, гулять, смѣяться, шутить, танцовать и юнаго корнета охотно принялись учить вальсу и мазуркѣ. У полковыхъ женщинъ, по мнѣнію Дуровой, нѣтъ причудъ, нѣтъ капризовъ. О! женщины полковыя, какъ она говаривала, совсѣмъ не то, что женщины всѣхъ другихъ

состояній! Съ тѣми добровольно и четверти часа она не могла бы пробыть вмѣстѣ. Правда, что и ея однополчанки не пропускаютъ случая приводить ее въ багровую краску, называя въ шутку: *гусаръ-дѣвка*. Но, будучи всегда съ ними, она привыкла къ этому названію, и иногда на столько осмѣливалась, что спрашивала у нихъ:

— Чтò, милыя дамочки, вы находите во мнѣ сходнаго съ дѣвкою?

— Тонкій станъ, отвѣчаютъ онѣ,—маленькія ноги и румянецъ, какой каждая изъ насъ охотно желала бы имѣть; поэтому мы и называемъ васъ *гусаромъ-дѣвицею*, и—съ позволенія вашего—нѣсколько и подозрѣваемъ, не по справедливости ли даемъ вамъ это названіе?

Слыша почти ежедневно эти шутки, Надежда такъ привыкла къ нимъ, что никогда уже почти не приходила въ замѣшательство.

Близь границъ нашихъ, гдѣ Маріупольцы тогда стояли, завелась проклятая *рухавка*. Такъ называютъ галиційскіе поляки свое ополченіе, то есть толпу всякаго сброда: все это оборванное, полубосое, голодное скопище вздумало бунтовать. Къ стыду бравыхъ Маріупольцевъ, въ рядахъ которыхъ было не мало поляковъ изъ присоединенныхъ Виленской, Гродненской, Минской губерній, нѣкоторые изъ нихъ убѣгали изъ рядовъ, чтобы вступить въ эту *рухавку*. Станковичъ очень оскорбился такимъ неслыханнымъ поступкомъ своихъ гусаръ, и послалъ поручика Вантробку (родомъ литвина, то есть ненавистника поляковъ) и корнета Александрова со взводомъ отыскать, если можно, гусарскихъ бѣглецовъ, взять ихъ силою и привести обратно въ эскадронъ. Вантробко, любившій во всемъ нѣкоторую торжественность, принялся за выполненіе этого порученія до того усердно, что выѣздъ этого взвода для поисковъ походилъ болѣе на вылазку противъ непріятели, нежели на простой розыскъ. Гусары перешли границу, и въ полуверстѣ отъ мѣстечка Живопицы

остановились, сошли съ коней и чего-то дожидались. Они стояли безмолвно. Дурова легла на траву и смотрѣла на блестящее созвѣздіе *Большой Медвѣдицы*, какое зрѣлище напоминало ей рядъ случаевъ изъ ея дѣтства и юношества, что грустно подѣйствовало на ея воображеніе. Ей нужно было чѣмъ нибудь разсѣять набѣжавшія нравственныя тучи на ея сердце и воображеніе. Она соскучилась лежать на травѣ, вскочила на своего коня, который былъ полнѣйшею противуположностью прежняго ея вислоухаго осла, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не былъ такой капризный, какъ вороной «Вельзевулъ», нѣкогда сбившій ее. Нынѣшній конь ея отличался необыкновеннымъ послушаніемъ и напоминалъ ей безцѣннаго и незабвеннаго ея Алкида.

— Аргентій! Что-жъ это, мы вѣкъ будемъ тутъ чего-то ждать? Ѣдемъ, ради Бога ѣдемъ, чего мы тутъ стоимъ?.. вдругъ сказала Дурова, обращаясь къ Вантробкѣ.

Вантробко молча курилъ свою трубку и не отвѣчалъ ничего на этотъ возгласъ; Дурова же дала шпоры коню и заставила его, по всѣмъ правиламъ манежной ѣзды, дѣлать вольты и лансады. Наконецъ, маневръ этотъ вывелъ изъ терпѣнія Вантробку.

— Что тебѣ за охота, какъ сумасшедшему, мучить твоего добраго рыжаго? спросилъ Вантробко съ ноткой досады въ голосѣ.

— Да чего-жъ мы тутъ стоимъ по пустому? сказала она, подскакивая къ лежавшему на коврѣ Вантробкѣ.

— Какъ по пустому? Я знаю время, когда надо идти къ мѣстечку, и при этомъ онъ взглянулъ на вынутые часы изъ-за борта долмана.—Ну вотъ, теперь пора.

И при этомъ словѣ онъ всталъ и, выпустивъ послѣдній дымъ изъ трубки, громко скомандовалъ:

— Садись... Съ права по три! Маршъ!..

Всѣ двинулись къ мѣстечку; въѣхали таинственно, безъ малѣйшаго шума; съ предосторожностями выдвинули фронтъ противъ стѣнъ какого-то кляштора, то есть монастыря, и Вантробко по-

слалъ унтеръ-офицера съ четырьмя гусарами въ этотъ кляшторъ искать полковыхъ бѣглецовъ. Разумѣется, посланные возвратились ни съ чѣмъ, потому что кляшторъ былъ кругомъ запертъ. На разсвѣтѣ, Вантробко, оставивъ людей, поѣхалъ вмѣстѣ съ Александровымъ къ коменданту этого мѣстечка, полковнику польской службы Гремчинскому, который совмѣстно былъ и командиръ *рухавки*, усердно вербовавшей всякаго, кого только можно было завлечь къ себѣ. Этотъ полковникъ, краснолицый, сѣдоватый, подъ гребенку выстриженный, украшенный полуаршинными закрученными усами и снабженный парою ехидныхъ глазъ, былъ въ какомъ-то синемъ мундирѣ съ желтыми отворотами и лампасами, а на головѣ его торчала залихватски какая-то темно-розовая конфедератка въ формѣ низкаго и широкаго уланскаго кивера. Онъ принялъ маріупольскихъ офицеровъ крайне-смущенно и съ какою-то странною торопливостью, просилъ садиться, извинялся множествомъ дѣлъ, почему просилъ дозволенія на минуту оставить дорогихъ гостей однихъ, при чемъ самъ юркнулъ быстро въ смежную комнату. Вантробкѣ показался такой пріемъ подозрительнымъ, и онъ сказалъ Александрову, что, во избѣжаніе какой-нибудь гадости, на какія господа паны-поляки, особенно командиры *рухавки*, всегда способны, необходимо сейчасъ же изъ кляштора уѣхать. И такъ, не дождавшись возвращенія коменданта, они вышли изъ комнаты, присоединившись къ людямъ, бывшимъ при ихъ лошадяхъ, и уѣхали.

Дурова находила поступокъ Вантробки, по меньшей мѣрѣ, страннымъ, и спрашивала его: для чего онъ такъ поступилъ?

Онъ сказалъ, что замѣтилъ въ комендантѣ враждебныя намѣренія.

— Да что-жъ онъ могъ намъ сдѣлать со своею дюжиною инвалидовъ и съ сбродомъ почти безоружныхъ *рухавцевъ*?» У насъ цѣлый взводъ гусаръ!

— Вотъ прекрасно! воскликнулъ Вантробко, — цѣлый взводъ!

А зачѣмъ мы здѣсь? Мы не могли бы сказать въ оправданіе, что ѣздили отыскивать бѣглыхъ солдатъ, и хотѣли взять ихъ, если найдемъ, вооруженною рукою. Это дѣлается секретно, это хозяйственное распоряженіе эскадроннаго командира; въ такихъ случаяхъ крайне непріятно прописывать въ рапортахъ, что столько-то гусаръ бѣжало за границу.

Неудача первыхъ покушеній не остановила Станковича. Онъ вернулся съ гусарами обратно, но послалъ корнета Александрова въ Тарнополь къ князю Вадбольскому съ письмомъ и съ порученіемъ привести бѣглыхъ гусаръ, если ему ихъ отдадутъ. Дуровой надобно было проѣзжать черезъ то самое мѣстечко Живоницы, гдѣ они съ Вантробкой дѣлали ночной обыскъ. У заставы спросили Дурову: есть ли у пана корнета пропускной билетъ отъ ихъ полковника?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Александровъ.

— Васъ нельзя пропустить; добудьте билетъ...

Дурова послала гусара къ полковнику просить пропускнаго билета. Полковникъ велѣлъ просить къ себѣ пана-корнета самого, что̀, впрочемъ, въ смыслѣ чинопочитанія, было справедливо.

— Вы должны бы были лучше знать свою обязанность, сказалъ полякъ, нахмурясь. — Къ начальствующему высшаго насъ чина надобно являться самому, а не посылать рядоваго.

Говоря это, онъ наскоро подписывалъ билетъ, приговаривая:

— Пріѣхали съ вооруженными, обыскивали кляшторъ, пришли ко мнѣ, и когда я вышелъ на одну минуту только приказать подать кофе, вы, господа, уѣхали какъ будто изъ разбойничьяго вертепа! Какъ странно такъ поступать русскому офицеру.

И все это Дурова должна была выслушивать. Минуты съ двѣ она думала предложить ему стрѣляться съ русскимъ гусарскимъ корнетомъ; но опасеніе подвергнуть Станковича жестокой отвѣтственности удержало ее. Она отложила сдѣлать этотъ вызовъ до возвращенія своего изъ Тарнополя: тогда, ежели полякъ не стру-

ситъ, могли бы съѣхаться на границѣ. Однако, она все-таки сказала:

— Теперь, полковникъ, вы вольны говорить все, что вамъ въ голову войдетъ, потому что я, корнетъ Александровъ, здѣсь одинъ, окруженъ поляками и за границею своего государства.

Когда она кончила говорить, онъ подалъ ей пропускной билетъ съ вѣжливою улыбкою и, протянувъ къ ней руку, сказалъ, что проситъ дружбы господина русскаго офицера. Но она отвела его руку своею, отвѣчая, что послѣ всего отъ него услышаннаго, корнетъ Маріупольскаго уланскаго полка Александровъ не желаетъ быть его другомъ.. Онъ поклонился, проводилъ Дурову до дверей, и они разстались.

Дурова отправилась далѣе. Станковичъ приказалъ ей, что если не отыщетъ бѣжавшихъ гусаръ въ Тарнополѣ, то проѣхать въ Броды

Въ Тарнополѣ стоялъ тогда Литовскій уланскій полкъ. Командиръ его, князь Вадбольскій, послалъ вмѣстѣ съ Дуровой въ Броды одного изъ своихъ офицеровъ. Пріѣхавъ въ это мѣстечко, Дурова тотчасъ, съ бывшимъ съ нею уланскимъ офицеромъ, пошла къ польскому полковнику, гдѣ нашли многочисленное общество и гремящую музыку. Полковникъ, полякъ стараго закала, принялъ русскихъ офицеровъ очень вѣжливо, просилъ остаться у него обѣдать и принять участіе въ ихъ удовольствіяхъ. Уланскій поручикъ Страховъ согласился на это предложеніе, а Дурова, порядочно за это время выучившаяся говорить по-польски, рада была слушать прекрасную музыку и веселые разговоры польской, довольно образованной молодежи. Депутаты эти, присланные княземъ Вадбольскимъ, сказали, однако, полковнику, зачѣмъ они пріѣхали и просили, чтобъ онъ приказалъ выдать имъ ихъ бѣглецовъ.

— Со всею готовностью, отвѣчалъ вѣжливый хозяинъ ихъ, и въ ту же минуту послалъ пана подхорунжаго привести русскихъ гусаръ, а офицеровъ просилъ, въ ожиданіи исполненія такого его при-

казанія, послушать его музыки и выпить по бакалу, другому шампанскаго. Черезъ полчаса возвратился панъ подхорунжій и, прикладывая руку къ своему мѣховому киверу, началъ говорить почтительно ясновельможному пану-полковнику, что гусаръ, за которыми онъ послалъ его, нѣтъ на гауптвахтѣ.

— Гдѣ-жъ они? спросилъ полковникъ съ явно напускнымъ видомъ неудовольствія.

— Убѣжали! отвѣчалъ подхорунжій все тѣмъ же почтительнымъ тономъ.

Полковникъ обратился къ Дуровой.

— Я крайне жалѣю, что не могу въ этомъ случаѣ оказать вамъ моихъ услугъ: гусары ваши ушли изъ-подъ нашей стражи?

Дурова на это хотѣла-было сказать, что это не дѣлаетъ чести ихъ караулу, и не сказала, однако. Да и къ чему бы это было? Не было никакого сомнѣнія, что бѣглые Маріупольцы находились у нихъ, и что полковникъ не имѣлъ и въ помышленіи отдать ихъ.

Польскіе офицеры не могли довольно налюбоваться мастерски сшитымъ мундиромъ Дуровой. Они говорили, что ихъ портные не въ состояніи придать такую изящную форму военному платью. За столомъ ей привелось сидѣть подлѣ какого-то усача, стариннаго наѣздника, служившаго еще въ народовой кавалеріи. Усачъ этотъ, выпивъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, привязался къ Дуровой съ непонятнымъ для нея вопросомъ: зачѣмъ панъ-корнетъ снялъ съ воротъ города Лемберга французскаго одноглаваго орла и замѣнилъ его двуглавымъ австрійскимъ? Она не могла уразумѣть, что̀ онъ хочетъ сказать. Страховъ, литовскій уланъ, видя ея недоумѣніе, сказалъ запальчивому народовцу, что ея не было въ Львовѣ (Лембергъ) во время этого.

— Какъ не было? воскликцалъ уланъ; — я хорошо помню этотъ бѣлый мундиръ!

И чудакъ продолжалъ укорять юнаго корнета, приговаривая:

— На судъ всѣхъ честныхъ пановъ отдаю: хорошо ли было такъ поступать?

Хозяинъ дома, полковникъ, просилъ расходившагося усача перестать, но просилъ тѣмъ начальническимъ тономъ, которому даже и пьяные народовцы повинуются, почему усачъ прикусилъ свой глупый языкъ. Тогда Страховъ объяснилъ Дуровой вполголоса, что Маріупольскій полкъ, находясь съ Меллеромъ Закомельскимъ въ Лембергѣ или Львовѣ, снялъ откуда-то французскаго орла и замѣстилъ его гербомъ австрійскимъ. Ротмистръ народовецъ, бывшій свидѣтелемъ этого происшествія, увидавъ Дурову въ такомъ же точно мундирѣ, счелъ, что и она изъ тѣхъ, какъ онъ выражался, буйныхъ головорѣзовъ. Послѣ обѣда Дурова простилась съ польскимъ полковникомъ, оставивъ ему въ добычу бѣглыхъ гусаръ русскихъ, и возвратилась въ Колодно.

Военная жизнь шла своимъ чередомъ. Служака Станковичъ, произведенный недавно въ маіоры, дѣлалъ чуть не два раза въ недѣлю своимъ подчиненнымъ пренезабавные сюрпризы. Такъ, въ самое то время, когда они, какъ небо отъ земли, далеки отъ всякаго помысла о какомъ бы то ни было безпокойствѣ, онъ велитъ трубить тревогу, и вмигъ все взволнуется: гусары бѣгутъ опрометью, выводятъ бѣгомъ лошадей, сѣдлаютъ ихъ какъ попало, садятся, скачутъ во весь духъ, и на всемъ скаку поправляютъ на себѣ то, чего нельзя было поправить на мѣстѣ. Поспѣвшему въ двѣ минуты дается отъ ротмистра награжденіе, а пріѣхавшему послѣ всѣхъ бывало также награжденіе, но фухтельное. Одна изъ этихъ тревогъ пришлась Дуровой дорого. У нея болѣло колѣно, и именно въ томъ мѣстѣ, которымъ надобно плотно прижаться къ сѣдлу. Она не могла сидѣть на лошади, и даже не на шутку испугалась, когда услышала эту ужасную тревогу. Однако, нечего было дѣлать: выправя поспѣшно взводъ свой, она сѣла и сама на лошадь съ благоразумною осторожностью, чтобы не придавить больнаго колѣна. Но вѣдь надобно было ска-

кать: лошадь же задрала вверхъ голову и полетѣла. Все, однакоже, Дурова сохранила надлежащее положеніе на сѣдлѣ. На бѣду, на пути ея была яма, въ которую лошадь со всего размаха прыгнула, и тутъ все пропало: колѣно ея облилось кровью, а она затрепетала отъ боли, заставившей ее чуть не заплакать.

Новый маіоръ Ставковичъ, когда Дурова совсѣмъ выздоровѣла отъ своей раны, пригласилъ ее ѣхать съ нимъ въ *Кременецъ*, къ подполковнику Павлищеву. Она всегда съ особеннымъ удовольствіемъ бывала въ этомъ городкѣ, видъ котораго необыкновенно живописенъ. Да и къ тому же она очень пріятно проводила время въ домѣ Павлищева съ его милою дочерью и юнкеромъ Древичемъ, отлично воспитаннымъ молодымъ человѣкомъ, жившемъ у Павлищева какъ бы на хлѣбахъ и на попеченіи. Необыкновенно странна судьба этого несчастнаго юнкера. При всѣхъ его блестящихъ дарованіяхъ, благородныхъ поступкахъ, недурной наружности и знатномъ происхожденіи, онъ былъ необыкновенно несчастливъ по службѣ, состоя уже девять лѣтъ все портупей-юнкеромъ. За годъ до знакомства Дуровой, съ нимъ случилось ужасное происшествіе, въ которомъ Древичъ игралъ главную роль, и которое отняло у него свободу, движеніе по службѣ и спокойствіе совѣсти, а съ тѣмъ вмѣстѣ и желаніе жить. Онъ, по неосторожности, застрѣлилъ гусара. За смерть его онъ былъ судимъ, содержанъ цѣлый годъ на гауптвахтѣ, и послѣ разжалованъ до выслуги въ солдаты. Еще Меллеръ-Закомельскій не выходилъ съ Дымчевичевымъ дивизіономъ въ Галицію, и полкъ стоялъ въ Кременцѣ. По обязанности дежурнаго по полку, однажды Дурова должна была рапортовать о полковыхъ арестантахъ. Вошедши въ маленькую каморку, гдѣ сидѣлъ бѣдный Древичъ, Дурова спросила его: не имѣетъ ли онъ въ чемъ надобности, потому что теперешняя ея должность даетъ ей счастливую возможность облегчить нѣсколько суровость его положенія.

— Ахъ, если вы не гнушаетесь просьбою убійцы, то я просилъ-бы

васъ позволить мнѣ подышать воздухомъ на этихъ горахъ, на которыхъ я до моей горестной катастрофы проводилъ столько счастливыхъ часовъ!

Дурова сказала, что сама собою не можетъ этого сдѣлать, но попроситъ ротмистра Горича, шефскаго адъютанта, и думаетъ, что черезъ него успѣетъ получить отъ шефа дозволеніе на эту невинную прогулку.

Ротмистръ Горичъ, очень добрый и любезный человѣкъ, любезно выслушавъ просьбу корнета Александрова, который считался баловнемъ и любимцемъ своего полка, тотчасъ пошелъ къ барону. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ отвѣтомъ, что шефъ даетъ корнету Александрову волю поступать какъ заблагоразсудитъ относительно облегченія участи арестанта, но проситъ соблюсти должный порядокъ, т. е. не отпускать арестанта безъ провожатаго.— Дурова пошла къ Древичу, и была свидѣтельницей радостныхъ и вмѣстѣ горестныхъ ощущеній его при видѣ красотъ природы, которыхъ въ полутемной своей каморкѣ онъ давно не видѣлъ. За нимъ пошли-было два гусара съ обнаженными саблями, но Дурова сказала имъ, что будетъ сама стражемъ этого арестанта и чтобы они слѣдовали издалека. Древичъ нѣсколько разъ едва не упалъ въ обморокъ— столько сидячая въ заперти жизнь подточила его силы.

Немного времени прошло, какъ обоимъ эскадронамъ велѣно было идти въ походъ. Тогда подсудимый юнкеръ Древичъ отданъ былъ подъ надзоръ полковнику Павлищеву.

— Вы отданы, сказалъ Павлищевъ Древичу,—въ мой запасный эскадронъ подъ мой присмотръ до рѣшенія вашего дѣла; но я не могу, я не имѣю духа видѣть васъ арестантомъ на гауптвахтѣ; взамѣнъ ея, предлагаю вамъ мою дружбу и мой домъ съ житьемъ въ немъ. Еслибъ вы рѣшились уйти отъ меня, разумѣется тогда я заступлю ваше мѣсто, то есть буду солдатъ!

Языкъ человѣческій не въ силахъ выразить то, что чувствовалъ

Древичъ. Но вотъ послѣдствія: Древичъ жилъ въ домѣ благодѣтеля своего, любилъ его какъ отца и помирился-было съ своею участью; но пришло рѣшеніе: Древичъ—солдатъ до выслуги. Недѣли двѣ послѣ сентенціи Древичъ застрѣлился: тѣло его нашли въ темномъ углу сада съ прострѣленною головою; близь него лежалъ карабинъ.

Недалеко отъ стоянки Станковича съ его эскадрономъ у одного сосѣдняго помѣщика была свадьба, на балъ которой приглашены были всѣ офицеры резервнаго эскадрона, и въ томъ числѣ Дурова. Наканунѣ свадьбы въ домѣ этого богатаго помѣщика Мурзиновскаго всѣмъ мужчинамъ для ночлега отвели одну, огромную, чуть ли не въ шесть оконъ комнату. Въ числѣ ночлежныхъ гостей былъ какой-то проѣзжій комиссаріатскій комиссіонеръ по фамиліи *Плахута*, большой руки весельчакъ и большой анекдотистъ. Изъ множества разсказываемыхъ имъ любопытныхъ происшествій, Дурова имѣла удовольствіе слышать и собственную исторію жизни, разумѣется, въ сильно искаженномъ видѣ.

— Вообразите, воскликнулъ Плахута, — вообразите, господа, мое удивленіе, когда, годъ тому назадъ, я, обѣдая въ Витебскѣ за табль-д'отомъ вмѣстѣ съ однимъ молодымъ уланомъ, слышу, когда этотъ уланъ, кончивъ обѣдъ, ушелъ изъ трактира, что этотъ уланъ-то-съ, чтобы вы думали?—*амазонка*, которая была во всѣхъ сраженіяхъ въ Прусскую кампанію, и что теперь ѣдетъ въ Петербургъ съ флигель-адъютантомъ, котораго Царь нашъ нарочно послалъ за нею. Вотъ штука-то, такъ штука! Я во весь обѣдъ и не догадывался, что сижу за столомъ съ *русской амазонкой*, напоминающей собою Іоанну д'Аркъ, которую я видѣлъ въ оперѣ въ Петербургѣ, какъ ее, бѣдную, жгли на кострѣ за ея амазонство. Слышу, амазоночка-то на жительствѣ у флигель-адъютанта, и вотъ я давай искать встрѣчи съ нею, и наконецъ выслѣдилъ и вполнѣ высмотрѣлъ сію *Уланъ-дѣвицу*.

— Какова она собою? закричали со всѣхъ сторонъ молодые люди.

— Очень смугла, отвѣчалъ Плахута,—но имѣетъ свѣжій цвѣтъ лица и кроткій взглядъ. Впрочемъ, на глазъ человѣка непредупрежденнаго въ ней нѣтъ ничего такого, чтобы обличало полъ ея; она смахиваетъ на двѣнадцатилѣтняго мальчишку.

При этомъ разсказѣ комиссіонера, въ комнатѣ было уже темно, но Дурова вздумала пошалить и спросила Плахуту: узналъ ли бы онъ эту амазонку, если бы увидѣлъ ее?

— О! непремѣнно, отвѣчалъ самонадѣянный комиссіонеръ,— мнѣ сильно въ памяти врѣзалось лицо ея; какъ теперь гляжу на нее, и гдѣ-бъ ни встрѣтилъ, тотчасъ узналъ бы.

— Видно, память ваша необыкновенно хороша, сказала Дурова, но другихъ разсказовъ комиссіонера уже не слушала, потому что заснула крѣпкимъ сномъ.

Со всѣмъ тѣмъ Дурова была весьма довольна, когда на слѣдующее утро узнала, что болтливый комиссіонеръ Плахута не будетъ встрѣчаться съ нею, такъ какъ въ пять часовъ утра ему была передана какая-то служебная эстафета, вслѣдствіе которой онъ, къ горю своему, долженъ былъ оставить гостепріимный кровъ богатаго помѣщика и не принимать участія въ свадебномъ пированьѣ. Послѣ того, что Плахута видѣлъ *амазонку-коннопольца* въ Витебскѣ, онъ могъ бы, чего добраго, и подъ доломаномъ Маріупольскаго корнета отыскивать потерянную имъ изъ вида *амазонку*.

По возвращеніи со свадьбы, на которой было очень весело, Дурова узнала отъ гусаръ, разставлявшихъ приготовленныя ими во множествѣ соломенныя чучела, что назначено на слѣдующій день особаго рода военно-гимнастическое ученье, состоявшее въ томъ, чтобы всѣ взводные начальники, сопровождаемые своими гусарами, на всемъ скаку, срубали саблею и сносили пулями изъ пистолетовъ соломенныя головы этихъ болвановъ, которыхъ причудливая солдатская фантазія старалась всячески разукрашать, дѣлая какъ можно страннѣе, оригинальнѣе и смѣшнѣе.

Въ шесть часовъ утра эскадронъ былъ въ сборѣ на полѣ. Командовалъ ученьемъ маіоръ Станковичъ, а полковникъ Павлищевъ былъ инспекторомъ этого гимнастическаго смотра. Дѣйствіе открылъ первый взводъ, подъ начальствомъ поручика Табачкова, сына мѣстнаго милліонера изъ мужиковъ, попавшаго посредствомъ орденовъ въ дворяне, а ордена-то онъ получалъ не за заслуги какія нибудь, а за свои пожертвованія въ различныя благотворительныя учрежденія, слывя филантропомъ. Сынокъ былъ въ папеньку, да еще тѣмъ былъ хуже папеньки, что его понатерли французскимъ лоскомъ моднаго барскаго воспитанія, почему вышло, что Ванюха Табачковъ, хотя и переименованный въ Жана, остался преизряднымъ болваномъ. Онъ не пропускалъ случая сболтнуть какую нибудь пошлость, возводимую имъ въ степень остроты.

Теперь этому Ивану Григорьевичу Табачкову предстояла обязанность первому перескочить на конѣ черезъ ровъ, выстрѣлить изъ пистолета въ соломенное чучело, и тотчасъ рубить его саблею; люди должны были слѣдовать за его благородіемъ, дѣлая тоже самое.— Табачковъ тотчасъ отрекся прыгать черезъ ровъ, представляя, къ общему смѣху всего эскадрона, причину своего отказа, состоявшую въ томъ, что онъ непремѣнно упадетъ съ лошади.

— Какъ вы, сударь, смѣете сказать это! вскричалъ инспекторъ смотра благородный и откровенный полковникъ Павлищевъ.—Вы кавалеристъ, вы гусаръ! Вы не стыдитесь говорить въ глаза вашему начальству, что боитесь упасть съ лошади, не выучась ѣздить порядочно! Да вы, сударь, срамите этимъ мундиръ, который вы имѣете честь носить со всѣми нами. Сломите, сударь, себѣ голову, но скачите! Дѣлайте, что должно дѣлать въ конной службѣ, или не служите, Бога ради не служите!

Однако мѣднолобый Ванюха Табачковъ, сильный безстыдствомъ своимъ и протекціею, оказываемою его отцу, выслушалъ хладнокровно все сказанное ему въ упоръ начальникомъ смотра, и все-таки не

смѣлъ пуститься на подвигъ и былъ просто лишь свидѣтелемъ отличавшихся одинъ за другимъ гусаръ его взвода.

За Табачковымъ была очередь поручика Пистолькорса, который плавно поскакалъ на своемъ сильномъ конѣ, флегматически перескочилъ ровъ, равнодушно выстрѣлилъ въ чучело, и мазнувъ его саблею по вычурной головѣ въ какой-то фантастической чалмѣ, сталъ покойно къ сторонѣ смотрѣть, хорошо или дурно дѣлаетъ эволюцію взводъ его.

За Пистолькорсомъ была очередь Дуровой. У нея на этотъ разъ не было своей лошади, потому что пьяный полковой коновалъ наканунѣ заковалъ ея рыжаго жеребчика, почему маіоръ велѣлъ дать ему одну изъ казенныхъ, такъ называемыхъ, офицерскихъ лошадей, извѣстную въ эскадронѣ кобылку «Милашу», отличавшуюся молодостью, пылкостью, силою, щеголеватой красотой, послушной, но до крайности нервной и пугливой. На «Милашѣ» Дурова вихремъ помчалась къ рву. «Милаша» перелетѣла его какъ птичка, но выстрѣлъ изъ пистолета заставилъ ее прыгнуть въ сторону. Съ четверть часа Дурова мучилась съ этою лошадью, метавшеюся изъ стороны въ сторону, становившеюся на дыбы прямо какъ свѣчка и кидавшеюся быстро отъ чучела, котораго сѣдокъ долженъ былъ рубить обнаженною саблею. Дурова совсѣмъ потеряла терпѣніе, и желая скорѣе покончить съ этою вознею, ударила по крупу своего пугливаго коня клинкомъ, но такъ энергично, что кобылка взвигнула и, бросясь со всѣхъ ногъ на чучело, даже повалила его. Не заботясь о причинѣ такого скораго повиновенія, Дурова оборотила лошадь, заставивъ ее снова перескочить ровъ, и стала смотрѣть, какъ ея гусары дѣлали ту же эволюцію. Наконецъ кончилась эволюція третьяго взвода.

Выступилъ на сцену четвертый взводъ; имъ командовалъ поручикъ Вантробка—отличный стрѣлокъ и наѣздникъ. Дурова въ свою очередь сдѣлалась простымъ зрителемъ и подъѣхала къ Станко-

вичу и Павлищеву, за которыми стояли Табачковъ и Пистолькорсъ.

— Вы, Александровъ, таки сладили съ пугливой «Милашей», замѣтилъ Станковичъ и продолжалъ: Я вамъ дамъ эту пугливку на окончательную выѣздку, какъ первому ученику нашего безпримѣрнаго Вихмана; авось вы сдѣлаете эту мамзель менѣе пугливою.

Затѣмъ, начавъ внимательнѣе смотрѣть на лошадь и даже, погнувшись, лаская ее по шеѣ рукою, маіоръ вдругъ сказалъ:

— Однако, что это за кровь на ногѣ вашей лошади, Александровъ?

Дурова оглянулась и убѣдилась, что по копыту одной изъ заднихъ ногъ ея коня струилась кровь и обагрила зеленый дернъ. Удивясь, она съ безпокойствомъ стала осматривать, откуда бы могла быть эта кровь, и, къ прискорбію своему, увидѣла подъ разрубленнымъ въ одномъ мѣстѣ вальтрапомъ довольно большую ранку, которую вѣроятно она нанесла неосторожнымъ ударомъ, повернувшимся острою стороною стальной полосы ея сабли. На повторенные вопросы Станковича, отчего это? она должна была сказать откровенно,—отчего. Станковичъ мгновенно перемѣнился въ лицѣ отъ досады и прошипѣлъ самымъ грознымъ голосомъ:

— Поѣзжайте, сударь, за фронтъ, поѣзжайте на квартиру! Вамъ теперь не на чемъ быть на ученье и незачѣмъ!—Вы мнѣ перепортите всѣхъ лошадей, повѣса!

Оглушенная этимъ залпомъ выговоровъ, Дурова поѣхала на квартиру, не столько раздосадованная выговоромъ добраго, но страшно взыскательнаго маіора, какъ опечаленная, по присущему ей чувству скотолюбія, жестокимъ поступкомъ ея съ бѣдною, слишкомъ нервическою лошадью. Пріѣхавъ на свою квартиру, она приказала, подъ личнымъ ея надзоромъ, вымыть рану хлѣбнымъ виномъ и заложить корпіей.

По окончаніи ученья всѣхъ взводовъ, всѣ поѣхали къ Павли-

щеву, въ томъ числѣ и мѣднолобый господинъ Табачковъ. На вопросъ Павлищева:

— А гдѣ же Александровъ?—трусишка Табачковъ, всегда думавшій удачно острить на счетъ другаго, поспѣшилъ сказать:

— Онъ, полковникъ, теперь омываетъ горячими слезами рану лошади своей.

— Какъ это? Какой лошади? спросилъ Павлищевъ.

— Темносѣрой «Милаши», на которой онъ сидѣлъ во время смотра и которой Александровъ разрубилъ крупъ за то, что она не пошла-было на чучело.

— Съ вами этого не случится, поручикъ Табачковъ, сказалъ Павлищевъ:—скорѣе чучело пойдетъ на васъ, чѣмъ вы на него.

ГЛАВА XII.

Дурова на ординарцахъ у генерала Милорадовича.—Встрѣча съ Ермоловымъ.—Открытіе инвалиднаго дома въ Кіевѣ.—Балъ у Милорадовича.—Конецъ ординарческой службы.

Ежели, какъ мы знаемъ, наша героиня родилась въ 1789 году, въ царствованіе послѣднихъ годовъ Екатерины II, то въ 1810 году ей было уже 21 годъ, т. е. возрастъ совершеннолѣтія. Въ это время маіоръ Станковичъ получилъ повелѣніе прислать въ Кіевъ одного оберъ-офицера, одного унтеръ-офицера и одного рядоваго на ординарцы къ главнокомандующему резервною арміей, генералъ-аншефу Милорадовичу, одному изъ любимыхъ учениковъ безсмертнаго Суворова. Такихъ любимцевъ у него было двое: одинъ Милорадовичъ, а другой князь Багратіонъ; ихъ обоихъ Су-

воровъ называлъ не иначе, какъ перваго Мишей, а втораго—Петей.—Станковичу пришла мысль послать что не было самыхъ молодыхъ изъ всего многолюднаго резервнаго эскадрона, и потому жребій палъ на Дурова, которому былъ 21-й годъ. Затѣмъ былъ выбранъ шестнадцатилѣтній юнкеръ Граве, недавно пріѣхавшій изъ Москвы съ гувернеромъ-французомъ, и наконецъ рядовой гусаръ Евлампій Парубенко, хохолъ Слободско-украинской, нынѣ Харьковской, губерніи, 18-ти лѣтъ. При этомъ надо замѣтить, что наружность *совершеннолѣтняго* корнета Александрова не обѣщала и шестнадцати лѣтъ, такъ въ мужскомъ платьѣ Дурова казалась гораздо моложавѣе.

На разсвѣтѣ Дурова отправилась съ своею командою изъ Волынской губерніи въ святой городъ Кіевъ, считающійся *купелью Россіи*, такъ какъ тутъ проявилось первое христіанство при великой княгинѣ Ольгѣ. Мы не будемъ слѣдовать во весь путь за тремя юными гусарами, съ которыми шли еще двѣ вьючныя лошади съ двумя выранжированными старыми фурлейтами, которые въ пути и на стоянкахъ могли служить хорошею помощью этой крайне неопытной молодежи, изъ которой только одна Дурова имѣла уже нѣкоторую опытность. Дядьки юнкера Граве ѣхали особо въ бричкѣ, куда отъ времени до времени присаживался самъ мальчуганъ, да и корнетъ Александровъ не отказывался поразмяться на сафьянныхъ тюфякахъ и подушкахъ.

Въ это время начальникомъ штаба у главнокомандующаго резервною арміею былъ столь впослѣдствіи знаменитый *Алексѣй Петровичъ Ермоловъ*, имя котораго сдѣлалось вполнѣ историческимъ. Въ 1810 году онъ былъ 33-лѣтнимъ артиллерійскимъ генералъмаіоромъ, и хотя не имѣлъ еще никакой звѣзды, но на шеѣ его блисталъ уже бѣлый Георгіевскій крестъ третьей степени. Его в тогда уже любила вся русская армія и относилась къ нему, какъ къ герою, стяжавшему себѣ лавры на Кавказѣ подъ началомъ зна-

менитаго кавказскаго героя, князя Циціанова.—Дурова имѣла случай быть представленною Алексѣю Петровичу Ермолову, бывши разъ какъ-то на ординарцахъ у свѣтлѣйшаго князя Аркадія Александровича Суворова, гдѣ въ это время Ермоловъ, проѣздомъ въ Кіевъ, обѣдалъ.

— Случится, милый гусарчикъ, сказалъ ласково Ермоловъ корнету Александрову,—быть въ Кіевѣ, прошу непремѣнно пожаловать ко мнѣ по-товарищески, въ какомъ бы часу ни было: такому гостю, окрещенному фамиліею по Высочайшей волѣ, я всегда радъ, а по вашему серебрянному кресту, брату моего эмалеваго, мы съ вами немножко братцы. Я знаю, какой вы были уланчикъ, и знаю какой вы гусарчикъ. Исполать вамъ! Помните же, что въ Кіевѣ моя хата къ вашимъ услугамъ, хотя, правду сказать, она не богата ни углами, ни пирогами; но вѣдь мы съ вами, милый мальчикъ, солдаты и умѣемъ быть довольны всѣмъ и довольствоваться малымъ. И такъ, непремѣнно до свиданья въ Кіевѣ, когда нибудь.

Это «когда нибудь» возъимѣло мѣсто, когда миновавъ послѣднюю передъ Кіевомъ станцію Бровары, Дурова со всею своею командою ночью прибыла въ Кіевъ. Здѣсь, узнавъ мѣстопребываніе начальника штаба, генерала Ермолова, она съ командою своею ночью прибыла прямо на его дворъ.

Здѣсь юнкеръ, рядовой и два сѣдоватыхъ фурлейта расположились бивакомъ, а Дурова прошла въ первую залу и легла, не раздѣваясь, на огромный кожаный диванъ. Вставъ за полчаса до пробужденія генерала, Дурова тщательно умѣлыми руками привела въ порядокъ свой костюмъ и ожидала, когда Алексѣй Петровичъ проснется, чтобы тотчасъ явиться къ нему. Пріемъ Ермолова, какъ можно было ожидать, былъ весьма мягокъ, вѣжливъ и сердеченъ. По свидѣтельству всѣхъ знавшихъ Ермолова, обращеніе его съ младшими имѣло какую-то обворожительную простоту и привлекательность; съ каждымъ Ермоловъ говорить умѣлъ какъ съ равнымъ, и никогда не-

старался упрощать свой разсказъ въ разговорѣ съ нижними чинами воображая, чтобы быть понятымъ солдатомъ, надо спускаться до него а напротивъ, онъ любилъ поднимать до себя людей ниже его стоявшихъ. Это была знаменательная черта въ Алексеѣ Петровичѣ. Черты лица и вся физіопомія Ермолова обнаруживали въ немъ душу великую и твердую.

Онъ настоятельно потребовалъ, чтобы корнетъ Александровъ поселился въ его квартирѣ и занялъ бы комнату въ одно окно, обращенное въ садъ и имѣвшую прямой ходъ черезъ корридоръ въ ту комнату, гдѣ помѣщались шкафы съ массою книгъ на многихъ языкахъ. Это была библіотека Алексѣя Петровича, которою онъ радушно позволилъ пользоваться Александрову.

— Скажите, пожалуйста, Александровъ, спросилъ его однажды Ермоловъ,—знаете ли вы въ вашемъ Маріупольскомъ полку прикомандированнаго къ вамъ изъ Павлоградскихъ гусаръ штабсъ-ротмистра Давыдова?

— Я не имѣю чести быть знакомъ близко съ Денисомъ Васильевичемъ; онъ служитъ въ дивизіонѣ, который теперь въ походѣ за границей, да и вообще штабсъ-ротмистръ Давыдовъ часто отсутствуетъ изъ полка, разъѣзжая все съ какими то порученіями. Онъ пишетъ довольно гладкіе стихи, которые, по ихъ содержанію, носятъ названіе *гусарскихъ* и читаются только въ нашихъ дружескихъ кружкахъ, отличаясь удальствомъ, переходящимъ за границы. Онъ долженъ быть большой поклонникъ пирушекъ и попоекъ, такъ какъ еще на дняхъ пустилъ между нами свое «Посланіе къ Бурцову», которое начинается такъ:

Бурцовъ, іора; забіяка,
Собутыльникъ дорогой,
Ради рома и арака
Посѣти домишко мой и пр. и пр.

— Не люби онъ хорошей выпивки съ *ромомъ* и *аракомъ*, онъ не

упоминалъ бы объ нихъ въ стихахъ своихъ, которые должны выражать истинныя чувства стихотворца.

— Ну, милый гусарикъ, эти стихи васъ сбили съ толку, потому что ежели бы Денисъ Давыдовъ долженъ былъ въ стихахъ своихъ выражать свои личныя чувства, то онъ постоянно воспѣвалъ бы только воду, которую онъ одну пьетъ, не употребляя даже кваса. На дняхъ, вы, милый краснощекій гусарикъ мой, въ этомъ убѣдитесь, когда здѣсь же, за этимъ столомъ, вы будете свидѣтелемъ, что мой двоюродный братъ, Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, котораго я ожидаю и который проѣздомъ въ Москву погоститъ у меня, не только рома и арака, но даже дамскаго какого нибудь винца не пьетъ, будучи очень полнокровенъ и боясь отъ употребленія горячительныхъ напитковъ, что его хватитъ преждевременно кондрашка *).

Милорадовичъ, въ качествѣ генералъ-аншефа и главнокомандующаго резервною арміею, въ составъ которой входили всѣ резервные батальоны и эскадроны всей Россіи, имѣлъ цѣлыхъ пять адъютантовъ. Одинъ изъ нихъ, его личный и безсмѣнный адъютантъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ вполнѣ и до глубины корней вкравшійся въ его душу, былъ капитанъ Навагинскаго мушкетерскаго полка Каверзневъ. Самъ Милорадовичъ былъ добрѣйшимъ и прекраснѣйшимъ человѣкомъ, но, будучи храбръ, рѣшителенъ и твердъ на войнѣ, въ то же время среди мирныхъ обстоятельствъ былъ слабаго характера.

И вотъ этотъ капитанъ Каверзневъ прислалъ своего вѣстоваго просить корнета Александрова къ нему. Тотъ явился и увидѣлъ грубаго, необразованнаго офицера изъ солдатскихъ дѣтей, такъ какъ

---

*) Точно такъ въ 1830-хъ годахъ Ермоловъ, на какомъ-то вельможномъ балу въ Петербургѣ, разувѣрялъ Государя Николая Павловича, который говорилъ именно то, что въ 1810 году юный гусаръ Александровъ говорилъ тогдашнему генералъ-маіору Алексѣю Петровичу Ермолову, двоюродному брату Дениса Давыдова.

отецъ его былъ отставной барабанщикъ изъ сдаточныхъ, служившій съ малолѣтства своего въ числѣ Гатчинскихъ войскъ. Каверзневъ принялъ Маріупольскаго корнета прескверно, не предложивъ даже стула, а бросивъ только грубо и рѣзко вопросъ:

— А скажите-тка мнѣ, господинъ корнетъ, почему это вашъ эскадронный командиръ маіоръ Станкевичъ не прислалъ на ординарцы сюда поручика Табачкова, котораго я назначилъ въ неоффиціальномъ моемъ къ нему письмѣ?

— Вѣроятно потому, отвѣчала очень рѣшительно Дурова, — что ваше назначеніе маіору показалось не удобно по его хозяйственнымъ распоряженіямъ въ эскадронѣ. У насъ ведется очередь откомандироровокъ, о которыхъ постороннему нѣтъ надобности заботиться.

Дурова не могла не замѣтить, что отвѣтъ ея взбѣсилъ Каверзнева, потому что онъ былъ необычайно гордъ. Такимъ образомъ Дурова создала себѣ врага.

Во время службы въ ординарцахъ случались такіе дни, что Дурова съ утра до вечера летала по Кіеву на своемъ постоянномъ конѣ *Алмазъ*, или подлѣ кареты Милорадовича, или съ порученіями отъ него къ разнымъ пріѣзжимъ въ Кіевъ или проѣзжавшимъ черезъ Кіевъ генераламъ. Но когда генералъ выѣзжалъ самъ въ каретѣ или верхомъ, то всегда сопровождали его только гусарскій корнетъ Александровъ съ юнкеромъ Граве и съ рядовымъ Парубенко.

Разъ Каверзневу, постоянно обдумывавшему всякія непріятности для Дуровой, пришло въ голову осматривать ординарцевъ, по формѣ ли они одѣты. Ясно, что цѣль была та, чтобы досадить корнету Александрову. Дурова это поняла. И дѣйствительно, можетъ ли пѣхотный офицеръ знать въ тонкости всѣ принадлежности гусарскаго мундира, и вдобавокъ лучше, нежели сами гусары! Дурова не послушала его распоряженія, какъ такого, которое не могло къ ней относиться. Она не поѣхала къ нему на смотръ ни сама, ни гусаръ своихъ къ нему не послала. Каверзневъ пожаловался Ермолову, у

котораго всѣ ординарцы, какъ у начальника штаба, были подъ непосредственнымъ начальствомъ.

— Отчего вы не явились къ Каверзневу? спросилъ Ермоловъ.

— Оттого, ваше превосходительство, отвѣчала она,—что Каверзневъ ничего не смыслитъ въ нашей формѣ, и что странно было бы, еслибъ гусарскій офицеръ имѣлъ нужду въ наставленіяхъ пѣхотнаго, какъ одѣться въ свой мундиръ.

Ермоловъ не настаивалъ болѣе; но сказалъ только: «Каверзневу это приказано отъ главнокомандующаго: сладьте это какъ-нибудь».

— Повѣрьте, ваше превосходительство, что Каверзневъ лжетъ! Главнокомандующій нашъ хорошо знаетъ, что не слѣдъ посылать кавалериста на смотръ мушкетеру, потому что это равносильно порученію, данному гусару экзаменовать, напримѣръ, моряка или инженера.

Дѣло обошлось безъ дальнихъ хлопотъ и Каверзневъ оставилъ свои претензіи.

Вслѣдъ за этимъ было заложеніе кіевскаго инвалиднаго дома. По окончаніи всѣхъ церковныхъ и военно-парадныхъ обрядовъ весь корпусъ офицеровъ, т. е. генералы, штабъ и оберъ-офицеры обѣдали въ палаткахъ. День этотъ былъ до невыносимости жарокъ. До присутствованія при закладкѣ Милорадовичъ объѣхалъ, въ сопровожденіи всей своей свиты, ординарцевъ—гусаръ, кирасиръ, уланъ, драгунъ, конно-егерей—всѣ окрестныя укрѣпленія, что̀ составляло около 20 верстъ. Его не слишкомъ рослый, но чистокровный, превосходно выѣзженный арабскій золотисто-гнѣдой конь*) *Баязетъ*, галопируя необыкновенно легко и мягко, нисколько не утомлялъ своего всадника. Но не то было съ Александровымъ. Его *Алмазъ*, орловской верховой породы знаменитаго Хрѣновскаго завода, не умѣя сообра-

*) Два года спустя, 26 августа 1812 г. на Бородинскомъ полѣ Милорадовичъ имѣлъ подъ своимъ сѣдломъ этого же коня.

жать своихъ скачковъ съ легкимъ и плавнымъ галопомъ питомца степей, и сердясь на то, что не даютъ ему воли скакать какъ бы ему хотѣлось, безпрестанно прыгалъ, становился на дыбы, троттировалъ, пускался въ лансады, дѣлалъ непрошеные траверсы и рвалъ поводья изъ рукъ. Онъ такъ измучилъ Дурову, что когда, пріѣхавъ къ палаткамъ всѣ спѣшились, ей казалось, что кровь ея вспыхнетъ: такимъ горячимъ потокомъ она кипѣла во всемъ ея юномъ и свѣжемъ тѣлѣ.

Тотчасъ послѣ освященія всѣ сѣли за длинный столъ, тянувшійся вдоль сорока или пятидесяти палатокъ, на этотъ разъ слитыхъ одна съ другою.

Дуровой привелось сидѣть около того флигель-адъютанта, который съ нею разговаривалъ въ Петербургѣ, когда она въ коннопольскомъ мундирѣ только что вышла изъ кабинета Государева въ Зимнемъ дворцѣ, и когда разговоръ этотъ тогда былъ прерванъ флигель адъютантомъ же барономъ Зассомъ. Этотъ флигель-адъютантъ былъ лейбъ-гвардіи коннаго полка полковникъ *князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ*, присланный для присутствованія при закладкѣ инвалиднаго Кіевскаго дома и впослѣдствіи бывшій главнокомандующимъ и генералъ-губернаторомъ Москвы. Князь Дмитрій Владиміровичъ, всегда отличавшійся крайнею любезностью и мягкостью самаго высокосвѣтскаго обращенія, узналъ въ формѣ Маріупольскаго гусара видѣннаго имъ за два съ небольшимъ года предъ тѣмъ молоденькаго, почти ребенка коннопольца. Онъ подалъ ей руку черезъ спины двухъ сосѣдей по столу и, замѣтивъ, что она, положивъ въ свой стаканъ кусокъ лежавшаго по близости отъ нея льда, стала пить съ жадностью студеную воду, съ ужасомъ замѣтилъ:

— Что вы дѣлаете? Вы можете, милый юноша, смертельно простудиться.

Дурова засмѣялась въ отвѣтъ и выпила другой стаканъ.

— Неужели, Александровъ, спросилъ князь,—вамъ не вредны такіе переходы отъ жара къ холоду?

Она отвѣчала, что съ ранняго малолѣтства привыкла ко всему этому. И въ самомъ дѣлѣ, здоровье ея было безпримѣрное; она, такъ сказать, цвѣла здоровьемъ и не какъ роза, а какъ пунсовый макъ или піонъ, что ей крайне не нравилось. Она какъ-то разъ спросила извѣстнаго кіевскаго доктора Любарскаго, не знаетъ ли онъ средства избавить ее отъ излишняго несноснаго румянца?

— Очень знаю, отвѣчалъ шутникъ малороссъ:—пейте больше крѣпкихъ винъ, пуншъ, жжонку, проводите напролетъ ночи за картами, увлекайтесь сильными ощущеніями и предавайтесь самому грязному разврату. Черезъ два мѣсяца этого похвальнаго образа жизни, увѣряю васъ, молодой человѣкъ, вы получите самую интересную блѣдность лица.

Дуровой было очень весело въ Кіевѣ; она имѣла тамъ много пріятныхъ знакомствъ. въ числѣ которыхъ имѣла домъ генерала Масса, тамошняго комендапта. Родной племянникъ его, *Шлейнъ*, кирасирскій офицеръ, ей былъ хорошій пріятель. Массъ, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, все еще молодецъ съ рыцарскимъ удалымъ видомъ, и такъ бодро скачетъ на конѣ, какъ лучшій изъ гусаръ.

Былъ въ Кіевѣ концертъ въ пользу бѣдныхъ. Милорадовичъ купилъ массу билетовъ и подарилъ по два билета всѣмъ своимъ офицерамъ, въ томъ числѣ и ей, Дуровой. Концертъ былъ составленъ дамами-благотворительницами. Главною въ этомъ музыкальномъ обществѣ была княгиня Горжельская, молоденькая, лѣтъ девятнадцати и очень хорошенькая женщина, за которою Милорадовичъ, страшный волокита, тогда, правда, человѣкъ сорока лѣтъ, неусыпно ухаживалъ. Дурова не одинъ разъ имѣла случай замѣтить, что каждый успѣхъ въ любви дѣлалъ храбраго на полѣ брани генерала чрезвычайно любезнымъ въ обращеніи, и тогда онъ со всѣми, съ самыми мелкими подчиненными, разговаривалъ и шутилъ. Если же, напро-

тивъ, княгиня была капризна и нелюбезна, то Милорадовичъ проходилъ пасмурно, холодно отвѣчалъ на отдаваемую ему честь и не досадовалъ, если становились ему во фронтъ, тогда какъ въ веселомъ расположеніи духа онъ этого не любилъ.

Двадцать втораго іюля, въ день тезоименитства вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны, генералъ Милорадовичъ давалъ балъ на весь Кіевъ, куда съѣхалось не мало пановъ съ ихъ семействами и изъ окрестныхъ мѣстъ, даже изъ Подольскаго и Волынскаго краевъ. Залы наполнены были гостями; большой старинный садъ былъ прекрасно иллюминованъ, но гулять въ немъ нельзя было и подумать: Милорадовичу вздумалось угощать тамъ свой *Апшеронскій гренадерскій полкъ*, что и было послѣ причиною смѣшнаго происшествія. Вечеромъ безчисленное множество горящихъ лампъ, называвшихся тогда *кенкетами*, гремящая музыка и толпа прекрасныхъ дамъ привлекли любопытство находившихся въ саду и сильно тамъ уже угостившихся нашихъ храбрыхъ сподвижниковъ. Гренадеры подошли въ плотную къ стекляннымъ дверямъ залы, которыя были отворены настежъ и охраняемы двумя часовыми съ ружьями. Генералъ Массъ, видя, что толпа солдатъ сгущалась часъ отъ часу болѣе и напираетъ неперемонно къ двери, такъ что часовые съ трудомъ могли ее удерживать, побаивался, чтобъ толпа не вломилась въ залу. Дурова была въ этотъ день дежурнымъ у генерала. Массъ, подозвавъ ее, сказалъ:

— Скажи, Александровъ, часовымъ, чтобъ заперли двери.

Она двинулась-было исполнить приказаніе коменданта; но Милорадовичъ, слышавшій, что говорилъ ей Массъ, остановилъ ее, спросивъ:

— Куда вы?

Она сказала, что комендантъ велѣлъ запереть двери.

— Знаю, прервалъ Милорадовичъ нетерпѣливо.—Не надобно за-

творять! Пусть войдуть! Юнкера могуть танцовать! Останьтесь на своемъ мѣстѣ...

Говоря это, генералъ поправилъ раза два свой высокій галстухъ, что у него было признакомъ досады, и самъ направился къ часовымъ сказать, чтобъ не мѣшали идти въ залу кому вздумается изъ солдатъ. Слѣдствіемъ этого распоряженія было то, что менѣе, нежели въ пять минутъ, зала наполнилась солдатами-апшеронцами, высыпавшими какъ пчелиный рой изъ садовой двери. Въ мигъ смѣшались гренадеры въ своихъ грубыхъ мундирахъ и тяжелыхъ сапогахъ съ кожаными крагами выше колѣнъ, украшенныхъ до щиколодки отъ сгиба колѣна мѣдными пуговицами въ двугривенный. Массъ пожималъ плечами, Ермоловъ иронически усмѣхался; дамы съ растерянны‍мъ изумленіемъ отступали назадъ, видя подлѣ себя эти дебелыя личности, отъ которыхъ несло ворванью, махоркою и виномъ генеральскаго угощенія. Дурова вмѣстѣ съ молодежью хохотала отъ души въ платокъ странному этому зрѣлищу. Дамы собрались всѣ въ одну горницу, громадную гостиную, наполненную картинами боговъ. Мужчины ожидали улыбаясь, чѣмъ вся эта сцена кончится. Генералъ Милорадовичъ, совсѣмъ не ожидавшій такого многочисленнаго, шумнаго и нецеремоннаго нашествія своихъ дорогихъ сослуживцевъ, съ которыми лѣтъ за десять предъ тѣмъ онъ сражался противъ французовъ на Альпійскихъ высотахъ,—сказалъ, что онъ дружески и товарищески совѣтуетъ храбрымъ сынамъ Марса идти обратно въ садъ, гдѣ имъ свободнѣе будетъ веселиться, прибавивъ, «что чистый воздухъ есть стихія русскаго воина и что Трою брали герои Греціи не въ комнатахъ, а въ полѣ».

Изъ этого генеральскаго изрѣченія русскіе воины, конечно, ничего не поняли, кромѣ того, что имъ надобно идти обратно въ садъ, куда они немедленно и ушли. Теперь уже самъ генералъ Милорадовичъ велѣлъ затворить двери; порядокъ возстановился, музыка заиграла, красавицы разсыпались по залѣ и снова все задвигалось,

запрыгало и закружилось. Танцы, весьма оживленные, длились далеко за полночь, когда въ саду былъ пущенъ фейерверкъ со всѣми фейерверочными штуками, при чемъ гремѣло на весь городъ и почти на всѣ окрестности россійское *ура*!

За полчаса передъ ужиномъ великолѣпнымъ, лакомымъ, роскошнымъ и веселымъ,—кончились танцы и все усмирилось. Нѣсколько молодыхъ людей, и въ ихъ числѣ Ахтырскаго гусарскаго полка молодой поручикъ графъ Гендриковъ, ведшій черезъ Кіевъ огромный ремонтъ на цѣлую дивизію кавалеріи въ Россію,—ужаснѣйшій болтунъ, повѣса и острякъ, пошли въ особую, болѣе другихъ прохладную комнату, гдѣ Гендриковъ принялся разсказывать о всѣхъ красавицахъ въ Малороссіи, какихъ ему случилось видѣть.

— Въ городѣ Пирятинѣ—увѣряю васъ, господа, что мнѣ привелось такой городъ открыть на земномъ шарѣ, въ благословенной Хохландіи—и такъ въ городѣ Пирятинѣ, который едва ли вы найдете на какой либо картѣ, кромѣ той, какую я велѣлъ мѣстному землемѣру на мой счетъ изготовить въ пользу отечества и потомства,—въ этомъ городѣ видѣлъ я нѣкую дѣвицу Александровичеву рѣдкой изъ рѣдкихъ красоты,—и что-жъ? У нея варварское имя, котораго я ни выговорить, ни слышать не могу безъ досады: *Доминика Порфировна*! Слыхали-ль вы что нибудь подобное?

Дурова вздрогнула въ своемъ бѣломъ доломанѣ при этомъ имени: Доминика Александровичева была ея двоюродная сестра, и Дурова не безъ причины опасалась, чтобъ отъ сестры разговоръ не перешелъ и на нее. Опасенія эти оправдались въ ту-жъ минуту, потому что графъ Гендриковъ продолжалъ:

— Кромѣ красоты своей, истинно баснословной, уморительнаго имени, Доминика эта еще замѣчательна и по близкому родству ея съ тою *амазонкою*, о которой такъ много говорено было три года тому назадъ и которая послѣ Богъ знаетъ куда дѣвалась.

Всѣ стали разсуждать и толковать о молодой дѣвушкѣ, ушедшей

изъ родительскаго дома въ казачьемъ мундирѣ, отличившейся подвигами мужества въ Прусскую войну и, какъ слухи ходили, обратившей на себя вниманіе съ высоты трона.

Дурова, въ видѣ корнета Александрова, молчала, и пока думала, пристать или не приставать къ этому разговору, штабъ-ротмистръ Павлоградскихъ гусаръ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, гостившій у Ермолова, какъ и Александровъ, сидѣвшій тутъ рядомъ съ Дуровой, ударивъ слегка ее по ея алымъ чикчирамъ, крикнулъ своимъ тонко визгливымъ голосомъ:

— Что намъ въ вашихъ амазонкахъ! Вотъ у Маріупольцевъ есть своя дѣвочка! Не правда ли? Тонокъ парень какъ спичка, краснѣетъ при каждомъ словѣ....

Бѣдная Дурова сдѣлалась алѣе своихъ чикчиръ, но къ ея счастью кирасирскій поручикъ Шлейнъ, большой ея пріятель, вставая и взявъ ее и драгунскаго поручика Штейна подъ руки, сказалъ:

— Что мы здѣсь спрятались, пойдемте къ генералу!

Всѣ встали и пошли толпою въ залу, гдѣ скоро подапъ былъ ужинъ, кончившійся тогда, когда уже солнце взошло.

Вскорѣ послѣ бала назначены были маневры: примѣръ баталіи. Ермоловъ, командовавшій войскомъ, по плану назначенный отступать, просилъ генерала Милорадовича дать ему двухъ изъ своихъ адъютантовъ. Милорадовичъ 'далъ ему драгуна и улана, оставивъ себѣ гусара и кирасира. Посреди этой суеты сует, скачки, пальбы и атаки, какой-то несчастный наѣздникъ, сидѣвшій на лошади, нелѣпо и противъ правилъ ѣзды, отдѣливъ отъ нея ноги на поларшина, проскакалъ мимо Дуровой, зацѣпился за ея шпору и оторвалъ ее. Скоро узнала она невыгоду остаться съ одною шпорою. Милорадовичъ посылалъ вездѣ одну ее, и она во все продолженіе маневровъ летала въ своемъ золотомъ мундирѣ съ ментикомъ на плечахъ, какъ блестящій метеоръ, мелькая среди стрѣляющихъ, марширующихъ, кричащихъ *ура*! и идущихъ въ штыки. Наконецъ лошадь

ея «Алмазъ» едва переводила духъ. Милорадовичъ стоялъ въ это время надъ однимъ глубокимъ рвомъ и разсматривалъ позицію. За оврагомъ, на которомъ стоялъ главнокомандующій, были стрѣлки, и на бѣду свою стояли, а по распоряженію имъ надо было лежать. Генералъ Милорадовичъ разсердился, сталъ дергать свой галстухъ и, взглянувъ на корнета Александрова, сказалъ отрывисто, указывая на оврагъ рукою:

— Поѣзжайте къ этимъ стрѣлкамъ, и скажите ихъ недогадливому офицеру, чтобы онъ велѣлъ имъ лечь!

Дурова тронула оставшеюся въ удѣлъ ей шпорою свою лошадь но «Алмазъ», измученный до нельзя, видя, что надобно идти въ глубокій ровъ, замялся.

— Что-жъ, вы не хотите меня слушать! закричалъ Милорадовичъ.

Жестокій ударъ шпорою и плашмя, къ счастью, не отпущенною саблею заставили коня броситься стремглавъ въ оврагъ.

По окончаніи маневровъ, бѣдный «Алмазъ», отведенный въ конюшню, тотчасъ легъ, какъ только его разсѣдлали, и на другой день Дурова не узнала его: до такой степени онъ перемѣнился. Онъ былъ, что называется, *загнанъ*, но недѣли въ 2—3 совершенно поправился на покоѣ въ прекрасной конюшнѣ Ермолова.

Въ теченіе однако этихъ двухъ, трехъ недѣль Дурова ѣздила на перемѣнныхъ верховыхъ лошадяхъ, доставляемыхъ ей Ермоловымъ то изъ собственной его конюшни, то изъ конюшни той конно-артиллерійской батареи, какая квартировала постоянно въ Кіевѣ.

Два мѣсяца дежурства корнета Александрова при главнокомандующемъ резервною арміею въ званіи ординарца, прошли. Завтра было назначено возвращеніе въ эскадронъ.

ГЛАВА XIII.

Служба въ эскадронѣ.—Ученья въ карьеръ.—Всемилостивѣйшее пособіе отъ Государя Императора.

Служба Дуровой въ эскадронѣ началась печально. На разсвѣтѣ прискакалъ къ ней дежурный унтеръ-офицеръ съ извѣстіемъ, что корнетъ Парадовскій застрѣлился. Въ одно мгновеніе она одѣлась и на неосѣдланной лошади поскакала сломя голову на квартиру Парадовскаго. Станковичъ былъ уже тамъ; несчастный Парадовскій лежалъ посреди пола, внизъ лицомъ; кровь большою лужею скопилась у дверей; черепъ разлетѣлся на нѣсколько кусковъ, которые лежали на полу; карабинъ, изъ котораго онъ застрѣлился, былъ близъ тѣла, двѣ пули остались въ потолкѣ. Станковичъ, разсмотрѣвъ всѣ письма и кое-какія записки покойника, не нашелъ въ нихъ ничего, по чему можно бы было угадать причину его самоубійства. Онъ приказалъ обвернуть платкомъ лицо и остатокъ головы несчастнаго Парадовскаго, и, какъ въ тѣ времена, самоубійцъ не дозволялось хоронить по обрядамъ Православной или какой бы то ни было христіанской церкви, то тѣло его отнесено было на распутіе, гдѣ вырыли ему могилу. Мимо этой могилы пролегала дорога, и вечеромъ, проходя ею, Дурова невольно содрогнулась, поровнявшись съ зеленымъ холмомъ Парадовскаго: за день до катастрофы она тутъ же на самомъ этомъ мѣстѣ прогуливалась съ Парадовскимъ, а теперь .... она топчетъ дернъ, покрывающій его прахъ.

Скоро послѣдовалъ приказъ о новомъ походѣ. Квартиры эскад-

рона были назначены близь города Ровно, въ имѣніи папа Корвицкаго, въ мѣстечкѣ Мизочѣ.

Эскадронъ пошелъ черезъ Кіевъ. Дурова заѣзжала къ Алексѣю Петровичу, который велѣлъ осѣдлать одну изъ своихъ лошадей, и проводилъ ее сначала до эскадрона, дѣлавшаго растахъ, а потомъ проѣхалъ съ эскадрономъ до заставы. Онъ очень ласково разговаривалъ съ Дуровой и спросилъ, между прочимъ, ее, не оставила-ли она, подразумѣвая, конечно, Александра Андреевича Александрова,—сердечка своего въ Кіевѣ? И когда она утвердительно сказала, что не оставила, то онъ похвалилъ ее, говоря:

— Веди себя всегда такъ, молодой человѣкъ, я буду почитать тебя.

Въ Мизочѣ большой манежъ и прекрасный садъ, были два замѣчательнѣйшихъ предмета. До манежа гусарамъ дѣла не было: они любятъ объѣзжать добрыхъ коней своихъ въ чистомъ полѣ; но садъ это—дѣло другое. Дурова проводила въ этомъ очаровательномъ саду все свое послѣобѣденное время. Ее, да и всѣхъ кто только бывали въ Мизочѣ, восхищало великое множество розовыхъ кустовъ, сажени въ полторы каждый, покрытыхъ сверху розами всевозможныхъ цвѣтовъ.

Станковичъ съ маіорскими эполетами, кажется, сдѣлался еще ревностнѣе, ежели только это возможно, къ службѣ, чѣмъ когда былъ ротмистромъ. Теперь ему стала приходить нерѣдко охота дѣлать ученье въ самый полдень, при пылѣ и жарѣ нестерпимыхъ. Маневры дѣлались все на карьерѣ, къ чему Станковичъ, лихой гусаръ, привыкъ еще при графѣ Петрѣ Христофоровичѣ Витгенштейнѣ, (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь), первомъ шефѣ Маріупольскаго полка. Разъ метода эта едва не стоила жизни одному бѣдному жиду, трусливѣйшему изъ всѣхъ существъ, населяющихъ вселенную, трусливѣе даже зайца, который, по мнѣнію Дуровой, храбрѣе русскаго жида.

Дѣло въ томъ, что окончательный маневръ практическаго ученья въ эскадронѣ Станковича бывалъ всегда — *атака!* По командѣ: «*Съ мѣста! маршъ! маршъ!*» гусары обыкновенно неслись какъ безумные. Этотъ разъ маіору разсудилось повести свою атаку на м. Мизочъ, близь котораго была широкая дорога и на этой дорогѣ слой топкой пыли въ поларшина толщины. Когда гусары выскакали на эту дорогу, то пыль обняла эскадронъ такимъ густымъ облакомъ, что Дурова не только не видала, куда она скачетъ, но не видѣла и своей лошади, на которой сидѣла. Въ это время раздалось вдругъ командирское: *Стой*! *Равняйся*! и чей-то отчаяннѣйшій вопль подлѣ самаго стремени Дуровой. Она съ испугомъ остановила свою лошадь. Въ то же время сквозь разсѣявшуюся пыль она увидѣла у ногъ своего коня поверженнаго долу еврея въ ермолкѣ, который въ безпамятствѣ кричалъ: *Ратуйте*! Его мертвенно-блѣдное лицо, полные ужаса глаза, растрепанные пейсы, и широко разинутый ротъ, дѣлали его, несчастнаго, похожимъ на какое то чудовище; «*Алмазъ*», захрипѣвъ, сталъ въ дыбы, а жидъ на четверенькахъ отползъ отъ остановившагося фронта. Затѣмъ онъ быстро всталъ на ноги и, согнувшись почти до земли, убѣжалъ въ мѣстечко. Дурова послѣ уже узнала, что жидъ этотъ упалъ со страха, но былъ невредимъ, потому что случаю угодно было, чтобъ въ это самое время, когда онъ заоралъ, остановился несшійся въ карьеръ эскадронъ. Послѣ ученья Дурова разсказала этотъ курьезный случай своимъ товарищамъ по эскадрону, въ жизни котораго и такое малѣйшее происшествіе, за неимѣніемъ другихъ развлеченій, составляетъ цѣлую, въ своемъ родѣ, эпоху.

Александрійскіе гусары остались стоять въ Мизочи, а Маріупольцы пошли квартировать въ мѣстечко Домбровицу, принадлежавшее графу Платеру, жившему въ своемъ сельскомъ дворцѣ въ трехъ верстахъ отъ мѣстечка.

Графъ Платеръ старецъ и его супруга графиня были личностями

оригинальными, какія въ тѣ времена, т. е. въ 1811 году и раньше того, преимущественно встрѣчались только въ Польшѣ. Эта семидесятилѣтняя панна-*грабыня* (т. е. графиня), великая была охотница ѣздить чуть не ежедневно на полеванье за зайцами, лисицами, волками, кабанами и при этомъ большая была мастерица стрѣлять изъ охотничьей винтовки. Нерѣдко проѣзжала эта ветхая амазонка черезъ мѣстечко 'Домбровицу, и, какъ нарочно, всегда мимо гусарской гауптвахты. Бѣлая кобыла этой графини не много чѣмъ развѣ моложе своей древней всадницы. За ея сіятельствомъ слѣдовалъ всегда ея берейторъ съ хлыстикомъ, на тотъ конецъ, что когда графинѣ вздумывалось подняться въ галопъ, она громко произносила одно только слово: «*Галопъ*!» По этой командѣ берейторъ, всегда приподнявъ свою галунную шляпу съ зеленымъ султаномъ, дотрогивался учтиво и осторожно хлыстикомъ до допотопнаго коня, и древній *Буцефалъ* *) весьма степенно и флегматически принимался плавно галопировать, какъ бы на заведенныхъ машиною пружинахъ. Замѣчательно было то, что обыкновенный аллюръ этой бѣлой лошади графини Платеръ былъ философическій, довольно крупный шагъ только передъ гусарскою гауптвахтою или передъ шефскимъ крыльцомъ переходилъ въ галопъ, да и то тогда, когда здѣсь собирались офицеры. Забавная эта наѣздница имѣла всегда съ собою свиту изъ нѣсколькихъ охотниковъ-псарей въ красныхъ полукафтаньяхъ на бойкихъ лошадяхъ съ сворами борзыхъ и гоньчихъ собакъ на смычкахъ. Сама же графиня всегда бывала въ темнозеленомъ кунтушѣ съ золотыми шнурами, въ бобровой шапочкѣ съ бѣлымъ перомъ изъ крыла цапли и въ венгерскихъ сапожкахъ, снабженныхъ позолоченными шпорами. Древняя эта наѣздница въ каррикатурѣ ѣздила не

---

*) Имя того неукротимаго коня, котораго, будучи шестнадцатилѣтнимъ юношею укротилъ и объѣздилъ Александръ Македонскій.

по-дамски, а по-мужски, потому что носила казимировые алые панталоны, запрятанные въ голенища сапогъ.

Графъ и графиня Платеръ, будучи очень богаты, давали отъ времени до времени балы, на которые почти никто, особенно изъ гусарства не ѣздили, потому что балы эти начинались въ 3 часа пополудни, а оканчивались ужиномъ въ 8 часовъ, длившимся не болѣе часа, такъ, что въ 9 съ повиною часовъ вечера всѣ огни гасились и гости изъ темныхъ комнатъ поспѣшно разъѣзжались. Понятно, что такой самодурный обычай не могъ привлекать гостей, особенно изъ молодежи; нѣкоторое же панство и шляхетство оказывало почтеніе ясновельможному Платерову дому, какъ изъ подобострастія, такъ и изъ желанія хорошо покушать за ужиномъ лакомыхъ произведеній графскихъ поваровъ и поиспить старыхъ винъ и наливокъ изъ графскихъ погребовъ.

Во время стоянки Маріупольцевъ въ Домбровицахъ Дурова получила на имя корнета Александрова отъ Монаршихъ щедротъ *тысячу рублей*, при письмѣ отъ тогдашняго военнаго министра графа Аракчеева, который писалъ ей, «что заступя мѣсто князя Ливена при Государѣ Императорѣ, взялъ вмѣстѣ съ прочими дѣлами и ту обязанность, которою возложено на него доводить до свѣдѣнія Императора всѣ ея (т. е. Александрова) просьбы и желанія».—Графъ, столь, какъ извѣстно, бывшій для всѣхъ суровымъ и грубымъ, оканчивалъ письмо свое вѣжливымъ увѣреніемъ въ готовности дѣлать для нея все отъ него зависящее. Само собою разумѣется, что Дурова тотчасъ отвѣчала графу Аракчееву почтительнѣйшимъ образомъ, прося его сіятельство, положить къ ногамъ монаршимъ выраженіе ея глубокой признательности всемилостивѣйшему Монарху, счастливящему ее, готовую всю кровь свою пролить за Батюшку Царя и за безцѣнную Россію.

Впрочемъ исключительность этого ея положенія Царской пенсіонерки, совершенно чрезвычайной, не вліяла на ея начальство, ко-

торое корнету Александрову нисколько не мирволило ни въ какомѣ случаѣ, и оно заставляло юнаго офицера нести тягости службы на ряду съ прочими. Такъ, въ это время пришла ея очередь дежурить въ эскадронномъ табунѣ на цѣлую недѣлю, среди обширнаго луга, отведеннаго для пастьбы гусарскихъ лошадей; былъ построенъ для дежурнаго офицера соломенный шалашъ, въ которомъ Дурова, подобно товарищамъ, проживала цѣлую недѣлю.

ГЛАВА XIV.

Поѣздка Дуровой въ Петербургъ.—Новая высочайшая милость.—Переводъ Дуровой въ уланы.—Наканунѣ 1812 года.

Вскорѣ всему Маріупольскому полку назначена была стоянка въ городѣ Слонимѣ, а между тѣмъ Дурова, не говоря никому ни слова о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, выпросила себѣ двадцати-восьми-дневный отпускъ для поѣздки въ Петербургъ съ цѣлью просить, чрезъ военнаго министра, Государя о переводѣ ея изъ гусаръ, форма которыхъ раззорительно дорога и рѣшительно не по ея средствамъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ въ 1811 году вышли важныя перемѣны: мѣсто военнаго министра отъ графа Аракчеева перешло къ *графу Барклаю де-Толли*, который отличался въ эту пору своею замкнутостью и суровою строгостью.

Послѣ явки Дуровой къ графу Барклаю-де-Толи, онъ приказалъ ей явиться къ нему на другой день для послѣдствій ея всеподданнѣйшаго прошенія объ оказаніи ей новаго всемилостивѣйшаго пособія, такъ какъ гусарская форма и условія гусарскаго быта для

ея оказываются невозможными, при настоящихъ крайне ограниченныхъ ея способахъ жизни и службы.

Когда, по приказанію министра, Дурова на слѣдующій день утромъ явилась къ нему, онъ велѣлъ ее пригласить въ кабинетъ, гдѣ изъ рукъ этого сановника она получила пакетъ съ 500 рублями съ весьма вѣжливымъ видомъ его сіятельства, который сказалъ, что Государь Императоръ полагаетъ этой суммы достаточно для освѣженія ея экипировки. Что-жъ ей было дѣлать? Она взяла безпрекословно эти деньги, поклонилась и пошла къ Петербургскимъ военнымъ портнымъ заказывать себѣ мундиръ съ принадлежностями. На эти деньги по одному только чуду можно бы было сдѣлать самую скромную гусарскую форму; но какъ время чудесъ прошло уже давнымъ давно, то она и рѣшилась окончательно перейти снова въ уланы, форма которыхъ несравненно дешевле формы гусарской и на 500 руб. съ нѣкоторыми натяжечками могла быть выполнена. Не долго думая она, тотчасъ же опять подала военному министру свое прошеніе о дозволеніи ей оставить службу въ Маріупольскомъ гусарскомъ полку и объ опредѣленіи ея въ уланскій Литовскій, состоящій въ той же дивизіи и переформированный изъ Коннопольскаго. Сверхъ этого она осмѣливалась просить нѣкоторую сумму денегъ для переѣзда изъ одного полка въ другой и для изготовленія себѣ снова полной уланской формы. Написавъ эту записку и доставивъ ее въ канцелярію военнаго министра для представленія оной его сіятельству, Дурова всячески спѣшила ускакать изъ Петербурга, полагая, что военный министръ, строгій, холодный и далеко не слишкомъ-то человѣчный, разругаетъ ее сгоряча и затѣмъ ничего не сдѣлаетъ. Но какъ ея въ Петербургѣ не будетъ, то бранить ему ее лично не придется, что въ продолженіе времени онъ обдумается самъ, сообразивъ, что денегъ ей дано мало и такъ въ обрѣзъ, что на это ей ничего нельзя сдѣлать и предпринять. И вотъ она ускакала въ полкъ.

Въ Слонимѣ жиды обступили, возвратившуюся изъ Петербурга,

Дурову съ предложеніями своихъ любезныхъ услугъ. Но, узнавъ, что золото у нея только на гусарской формѣ, отретировались. И вотъ она одна осталась въ незнакомомъ ей Слонимѣ жить въ домикѣ стараго, отставного гвардіи сержанта, какихъ въ тѣ времена былъ непочатый конецъ, и который съ утра до поздней ночи разсказывалъ ей свои военныя похожденія въ царствованіе Императрицы Екатерины II и подъ началомъ такихъ полководцевъ, каковы были Румянцевъ, Потемкинъ и въ особенности безсмертный графъ Рымникскій, князь Италійскій Александръ Васильевичъ Суворовъ славной памяти.

Въ апрѣлѣ 1811 года послѣдовалъ высочайшій приказъ о переводѣ корнета Александрова изъ Маріупольскаго гусарскаго полка тѣмъ же чиномъ въ Литовскій уланскій полкъ.

Хотя переводъ этотъ произведенъ былъ по желанію Дуровой, желанію, обусловленному обстоятельствами, со всѣмъ тѣмъ она съ прискорбіемъ разсталась съ ея достойными гусарскими товарищами. Она съ сожалѣніемъ скинула блестящій мундиръ свой и печально надѣла синій колетъ съ малиновыми отворотами, столь ей знакомыми по Коннопольскому полку.

— Жаль, Александровъ, говорилъ ей штабъ-ротмистръ Пятницкій,—жаль, что ты такъ для себя невыгодно преобразился; гусарскій мундиръ сотворенъ для тебя, въ немъ всѣ мы любовались тобою; но эта куртка!.. Что тебѣ вздумалось перейти?

Командовавшій полкомъ, полковникъ лифляндскій баронъ фонъ-Клебекъ призвалъ Дурову къ себѣ и сказалъ своимъ нечистымъ русскимъ языкомъ:

— Что это, Александровъ, вамъ вздумалось перейти въ другой полкъ? Мнѣ это очень непріятно! Я здѣсь новый человѣкъ, и много прекраснаго объ васъ слышалъ и радъ бы былъ съ вами послужить какъ съ примѣрнымъ офицеромъ!

Дурова не знала, что ей отвѣчать, хотя причины ея перехода

были какъ нельзя разумнѣе и справедливѣе; но какая-то фальшивая гордость воздерживала ее отъ того, чтобъ сказать правду-матку, что гусарская форма прекрасна, но ей не по карману.

Сказавъ послѣднее грустное прости храбрымъ сослуживцамъ и золотому по бѣлому сукну мундиру, она понеслась въ Домбровицу, гдѣ квартировали Литовцы въ полномъ сборѣ. Въ гусарахъ у нея былъ честнѣйшій и усерднѣйшій изъ деньщиковъ, — деньщикъ Зануденко, переведенный съ нею въ уланы, по ея желанію; но со всѣмъ тѣмъ онъ грустилъ о гусарствѣ, въ которомъ, какъ гусарскій сынъ, родился и состарѣлся до сѣдыхъ усовъ.

Но вотъ Дурова и въ Домбровицахъ. Въ это время, въ отсутствіе шефа генералъ-маіора *Тутолмина*, Литовскимъ полкомъ командовалъ полковникъ князь *Вадбольскій*, тотъ самый, у котораго Дурова была въ Тарнополѣ, розыскивая бѣглыхъ гусаръ изъ поляковъ. Видъ сине-малиновыхъ уланъ, пики съ флюгерами, уланскія шапки, своеобразный отпечатокъ этого новаго тогда въ Россіи рода войскъ, все это пробуждаетъ въ душѣ Дуровой воспоминаніе ея службы въ Коннопольскомъ полку, военныя дѣйствія въ прусскую войну, незабвеннаго карабахца Алкида, всѣ происшествія, славныя опасности, отчаянные подвиги.

Дурову назначили въ эскадронъ къ ротмистру Подъямпольскому, прежнему ея сослуживцу въ Маріупольскомъ полку, на ворономъ Вельзевулѣ котораго она испытала большую для гусара непріятность, потерявъ стремена и упавъ черезъ голову лошади. Доброму генію Дуровой угодно было такъ устроить, чтобы товарищами у нея были здѣсь въ эскадронѣ все лучшіе въ полку офицеры по поведенію, службѣ, образованію и воспитанію. Подъямпольскій пока не далъ Дуровой никакого взвода, жила же она у него на его квартирѣ, куда ежедневно пріѣзжали взводные начальники, и это общество проводило пріятно свое время. Эти офицеры: Шварцъ, Чернявскій и два брата Торнези.

Шефъ полка, генералъ Тутолминъ, возвратился. Онъ былъ премилый человѣкъ; любилъ и умѣлъ хорошо жить и пожить. Онъ часто устраивалъ прехорошенькіе балики для дамъ сосѣдственныхъ помѣстьевъ. Графиня и графъ Платеръ увлеклись свѣтскимъ примѣромъ генерала Тутолмина и стали продолжать свои балы уже не до восьми только, а до двѣнадцати часовъ, за что привлекли себѣ общую признательность всего полковаго общества.

Генералъ Тутолминъ былъ красавецъ во всей силѣ этого слова, къ тому же онъ холостъ. Хотя ему всѣ 45 лѣтъ, но на видъ никто болѣе 30 лѣтъ не давалъ. Дѣвушки и дамочки изъ окрестныхъ помѣстій всѣ были неравнодушны къ нему и многія изъ нихъ мечтали сдѣлаться генеральшей Тутолминой. Но его превосходительство былъ одинаково вѣжливъ со всѣми и никому и на волосъ не давалъ предпочтенія. Но, однако, стальное сердце генерала не устояло противъ высокихъ достоинствъ такой писанной красавицы, какова графиня Мануци, пріѣхавшая погостить къ отцу и матери, графу и графинѣ Платеръ. Красавецъ Тутолминъ и красавица Мальвина Мануци стали неразлучны: балъ у Тутолмина смѣнялся баломъ у Платеровъ. Уланы танцовали поутру, танцовали вечеромъ. Послѣ развода, который теперь всякій день дѣлался съ музыкою и полнымъ парадомъ, и всегда передъ глазами сіятельнаго *генералъ-инспектора*, какъ уланы прозвали очаровательную графиню съ ея божественными черными глазами. Послѣ развода съ церемоніею всѣ шли завтракать къ любезному шефу, гдѣ такъ мило стала хозяйничать двадцативосьмилѣтняя вдовушка-графиня.

Но вдругъ, въ одно утро, былъ полученъ въ полковомъ штабѣ приказъ съ роковыми словами: «*выступить въ двадцать четыре часа*!»

Серьезный служака и рубака ротмистръ Подъямпольскій, почти никогда не выѣзжавшій въ свѣтъ, обратясь къ Дуровой и другимъ молодымъ офицерамъ, спросилъ:

— Опомнились ли вы, наконецъ? Я думалъ, вы на смерть закружитесь!

Молодежь отвѣчала, что въ ушахъ ея все еще раздаются звуки послѣдняго котильона.

— Ну, хорошо, продолжалъ хладнокровно серьезный ротмистръ. А вотъ теперь, господа взводные командиры, начнемъ съ вами котильонъ, котораго фигуры будутъ, повидимому, довольно-таки трудны... Прощайте дружки любезные! У насъ полныя руки дѣла!

И мигомъ всѣ взводные отправились къ своимъ мѣстамъ.

ГЛАВА XV.

Приготовленія къ войнѣ 1812 года.—Производство Дуровой въ поручики.—Выступленіе въ походъ.—Отступленіе русской арміи до Смоленска.—Трудности похода для Дуровой.

Марта 11-го 1812 года уланы снялись съ своихъ квартиръ и двинулись въ Бѣльскъ, навостривъ очень сильно желѣзныя копійца дротиковъ, сабли, вычистивъ и зарядивъ карабины и пистолеты и пойти должны были куда-то далѣе.

Толкуютъ старики уланы, что всякій разъ, какъ войско русское двинется куда-нибудь, двинутся съ нимъ и всѣ непогоды. Въ 1812 году нельзя было не повѣрить этой уланской примѣтѣ, потому что со дня выступленія провожали войска снѣгъ, холодъ, вьюга, дождь и пронзительный вѣтеръ.

Ротмистръ Подъямпольскій въ это время былъ занятъ разсчетами въ штабѣ. Дурова, которую около этого времени не думано, нежданно произвели въ поручики по Высочайшему Его Императорскаго

Величества повелѣнію, оставалась старшимъ офицеромъ по немъ и командовала эскадрономъ, но весьма недолго, потому что два дня спустя Подъямпольскій возвратился изъ штаба.

Въ первомъ селеніи *Костюковкѣ* эскадрону была назначена дневка. Квартирою четыремъ офицерамъ, и въ томъ числѣ Дуровой, служила крестьянская хижина, почернѣвшая, закоптѣлая, пропитанная дымомъ, съ растрепанною соломенной кровлей, землянымъ поломъ и похожая снаружи на раздавленную черепаху. Передній уголъ этой отвратительной лачуги заняло офицерство; а у порога и печи расположились офицерскіе деньщики, прилежно занимаясь чисткою удилъ, мундштуковъ, стремянъ, смазываньемъ ремней и тому подобными походными кавалерійскими работами.

Отсюда перешли въ селеніе *Мещененко*. Дуровой привелось стоять на квартирѣ у уніятскаго священника, молодая жена котораго, никакъ не подозрѣвая дѣвушку въ молоденькомъ панѣ-поручикѣ Александровѣ, который, повидимому, ей до того понравился, что она стала съ нимъ заигрывать, стараясь составлять обѣдъ въ сколь возможно лучшемъ и благородномъ вкусѣ, что очень не нравилось попу-уніяту, любившему блюда самыя грубыя и въ особенности гречневую кашу на говяжьемъ салѣ съ поджаренными жеребейками свинаго сала. Кончилось тѣмъ, что уніятскій попъ приревновалъ къ юному (мнимому) сопернику своему поручику Александрову и просилъ ротмистра Подъямпольскаго перевести его на другую квартиру, что много заставило хохотать товарищей Дуровой.

Вышедши отсюда, эскадронъ прошелъ немного и опять дневка въ отвратительномъ селеніи *Чесночки*, откуда Подъямпольскій поѣхалъ на три дня въ штабъ для какихъ-то разсчетовъ и соображеній, неразлучныхъ съ хозяйственною частью каждаго военнаго отряда. Товарищей Дуровой послали *фуражировать*, т. е. доставать овса и сѣна для эскадронныхъ лошадей, а она осталась командиромъ (на три дня) эскадрона и повелителемъ, на все это время, всей деревни

по праву сильнаго. Дурова такъ мало заботилась узнать что-нибудь, касающееся этой деревушки, кромѣ своихъ конюшенъ, что даже не знала и не вѣдала, есть ли въ ней какое-нибудь почтовое учрежденіе. Но въ это утро она имѣла удовольствіе узнать это. Окончивъ всѣ занятія по службѣ, взяла она какую-то переведенную съ французскаго сказку, уже который мѣсяцъ слѣдующую за ней, и стала-было ее перечитывать въ сотый разъ отъ нечего дѣлать и отъ нечего лучшаго читать, и вотъ, когда она съ этою книгою прилегла-было на свой походный диванъ, т. е. простую деревянную лавку съ ковромъ, служащимъ иногда и попоною, дверь вдругъ отворилась и вошелъ очень молодой пѣхотный офицеръ.

— Позвольте узнать, кто здѣсь командуетъ эскадрономъ? спросилъ онъ.

— Я, отвѣчала Дурова.

— Прикажите, сдѣлайте милость, дать мнѣ лошадей, я спѣшу въ полкъ, вотъ моя подорожная; жидъ, содержатель почты, не даетъ мнѣ лошадей, говоря, что всѣ до одной въ разгонѣ. Но онъ нахально лжетъ, потому что я видѣлъ болѣе десяти штукъ, которыхъ вели съ водопоя.

— Сію минуту будутъ у васъ лошади, сказала Дурова съ начальственной важностью,—прошу покорно садиться. Послать ко мнѣ дежурнаго по эскадрону.

— Ступай сейчасъ на почту и прикажи сейчасъ же жиду отъ моего имени заложить лошадей въ экипажъ господина офицера, хотя бы жидъ и увѣрялъ, какъ всегда они увѣряютъ, что у него однѣ курьерскія. Когда кони запряжены будутъ, ты тотчасъ приведи ихъ съ экипажемъ сюда.

Дежурный пошелъ, и черезъ двѣ минуты возвратился съ жидомъ-почтосодержателемъ. Іуда клялся и говорилъ, что не дастъ лошадей, потому что на лицо однѣ только курьерскія.

— А вотъ увидимъ, какъ ты не дашь лошадей, сказала Дурова, не глядя на жида, а, обратясь къ дежурному, сказала:

— Я приказалъ тебѣ, чтобъ лошади были непремѣнно заложены. Зачѣмъ пришелъ ты ко мнѣ съ жидомъ? Это, братъ Ермихинъ, ужъ совсѣмъ не по-улански, а чортъ знаетъ по-каковски.

Съ окончаніемъ этого вопроса съ замѣчаніями Дуровой, дежурнаго унтеръ-офицера и жида, умѣвшаго его умаслить, словно вихремъ вынесло за дверь, и едва прошло десять минутъ, какъ экипажъ офицера подкатился къ крыльцу хатки, занятой Дуровой. Офицеръ всталъ и спросилъ:

— Не служили ли вы когда въ гусарахъ?

— Служилъ.

— И вѣрно въ Маріупольскомъ полку? И вѣрно вы Александровъ?

— Да. Почему вы это знаете?

— Я былъ при штабѣ генерала Милорадовича въ Кіевѣ, когда вы состояли у него въ ординарцахъ. Моя фамилія *Горленко*, подпоручикъ Евпаторійскаго пѣхотнаго полка. Дурова изъ учтивости сдѣлала видъ, будто вспомнила о человѣкѣ, котораго не помнила, видѣла ли когда нибудь. Но они разстались пріятелями, обнявшись и разцѣловавшись. Подпоручикъ Горленко былъ очень доволенъ, что онъ могъ помчаться на почтовой тройкѣ; а Дурова, съ своей стороны, была очень довольна тѣмъ, что заставила негоднаго жида дать лошадей, не забывъ еще тѣхъ придирокъ и задержекъ, которыя испытывала она на станціяхъ съ Волыни до Ирбита, когда ѣздила первый разъ въ отпускъ. Всѣ тогдашнія продѣлки станціонныхъ смотрителей пришли ей на память, какъ только Горленко вымолвилъ, что ему не даютъ лошадей, подъ предлогомъ, будто онѣ всѣ въ разгонѣ, и она обрадовалась случаю отмстить хоть одному изъ нихъ.

По возвращеніи трехъ товарищей съ фуражировки, пришла оче-

редь Дуровой быть *фуражиромъ*. И вотъ ей, подобно какъ и другимъ, дали команду изъ двѣнадцати человѣкъ уланъ, дали предписаніе за подписью командира полка и полковою печатью, ѣздить по окружнымъ помѣстьямъ, требовать именемъ закона у помѣщиковъ овса и сѣна, забирать все это и въ замѣнъ давать росписки, съ которыми помѣщики могутъ посылать своихъ старостъ въ эскадронъ, чтобы тамъ получить формепныя квитанціи, и съ ними опять ѣхать въ полковой штабъ; тамъ тоже дадутъ квитанціи, и съ этими квитанціями могутъ гг. помѣщики или ихъ управляющіе и вообще довѣренныя лица явиться въ комиссію для полученія уплаты наличными деньгами.

Первымъ поприщемъ своихъ дѣйствій Дурова избрала помѣстье подкоморнаго Лещинскаго, въ 30 верстахъ отъ эскадронныхъ квартиръ. Порученіе ея казалось ей довольно щекотливымъ, и оттого она пришла въ большое замѣшательство, когда увидѣла домъ пана Лещинскаго въ десяти шагахъ отъ себя.

Она не знала, какъ начать, что сказать? Можетъ быть, это человѣкъ почтенный, старецъ, отецъ семейства, приметъ ее радушно, сочтетъ за гостя; а она, она будетъ требовать овса и сѣна почти чуть не даромъ! Ей вѣдь было хорошо извѣстно, что поляки неохотно отдаютъ свои сельскія произведенія подъ квитанціи, и употребляютъ всякіе способы, чтобъ избавиться отъ нихъ. Какъ бы ни былъ вѣренъ платежъ по квитанціямъ, но все веселѣе и вѣрнѣе, не подвергаясь сотнямъ мытарствъ и десяткамъ разъѣздовъ за этими квитанціями. Разсуждая, размышляя и краснѣя отъ готовящейся сцены, Дурова все-таки доѣхала, взошла въ комнаты, оставивъ команду на дворѣ, и предчувствіе не обмануло ее.

Дурову встрѣтилъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти. Лицо его было печально, взоръ безпокоенъ. Было однакожъ примѣтно, что причина этому не нагрянувшіе фуражиры, а, повидимому, какая-то душевная скорбь, чисто домашняго источника. Поляки, по свойству своей на-

туры, очень вѣжливы. Онъ пригласилъ Дурову сѣсть, прежде нежели спросилъ, что доставляетъ ему честь видѣть пана-офицера въ своемъ домѣ. Наконецъ начало было сдѣлано; вопросъ, столько пугавшій Дурову, вылетѣлъ изъ устъ ея хозяина; она отвѣчала, что имѣетъ порученіе отъ Литовскаго уланскаго полка отыскивать фуражъ, гдѣ только есть возможность достать его и купить.... разумѣется не на наличныя деньги, а подъ квитанцію, какъ это установлено закономъ.

— Я не могу вамъ служить этимъ, сказалъ помѣщикъ равнодушно;—недѣля тому назадъ, у меня сгорѣло все: овесъ, сѣно, пшеница, рожь, и я теперь послалъ людей къ сосѣднимъ помѣщикамъ купить для себя всего этого, если продадутъ. Квартированіе ваше, господа кавалеристы, очень выгодно для тѣхъ изъ насъ, у которыхъ есть что продавать вамъ, но служитъ величайшимъ подрывомъ для тѣхъ, которые, подобно мнѣ, ищутъ купить.

Въ продолженіе этого заявленія польскаго помѣщика ему и гостю его поданъ былъ прекрасно приготовленный кофе со сливками и съ разными польскими печеньями.

Лещинскій продолжалъ:

— Вы, господинъ офицеръ, имѣете порученіе весьма затруднительное и деликатное, простите мою откровенность; но подъ квитанціи ни одинъ помѣщикъ не продастъ вамъ продуктовъ земли своей; не продалъ бы и я, даже и тогда, еслибы всѣ мы не имѣли бы другой дороги сбыть ихъ. Посудите же, отдадутъ ли ихъ охотно вамъ теперь, когда имѣютъ случай продать за наличныя деньги?

Дурова встала въ нерѣшимости и не знала что дѣлать: уѣхать, не говоря болѣе ни слова, или показать ему предписаніе? — Лещинскій тоже всталъ.

— Вы уже ѣдете?, сказалъ онъ вопросительно. Жалко очень, что не могу исполнить вашего требованія; мнѣ пріятно было бы долѣе

пользоваться удовольствіемъ видѣть васъ у себя, еслибъ я не былъ убитъ жесточайшимъ горемъ: вчера я схоронилъ сына!...

Онъ не могъ болѣе ничего сказать; глаза его затмились слезами, и онъ опустился въ кресло, не будучи въ состояніи держаться на ногахъ. Дурова поспѣшно вышла, сѣла на лошадь и въ галопъ ускакала съ своими уланами.

Подъ вечеръ пріѣхала она въ богатое помѣстье Старостины Цевелевской, и теперь уже нѣсколько смѣлѣе вошла въ комнату. Какъ на бѣду, и здѣсь надо было имѣть дѣло съ старостью. Дурову, подъ видомъ поручика Александрова, приняла почтенная дама лѣтъ восьмидесяти. Узнавъ причину пріѣзда уланскаго офицера съ командою старушка безпрепятственно велѣла позвать своего эконома (дворецкаго) и просила пана-офицера заняться чѣмъ нибудь для своего развлеченія до прихода этого подначальнаго ей хозяина. Говоря это, старушка отворила дверь въ другую комнату. Это была весьма обширная зала, гдѣ собраны были въ изобиліи всѣ способы забавляться: воланъ, билліардъ, кольцо, карты, шашки, шахматы, вырѣзныя картинки, альбомы, гитара, арфа...... Дурова встрѣтила тутъ цѣлое общество человѣкъ съ восемь молодежи, юношей и дѣвицъ. Всѣ они занимались беззаботно и весело разными играми.

— Это все мои внуки и внучки, сказала старая хозяйка, вводя Дурову. Молодые люди, трое, и пять дѣвицъ и дѣвочекъ просили ее принять участіе въ ихъ играхъ и забавахъ. Дурова тотчасъ согласилась, и отъ всей души предавалась удовольствію играть во всѣ игры поочередно. Подхватывая и отбрасывая воланъ, она въ то же время слушала игру на арфѣ одной изъ дѣвицъ и восхитительное пѣніе другой. Ей стало такъ пріятно, что она весьма желала, чтобы приходъ эконома сколько можно долѣе замедлился. Она обрадовалась, что экономъ пришелъ только къ самому ужину, когда восьмидесятилѣтняя старостина объявила, что можетъ дать овса не болѣе десяти четвертей и четырехъ возовъ сѣна, съ тѣмъ однако, чтобы людямъ

ея было заплачено за провозъ, и чтобы съ роспискою господина офицера ѣхалъ въ эскадронъ, т. е. 50 верстъ, его унтеръ-офицеръ. Не взирая на всѣ эти условія, Дурова выразила полнѣйшую свою благодарность.

Послѣ ужина оставивъ домъ древней старостины, она рѣшилась ѣхать всю ночь, чтобъ на разсвѣтѣ посѣтить еще деревню отставнаго капитана польской народовой гвардіи пана Гремельшевича. Жиды сказали Дуровой, что у этого пана очень много заготовлено овса и сѣна, и именно на продажу, преимущественно пріѣзжающимъ изъ-за границы какимъ-то тайнымъ скупщикамъ, выплачивающимъ деньги очень крупныя налично и оставляющимъ купленный ими фуражъ подъ отвѣтственностью продавцевъ впредь до востребованія. Очевидно, то были передовые агенты провіантскаго управленія Напелеонова штаба, озабоченнаго прокормомъ въ Россіи многочисленной французской кавалеріи, долженствовавшей съ его полумилліонною арміею вступить въ предѣлы Россіи.

Старый народовецъ Гремельшевичъ, къ которому Дурова явилась въ десять часовъ утра, принялъ ее со всѣмъ радушіемъ стараго кавалериста, принимающаго въ домѣ своемъ юнаго кавалериста, и угостилъ неизбѣжнымъ кофе со всѣми принадлежностями.

Зная причину пріѣзда уланскаго офицера съ нѣсколькими *зольнержами* (солдатами) на коняхъ, отставной капитанъ народовой гвардіи покачалъ сивою своею головою, пожалъ плечами и сказалъ:

— Ну, а если я не дамъ вамъ подъ вашу росписку овса, господинъ поручикъ, что тогда?

— Тогда у меня не будетъ овса, отвѣчала хладнокровно Дурова.

— Вы, молодой человѣкъ, умѣреннѣе, нежели я ожидалъ, и это дѣлаетъ вамъ много чести. Зачѣмъ ваши начальники не посылаютъ васъ съ наличными деньгами вмѣсто права давать росписки?

— Не знаю; это уже, думаю, хозяйственное распоряженіе полка.

Но вѣдь и вамъ должно быть все равно, что росписка, что деньги: разница только во времени; получите немного позже, потому что надобно ѣхать за ними въ провіантскую комиссію.

Народовецъ разсмѣялся:

— Ахъ, какъ вы еще молоды, милый товарищъ! Пойдемте, однакожъ, пойдемте; я велю дать вамъ 20 четвертей овса, болѣе этого не могу и не хочу удѣлить вамъ отъ назначеннаго мною въ продажу не иначе, какъ на наличныя, потому что два сосѣднихъ конноззаводчика, у которыхъ собственнаго фуража не хватаетъ на прокормъ своихъ коней, законтрактовали у меня *богатко* (много) овсеца и сѣнца, заручившись довольно крупными выдачами впередъ и и залогами.

Онъ, при этомъ, вынулъ изъ кармана контракты съ коннозаводчиками, чрезъ что вполнѣ опровергъ жидовочную сплетню о произведенной имъ продажи для непріятельской кавалеріи.

Дурова такъ обрадовалась этимъ двадцати четвертямъ овса, которыя превышали ея ожиданія и давали ей возможность возвратиться въ эскадронъ, что она схватила руку стараго народовца и побѣжала-было съ быстротою лани, таща его съ собою.....

— Тише, тише, молодой человѣкъ! Вѣрю, что вамъ пріятно получить столько овса безъ хлопотъ; но моя пора бѣгать прошла уже; сверхъ того я въ войну Польши съ вашимъ ужаснымъ фельдмаршаломъ Суворовымъ въ дни такой же моей молодости, какая ваша теперь, раненъ былъ въ обѣ ноги; и такъ пойдемъ шагомъ, а не въ карьеръ.

Дурова устыдилась своего неумѣстнаго и ребяческаго восхищенія, и молча шла подлѣ своего доброхотнаго хозяина. Они прошли черезъ прекрасный садъ и вышли къ его житницамъ. Тутъ стоялъ помѣщичій экономъ и уланы. Наконецъ, все было готово. Она отправила всѣхъ своихъ уланъ съ этою пріятною добычей, и оставила при себѣ только одного, располагая провести весь этотъ

день у любезнаго народовца и завтра возвратиться въ эскадронъ.

Старый капитанъ такъ доволенъ былъ товариществомъ юнаго улана, что просилъ его самымъ убѣдительнымъ образомъ остаться у него еще дня на два, говоря:

— Ваша цвѣтущая юность, живость, веселость—приводятъ мнѣ на память и оживляютъ въ душѣ моей счастливое время молодости. Таковъ я былъ въ ваши лѣта. Останьтесь, молодой человѣкъ, подарите эти два дня старику, который полюбилъ васъ какъ сына.

Дурова осталась. Въ награду ея уступчивости панъ Гремельчевичъ тотчасъ, чрезъ верховыхъ нарочныхъ изъ дворской челяди, называемыхъ «налетами», пригласилъ къ себѣ изъ окружныхъ фольварковъ семейства три или четыре съ молодежью. Дурова провела весело эти два дня у браваго народовца и съ сожалѣніемъ оставила его гостепріимный домъ, когда надо было возвратиться въ эскадронъ, который опять двинулся въ путь. Прошли верстъ сто и опять получили повелѣніе остановиться. Стали въ это время поговаривать, что Наполеонъ вступилъ въ границы наши съ несмѣтными силами, собранными изъ всей Европы, кромѣ Англіи и Испаніи, которыя сами воевали тогда съ нимъ.

Въ эту пору Дурова стала себя чувствовать какъ-то равнодушнѣе къ военнымъ подвигамъ. Нѣтъ уже тѣхъ превыспреннихъ мечтаній, тѣхъ вспышекъ, порывовъ. Она не была уже расположена, какъ было за пять лѣтъ передъ симъ, ходить съ каждымъ эскадрономъ въ атаку, а будетъ довольствоваться своимъ, въ которомъ имѣетъ взводъ. Очевидно, она сдѣлалась разсудительнѣе; опытность взяла свою обычную дань и съ ея пламеннаго воображенія, т. е. дала ему приличное направленіе.

Сдѣлавъ эти сто верстъ, уланы пришли къ берегу рѣки Нарева, въ самую что ни есть жалкую деревушку. Каждую ночь уланскія лошади осѣдланы, сами уланы одѣты и съ ногъ до головы вооружены. Съ полуночи половина эскадрона садилась на лошадей и вы-

ѣзжала за селеніе содержать постъ и дѣлать разъѣзды; другая оставалась въ готовности въ сѣдлѣ. Днемъ они спали. Этотъ родъ жизни заставилъ Дурову вспомнить стихи Жуковскаго:

Близь Наревы домъ мой тѣсный:
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ,
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.

Это точь въ точь они, Литовскіе уланы въ маѣ мѣсяцѣ 1812 года всякую полночь они сѣдлали, выѣзжали; и домикъ, который Дурова занимала, былъ тѣсенъ, малъ и близь самой Наревы...

Когда эскадронъ выходилъ отсюда одновременно съ полкомъ, то на одномъ мосту произошла такая давка и такой безпорядокъ отъ разбѣсившихся лошадей, что бѣдная наша *Амазонка изъ Ирбита*, какъ впослѣдствіи Дурова сама себя называла, была сильно сдавлена множествомъ лошадей чужихъ эскадроновъ, изъ коихъ одна заводная безъ сѣдока такъ сильно лягнула ея ногу, которую разнесло и которая почернѣла словно уголь, что штабъ-лекарь Корниловичъ приговорилъ-было ногу эту къ отнятію. Но, къ счастью, какой-то полковой не болѣе, какъ коновалъ, прилѣпилъ къ ранѣ ноги какой-то пластырь и какую-то примочку, какія онъ употреблялъ для пользованія конскихъ ранъ, и не только не нужно было ногу *ампутировать* (отнимать, рѣзать), но даже Дуровой не пришлось сѣсть въ лазаретную фуру, и она ѣхала спокойно въ сѣдлѣ, и рана затянулась сама собою, а кость легко срослась.

Въ это время Дурову занимало и вмѣстѣ огорчало то обстоятельство, что Литовцамъ, не бывшимъ еще ни въ какомъ дѣлѣ, повелѣно отступать, и они отступать стали очень поспѣшно. Разъ какъ-то они шли на прямикъ безъ дороги, лѣсомъ; ей казалось, что они спѣшатъ прямымъ путемъ на непріятеля, а вышло на повѣрку,

что они поспѣшно прискакали, чтобъ вытянуть свой фронтъ въ высокихъ конопляхъ, хотя слышно было, что впереди ихъ шелъ бой....

Шефъ Литовскаго полка, генералъ-маіоръ Тутолминъ, отрапортовался больнымъ еще въ Бѣльскѣ и оставилъ полкъ на произволъ судьбы, а самъ имѣлъ безстыдство швырнуть свою боевую саблю къ ногамъ прелестной польской графини, въ которую онъ влюбился до безумія. Вмѣсто Тутолмина уланами назначенъ былъ командовать полковникъ Новороссійскаго драгунскаго полка баронъ Штакельбергъ, а генералъ-маіоръ *Крейцъ*, шефъ Новороссійцевъ, бригаднымъ командиромъ Литовцевъ.

Они долго стояли въ коноплихъ. День былъ жарокъ до нестерпимости. Ротмистръ Подъямпольскій спросилъ Александрова, не хочетъ-ли купаться? И когда она отвѣчала, что очень бы хотѣла, тогда онъ приказалъ ей взять 14 человѣкъ уланъ, отряженныхъ имъ за водою къ ближней рѣчкѣ, которая была также недалеко и отъ сражающихся.

— Теперь, Александровъ, вотъ случай выкупаться, сказалъ ротмистръ,—только, смотри, будь остороженъ, непріятель близко.

— Что-жъ мы не деремся съ нимъ? спросила Дурова, вставая съ лошади, чтобъ идти къ рѣкѣ.

— Какъ будто всѣмъ за разъ надобно драться? Подожди еще, достанется и на твою долю. Ступай! Не мѣшкай! Да, смотри, пожалуйста, Александровъ, чтобъ соколы-то твои не разлетѣлись.

Дурова пошла позади своей команды, велѣвъ унтеръ-офицеру идти впереди, и въ такомъ порядкѣ привела ихъ къ рѣкѣ. Оставивъ уланъ наполнить котелки свои свѣжею водою, умываться, пить воду и освѣжаться, какъ могли, она сама ушла на полверсты по теченію, проворно раздѣлась (подальше отъ нескромныхъ глазъ) и съ неизъяснимымъ удовольствіемъ бросилась въ свѣжія, холодныя струи. Разумѣется, помня наставленіе ротмистра, она недолго могла

тутъ благодушествовать: минутъ черезъ десять она вышла изъ воды и одѣлась еще скорѣе, нежели раздѣлась, такъ какъ стрѣльба слышна была уже на близкомъ разстояніи. И она повела свою маленькую команду, освѣженную, ободренную и несущую на плечахъ своихъ въ котелкахъ благотворную влагу своимъ товарищамъ.

Вскорѣ весь эскадронъ Подъямпольскаго отряженъ былъ на пикетъ. Дуровой пришла очередь разводить, ставить и объѣзжать ведеты. Для этого дано ей полъ-эскадрона; съ другою половиною Подъямпольскій распоряжался въ фольваркѣ. Получивъ отъ ротмистра наставленія, какъ въ какомъ случаѣ поступать, какія брать предосторожности, и что наблюдать при размѣщеніи часовыхъ, Дурова отправилась съ своимъ полуэскадрономъ на гору къ монастырю, гдѣ надобно было поставить первый ведетъ. Половиною людей своихъ Дурова заняла назначенные пункты, а другая была въ готовности, чтобы по прошествіи урочнаго времени смѣнить ихъ. Была уже полночь, когда Дурова подъѣхала смѣнять свои ведеты. Подъѣзжая къ селенію, расположенному недалеко отъ той горы, гдѣ находился католическій монастырь, она приказала уланамъ ѣхать по травѣ, прижать сабли колѣномъ къ сѣдлу, чтобъ не звякали въ ножнахъ, и не слишкомъ сближаться одному съ другимъ, чтобъ не брянчать стременами. У самаго селенія остановила она свою команду и поѣхала одна осмотрѣть, не кроется-ли гдѣ непріятель. Мертвое молчаніе царствовало повсюду; всѣ дома были брошены своими жителями; все было тихо и пусто, и одна только черная глубь растворенныхъ сараевъ и конюшенъ крестьянскихъ странно какъ-то зіяла на нее. *Зелантъ*, новый конь Дуровой, имѣлъ много превосходныхъ качествъ лошади легкокавалерійской офицерской службы; но, къ сожалѣнію, у него былъ одинъ крупный, въ военное время, порокъ, за который пришлось его изъ жеребцовъ разжаловать,—именно порокъ ржать, когда отставалъ отъ лошадей и находился въ одиночествѣ. Но въ настоящій часъ, умный конь, казалось, таилъ дыханіе, ни-

сколько не ржалъ и ступалъ такъ легко, неслышимо по твердому полотну дороги, что сама всадница его не слыхала топота его подкованныхъ копытъ. Увѣрясь, что въ селеніи нѣтъ ни души, она возвратилась къ своимъ уланамъ и повела ихъ черезъ деревню къ подошвѣ горы. Тутъ, взявъ съ собою двухъ уланъ и одного унтеръ-офицера, оставила она всю свою команду, а сама поѣхала на гору къ стѣнамъ монастыря, чтобъ смѣнить главный ведетъ.

— Намъ что-то слышится въ полѣ, ваше благородіе, говорили уланы, — и что-то маячитъ то тамъ, то сямъ, какъ будто люди на коняхъ; но разглядѣть порядочно не можемъ, а чуть-ли то не французы.

Дурова сказала, что ежели при окликѣ не скажутъ лозунга, то стрѣлять по нимъ, и взявъ съ собою смѣненныхъ уланъ, поѣхала къ оставленной подъ горою командѣ. Проѣзжая рощу, окружавшую монастырь, она очень удивилась, увидѣвъ одного изъ тѣхъ своихъ людей, которые должны были ждать ее у подошвы горы, идущаго къ ней пѣшкомъ.

— Что это значитъ, спросила она; зачѣмъ ты здѣсь и безъ лошади?

Онъ отвѣчалъ, что лошадь сшибла его.

— Какъ! Стоя на мѣстѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ. На насъ напали французы; унтеръ-офицеръ, которому ваше благородіе поручили насъ, убѣжалъ первый. Намъ нечего было дѣлать, и мы разбѣжались въ разныя стороны. Я поскакалъ-было къ вамъ, чтобъ дать знать; но я сидѣлъ на проклятой браковкѣ, мой «Чалый» захромалъ и мнѣ дали это сатанинское корнаухое отродье. Онъ, пакостникъ, чтобъ чортъ его пробралъ, сталъ на дыбы, забилъ задомъ, словно бѣленой облопался и сбилъ меня съ себя, да еще норовилъ все ногу прокусить, анаөема. Онъ, сибирный, убѣжалъ къ французамъ что-ли, а я вотъ въ пѣхотинцахъ сталъ.

— Гдѣ-жъ французы? спросила Дурова.

— Не знаю, ваше благородіе.

— Прекрасно!..

Дурова понимала, что она не вправѣ была взыскивать съ рядоваго, когда унтеръ-офицеръ (полякъ) оказался подлецомъ и бѣжалъ; но чрезвычайно была недовольна и встревожена этимъ обстоятельствомъ.

При выѣздѣ изъ рощи увидѣла она толпу конныхъ людей, которые что-то нерѣшительно переминались: то поѣдутъ, то станутъ, то осадятъ лошадей и наклонятся одинъ къ другому. Вооружены всѣ они были тонкими колеблющимися красными пиками, какъ у нашихъ Донцовъ. Дурова остановилась, чтобъ всмотрѣться, что это за исторія такая; но услышавъ русскій разговоръ, тотчасъ подъѣхала къ этимъ людямъ и спросила, кто они.

— Казаки, отвѣчалъ ей одинъ изъ нихъ.—Хорошо, что вы остановились, продолжалъ онъ, а то мы ужъ хотѣли знатно *вдарить* (ударить) на васъ.

— Для чего же ударить, не окликнувъ, не спрося лозунга, не узнавъ навѣрное, непріятель или свой? Да и что это значитъ: *Хорошо что вы остановились?*

— А какъ же! Вѣдь вы, господа уланы, давича стрѣчка дали отъ насъ.....

Тогда все объяснилось: нѣсколько человѣкъ казаковъ, не больше дюжины, рыская, по обыкновенію, по всѣмъ мѣстамъ, заѣхали и въ пустую деревню посмотрѣть, нѣтъ ли чего или кого; оттуда пустились въ монастырь, и увидя подъ горою конный отрядъ съ уланскими дротиками, сочли его, по малиновымъ отворотамъ, какихъ они, Данилычи, въ Россіи не видывали, за французовъ или скорѣе за поляковъ наполеоновскихъ знаменитаго Понятовскаго. Казаки принялись совѣщаться между собою: гикнуть имъ или не гикнуть?,—а между тѣмъ дрянной уланскій унтеръ-офицеръ изъ Бѣлорусской шляхты и всѣ остальные ведеты изъ поляковъ, жмудины, да русскіе

изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ дворовыхъ, одинъ даже перекрестъ-жиденокъ, бывшій лавочный мальчишка, а теперь уланъ чрезъ вербунку,—бросились, какъ стадо козъ отъ волка, скакать сломя голову во всѣ стороны. Это разсыпное бѣгство и быстрота лошадей уланскихъ, спасли бѣглецовъ отъ преслѣдованія казаковъ, которые, взъѣхавъ на гору, осмотрѣли ястребинымъ своимъ глазомъ монастырь, и не найдя никого и ничего, отправились обратно; но увидѣвъ офицера съ тремя уланами, приняли-было за тѣхъ же, по ихъ мнѣнію, французовъ, которые отъ одного вида ихъ бѣжали, и еслибъ Дурова не подъѣхала къ нимъ съ вопросомъ, то они ударили бы на пикетныхъ уланъ въ пики.

— Ужъ, правду сказать, мы было-хотѣли принять васъ хорошенько! сказалъ одинъ, особенно бравый казакъ лѣтъ пятидесяти.

— Куда вамъ, Данилычи! отвѣчала съ досадою Дурова.—Наши уланскія дубовыя пики не чета вашимъ лучинкамъ, и вы не нашли-бъ мѣста, куда убѣжать отъ нашихъ доброѣзжихъ коней,—и затѣмъ, не слушая болѣе казацкихъ разговоровъ, она поѣхала своею дорогою. Свыше всякаго выраженія она была обезкуражена и недовольна. Будущее представлялось ей въ ужасномъ видѣ. Можно-ль пуститься на какое нибудь славное дѣло съ такою сволочью? При одномъ видѣ опасности эти негодяи убѣгутъ, выдадутъ, остыдятъ. Дурова стала горевать о томъ зачѣмъ она оставила доблестныхъ своихъ гусаровъ. Они дышатъ храбростью и всякія опасности ихъ сфера, а потому и слава съ ними неразлучна!...

Дурова, предаваясь горю своему, такъ думала:

— Все пропало теперь для меня въ будущемъ. Но что ожидаетъ меня еще теперь? Трусы эти вѣрно уже встревожили резервъ. Подъямпольскій можетъ послать въ главную квартиру съ этимъ адскимъ донесеніемъ: «Пикетъ подъ начальствомъ Александрова разбитъ непріятелемъ». И вотъ спокойствіе и самая безопасность арміи потревожены потому только, что Александровъ или трусъ, или глу-

пецъ, позволилъ себя разбить не защищаясь, не давъ знать резерву, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; иначе непріятелю нельзя было бы такъ удобно прорѣзать передовую цѣпь ведетовъ! А мнѣ было сказано тамъ, въ Зимнемъ Дворцѣ, *что и тѣнь пятна на имени Александрова не простится никогда!....*

Мысли и чувства, черныя какъ ночь, тяготили умъ и сердце Дуровой; она ѣхала шагомъ въ сопровожденіи трехъ уланъ, съ нею оставшихся. Вдругъ сильный топотъ скачущаго во весь опоръ полуэскадрона поразилъ слухъ ея. Взглянувъ впередъ, увидѣла она поручика Торнези 2-го, несущагося какъ вихрь, а за нимъ летящій полуэскадронъ. Увидѣвъ ее, онъ вскрикнулъ съ изумленіемъ, останавливая свою лошадь:

— Это ты Александровъ! Скажи, ради Бога, что случилось?

— Чему случиться, братъ? Разумѣется случилось то, что и всегда будетъ случаться съ нашею бѣлорусскою сволочью. Они перепугались казаковъ, принявъ ихъ за французскихъ конно-егерей, и, не пошевеливъ даже оружіемъ, бѣжали какъ зайцы отъ борзой.

— Подъямпольскій въ отчаяніи: унтеръ-офицеръ Станиславскій, первый прискакавшій къ намъ, сказалъ, что тебя взяли въ плѣнъ и весь пикетъ вырѣзали.

— Что за подлое выраженіе: *вырѣзали*! Вѣдь канальи-то не спали, чтобъ ихъ можно было вырѣзать; ихъ только могли изрубить, ежели бы они не дали стрѣчка, подлецы! — Что жъ Подъямпольскій? вѣритъ этой нелѣпости и чинитъ перо, чтобъ рапортовать о моемъ плѣнѣ со словъ этого Станиславскаго, котораго мало разстрѣлять, а слѣдовало бы повѣсить, какъ паршивую собаку.

— Я тебѣ говорю, Александровъ, что нашъ Эдмондъ Ивановичъ въ отчаяніи и восклицаетъ: «Какъ это Александровъ могъ забыть слова мои! Я такъ ясно, такъ подробно растолковалъ ему», говорилъ съ отчаяніемъ бравый и честнѣйшій начальникъ нашъ. Но вотъ

онъ ѣдетъ и самъ; мы вѣдь было-поѣхали отбивать тебя отъ непріятеля, хотя бы это стоило цѣлаго эскадрона.

Дурова подъѣхала къ Подъямпольскому:

— Не вините меня, ротмистръ! Я лучше желалъ бы быть разбитъ и взятъ въ плѣнъ, чѣмъ видѣть себя покрытымъ незаслуженнымъ стыдомъ, оттого, что двѣ трети нижнихъ чиновъ Литовскаго уланскаго полка недостойны чести служить съ нами. Въ первый разъ еще дано мнѣ важное порученіе, назначенъ постъ, соединенный съ опасностью и требующій мужества и неусыпности, и вотъ какъ исполнено это порученіе только потому, что мои ведеты были трусы, безславящіе русскій мундиръ и для которыхъ лучшая награда шпицрутенъ черезъ тысячу человѣкъ, для примѣра всей арміи.

Нѣсколько успокоившись, Дурова разсказала ротмистру подробно все происшествіе. Они всѣ возвратились въ фольваркъ. Подъямпольскій, отличнѣйшій офицеръ, храбрый и опытный, получивъ нелѣпое донесеніе унтеръ-офицера, какъ ни былъ имъ встревоженъ и огорченъ, не хотѣлъ однако-же послать этого извѣстія далѣе, не употребя прежде всѣхъ способовъ поправить это несчастное дѣло, и рѣшился лучше погибнуть со всѣмъ эскадрономъ, сражаясь до послѣдней капли крови, нежели допустить въ огласку столь постыдный случай. Благодаря этой его геройской рѣшимости, имя *Александрова* сохранилось отъ попошенія; но происшествіе это сдѣлало глубокое, неизгладимое впечатлѣніе недовѣрчивости въ воспріимчивой душѣ ея; она стала бояться всякой откомандировки, всякаго порученія, ежели только исполнять его надобно было вмѣстѣ съ командою изъ уланъ Литовскаго полка. Никогда, никогда уже нельзя будетъ повѣрить этимъ малодушнымъ.

— Правду говорилъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, что *трусъ солдатъ не долженъ жить*. Тогда такое заключеніе казалось мнѣ безчеловѣчнымъ, жестокимъ; но теперь я воочію убѣждаюсь, что такое рѣшеніе, постигнутое великимъ умомъ необыкновеннаго чело-

вѣка—святая истина.—О! ничего нѣтъ вреднѣе труса солдата!... У меня нѣтъ словъ изобразить всю великость зла, какое можетъ сдѣлать одинъ ничтожный робкій негодяй для цѣлой арміи!... И въ теперешнемъ случаѣ, какія бѣды навлекло бы на мою голову одно только то, что трусъ испугался своей тѣни, убѣжалъ, увлекъ за собою другихъ, былъ бы причиною ложнаго донесенія, напрасной тревоги всего войска русскаго! Нѣтъ, *робкій солдатъ не долженъ жить*, генералъ Ермоловъ правъ.

Эти размышленія занимали бѣдную Дурову до разсвѣта. Ведеты были смѣнены.

Рано утромъ къ ротмистру Подъямпольскому пришло восемнадцать старослуживыхъ уланъ, всѣ большею частью такихъ, которые въ Литовскій полкъ перешли изъ Конноиольскаго полка и были отчасти поляки и литовцы изъ Виленской, Гродненской, Минской губерній, отчасти чистые малороссіяне и подоляне, да нѣсколько коренныхъ русскихъ людей, преимущественно старовѣровъ. Эти 18—20 человѣкъ составляли нравственный кадръ эскадрона, и Подъямпольскій черезъ ихъ содѣйствіе правилъ нравственною стороною эскадрона; но несчастной случайности угодно было, чтобы въ той части полуэскадрона, которая была въ ведетахъ подъ начальствомъ Александрова, ни одного изъ этихъ почтенныхъ людей не было, а большею частью все были новобранцы и новички въ военномъ ремеслѣ. Старослуживые пришли просить начальника о томъ, чтобы онъ спороль унтеръ-офицерскіе галуны съ Станиславскаго, а за тѣмъ объ оказаніи имъ, старослуживымъ, особой милости, дозволивъ имъ, а не кому другому, изъ собственныхъ рукъ наказать лозанами всѣхъ этихъ трусишекъ, да такъ наказать, чтобы имъ небо показалось съ овчинку. Далѣе, заставить каждаго изъ этихъ виновныхъ пока не проявитъ себя молодецкимъ уланомъ въ первомъ боевомъ дѣлѣ, не имѣть металлическихъ бѣлыхъ пуговицъ на мундирахъ, а ремешковыя, и вмѣсто синихъ колетовъ носить рабочія сѣрыя куртки, пока не заслу-

*

жать мундировъ хорошею службою и подвигомъ особеннымъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ. Что-жъ касается до Станиславскаго, то съ отнятіемъ галуновъ и послѣ строгаго тѣлеснаго наказанія, велѣть ему носить мундиръ даже не рабочій, а сшитый изъ рогожи, до тѣхъ поръ, пока не отличится въ первомъ боевомъ дѣлѣ *).

Послѣдствія этого, какъ бы *артельнаго* суда старослуживыхъ эскадрона ротмистра Подъямпольскаго были самыя прекрасныя: Станиславскій за право несить хоть солдатскій, но не рогожный мундиръ, успѣлъ проявить себя славнымъ служакой, нѣсколько разъ встрѣчавшимъ боевыя опасности молодецки и не моргнувъ ни однимъ глазомъ. Вслѣдствіе этого ему было возвращено право носить суконный колетъ съ металлическими пуговицами, а галуны онъ получилъ обратно, по представленію ротмистра, за лихое дѣйствіе въ одномъ изъ сраженій съ французами, какихъ въ 1812 году на долю каждой военной части пришлось не мало. Примѣру его послѣдовали всѣ осрамившіеся въ ведетахъ уланы, за которыхъ нѣсколько разъ ходатайствовала Дурова, перемѣнившая гнѣвъ свой на милость. Одинъ только до нельзя трусливый Іозель Мовша, еврейчикъ изъ мелочныхъ лавочниковъ города Бердичева, остался вѣренъ своей прирожденной трусости, и потому выранжированъ былъ изъ фронта въ какую-то роту, при дивизіи состоявшую, такъ какъ онъ былъ не дурной *чоботаръ*.

Скорыми маршами отступали Литовскіе уланы въ слѣдъ или вмѣстѣ со всей арміей въ глубь Россіи, неся на плечахъ своихъ непріятеля съ цѣлью завлечь его сколь возможно дальше отъ всего того, что могло служить ему надежною почвою.

Французы употребляли всѣ средства догнать русскихъ и подрать-

---

*) Подобному наказанію въ 1812 г. Императоръ Александръ I подвергнулъ чиновниковъ одной комиссаріатской комиссіи, повелѣвъ облечь ихъ въ сѣрые грубаго сукна мундиры съ кожаными пуговицами. *В. Б.*

ся, а русскіе употребляли также всѣ старанія уходить безъ драки, чтобъ сохранить свои силы до рѣшительнаго боя. Маневръ этотъ доставлялъ удовольствіе Дуровой: она отзывалась потомъ въ своихъ запискахъ, веденныхъ ею во время всѣхъ войнъ, въ которыхъ она участвовала, что забавно было видѣть, съ какою быстротою влекли мы довѣрчиваго непріятеля своего въ глубину нашихъ лѣсовъ!... Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы это было постоянно забавно, особенно когда подумаешь, какихъ страшныхъ жертвъ льдьми, такими людьми, какъ храбрые и просвѣщенные французы и слѣдовавшіе за ними другіе цивилизованные народы,—стоили Европѣ тщеславныя мечтанія одного безграничнаго честолюбца, какимъ былъ Наполеонъ Бонапартъ, приносившій все на алтарь своей личной славы.

Двое сутокъ въ эту пору Дурова не смыкала глазъ, почти не сходя съ сѣдла. Шефъ полка, баронъ Штакельбергъ послалъ ее занимать мѣсто для лагеря. Ей дали по четыре улана съ каждаго эскадрона и съ нею поѣхали также квартиргеры полковъ: Новороссійскаго драгунскаго и Ахтырскаго гусарскаго. Занявъ мѣсто для лагеря, Дурова ѣхала встрѣтить полкъ, и когда полкъ расположится, дожидаясь приказаній, тотчасъ отправлялась далѣе. Марши были довольно велики; Дурова почти всякій разъ выѣзжала въ ночь, а пріѣзжала на мѣсто около полудня, и пока разведутъ мѣста всему аррісргарду, она ждала своей очереди принять все назначенное для полка. Затѣмъ слѣдовало опять ѣхать къ полку на встрѣчу, чтобы размѣщать эскадроны, и опять, дождавшись конца всей суматохи и новыхъ приказаній, отправляться въ путь.

Третьи сутки прошли такъ-же; лагерь былъ занятъ подъ мѣстечкомъ Кадневымъ. Дурова чувствовала, что она не въ силахъ болѣе выносить эти ежечасныя мученія. Возвратясь изъ лагеря въ мѣстечко, она выслала улана на дорогу смотрѣть, когда покажется голова полка и дать ей тотчасъ знать, а сама пошла на квартиру, въ намѣреніи что нибудь съѣсть и затѣмъ заснуть, если удастся. Въ ожида-

нія обѣда она легла на хозяйкину постель, и затѣмъ больше ничего уже не помнила..... Проснувшись поздно вечеромъ, она очень удивилась, что ей дали такъ долго спать; въ горницѣ не было ни души и было темно. Она поспѣшно встала и, отворивъ дверь въ сѣни, кликнула своего унтеръ-офицера. Онъ тотчасъ же явился.

— Развѣ полкъ нашъ не пришелъ? спросила она въ безпокойствѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, а пришелъ только одинъ Кіевскій драгунскій.

— Для чего-жъ вы, братцы, не разбудили меня?

— Не могли добудиться, ваше благородіе. Вы спали мертвымъ сномъ. Мы сначала будили васъ тихонько; но послѣ тряски за руки, за плечи, посадили васъ, поднесли зажженную свѣчу къ самымъ глазамъ вашимъ, наконецъ брызнули холодной водой въ лицо. Все было напрасно: вы, ваше благородіе, даже не пошевелились. Хозяйка, при которой все это происходило, заплакала, увидѣвъ, что мы, не успѣвъ разбудить васъ, положили опять на постель. «Бѣдное дитя! — сказала она.—Онъ теперь словно омертвѣлый! Зачѣмъ это берутъ такихъ слишкомъ молоденькихъ въ службу?» Она, наклонясь къ вамъ, прислушивалась—дышите-ли вы. Оставшись при вашемъ благородіи, я велѣлъ улану ѣхать далѣе по дорогѣ на встрѣчу полка; но уланъ нашъ скоро возвратился съ увѣдомленіемъ, что нашему полку перемѣненъ маршрутъ и что сюда пришелъ Кіевскій драгунскій, которымъ командовалъ полковникъ *Эмануэль*.

Дурова тотчасъ поѣхала въ лагерь; тамъ еще не спали, и тутъ она нашла обоихъ своихъ товарищей: драгунскаго и гусарскаго квартиргеровъ. Первый просилъ полковника Эмануэля взять его подъ свое начальство съ командою, при немъ состоящею, на нѣкоторое время; а Ахтырскій гусаръ и Дурова, освѣдомясь, какою дорогою пошли ихъ полки, пустились отыскивать ихъ, въ чемъ и успѣли весьма скоро.

Здѣсь Дурова узнала и на самомъ дѣлѣ убѣдилась, что между Литовцами и непріятельскимъ авангардомъ бывали иногда небольшія сшибки, такъ только формы ради, чтобы не совсѣмъ безъ дѣла отступать.

Они шли и день и ночь. Отдохновеніе ихъ состояло въ томъ только, что, остановя полкъ, начальство разрѣшало сойти съ лошадей на полчаса. Уланы тотчасъ ложились у ногъ своихъ лошадей, а Дурова, стоя подлѣ лошади и облокотясь на сѣдло, клала голову на руку, но никогда не смѣла закрыть глазъ, чтобъ не дать невольному сну овладѣть ею. Они не только не спали, но всю эту пору не ѣли, все двигаясь, двигаясь, спѣша куда-то.

Чтобъ прогнать сонъ, ее одолѣвающій, она встала съ лошади и шла пѣшкомъ; но силы ея были такъ изнурены, что она спѣшила опять сѣсть въ сѣдло, съ трудомъ поднимаясь на стременахъ. Жажда палила ея внутренность, воды не было нигдѣ никакой, исключая грязныхъ канавъ по бокамъ дороги. Дурова сошла съ лошади и съ величайшимъ затрудненіемъ достала съ дна канавы отвратительной воды, теплой и зеленоватой; она набрала ее въ бутылку, и, сѣвъ съ этимъ сокровищемъ на лошадь, везла еще верстъ пять, держа бутылку передъ собою на сѣдлѣ, не имѣя рѣшимости ни выпить, ни бросить эту гадость. Но необходимость и жажда сильнѣе отвращенія: кончилось тѣмъ, что она опорожнила эту грязную бутылку...

Дурова въ походѣ страшно изнемогла.

— Еслибъ я имѣла милліонъ, я отдала бы его теперь за позволеніе уснуть, говорила она.

Ей вздумалось взглянуть на себя въ свѣтлую полосу ея сабли; лицо у нея было блѣдно какъ полотно и глаза потухли. Съ другими нѣтъ такой сильной перемѣны, потому что они всѣ умѣютъ спать въ сѣдлѣ, а она никакъ не могла къ этому привыкнуть.

Въ одну ночь Подъямпольскій бранилъ Дурову и Торнези за то, что люди ихъ взводовъ дремлютъ, качаются въ сѣдлѣ и роняютъ шапки

съ головъ. На другой день послѣ этого выговора, они увидѣли его самаго ѣдущаго съ закрытыми глазами и весьма крѣпко спавшаго на своемъ великолѣпномъ Вельзевулѣ. Потѣшаясь этимъ зрѣлищемъ, Дурова и Торнези поѣхали рядомъ по обѣимъ сторонамъ своего командира, чтобы увидѣть, чѣмъ это кончится; но характерный итальянецъ Торнези хотѣлъ непремѣнно отмстить ему за выговоръ вчерашній; онъ далъ шпоры своей лошади и проскакалъ мимо Подъямпольскаго. Вельзевулъ бросился со всѣхъ ногъ въ сторону, и молодые люди имѣли удовольствіе видѣть испугъ и торопливость, съ какими Подъямпольскій спѣшилъ подобрать поводья, выпавшіе изъ рукъ его.

Разъ какъ-то Дурова и Торнези, пустивъ своихъ коней впередъ усиленнымъ троттомъ, опередили порядочно эскадронъ, отъѣхали въ сторону дороги, сошли съ лошадей и легли на мягкую траву, но къ счастію не заснули еще, какъ эскадронъ подошелъ. Подъямпольскій, полагая, что его передовые взводные при своихъ мѣстахъ, удивился и разсердился увидѣвъ ихъ спокойно расположившихся близь дороги.

— Не стыдно ли вамъ, господа! говорилъ онъ, — вмѣсто того, чтобъ смотрѣть за своими солдатами, чтобъ они не спали, не падали, не роняли шапокъ, не портили лошадей, вы уѣхали впередъ и легли спать на дорогѣ!...

Дурова и Торнези отвѣчали ему, что не прошло еще и двухъ дней, какъ онъ самъ испыталъ и доказалъ, что теперешнія трудности превышаютъ силы человѣческія. Подъямпольскій, не возражая ничего, приказалъ только имъ быть непремѣнно при своихъ мѣстахъ и людяхъ.

— Мы обязаны, говорилъ онъ,—давать имъ примѣръ, людямъ легче будетъ переносить всякій трудъ, если они увидятъ, что офицеры ихъ переносятъ его наравнѣ съ ними; никогда солдатъ не осмѣлится роптать ни на какую невыгоду, если офицеръ его раздѣляетъ ее съ нимъ.

Дурова почувствовала справедливость словъ Подъямпольскаго и приняла твердое намѣреніе всегда ими руководствоваться.

Наконецъ-то начальство смиловалось и дало отдыхъ Литовцамъ. Съ неописаннымъ удовольствіемъ Дурова разостлала свою шинель на сѣно, легла и въ ту же минуту заснула. Она проспала на первый разъ часовъ десять. Солнце уже садилось, когда она выползла изъ своего низенькаго шалашика. Тогда глазамъ ея представилась живая и прекрасная картина: толпы офицеровъ—уланскихъ, гусарскихъ, драгунскихъ, кирасирскихъ ходили по всему лагерю; солдаты варили кашу, чистили аммуницію; ординарцы, адъютанты скакали по разнымъ направленіямъ; прекрасная музыка Литовскаго полка гремѣла и восхищала безчисленное множество всѣхъ полковъ офицеровъ, пришедшихъ слушать ее. Полковникъ баронъ Штакельбергъ, будучи любителемъ страстнымъ и знатокомъ глубокимъ музыкальнаго искусства, занялся усовершенствованіемъ полковой музыки Литовцевъ и довелъ ее до высшей степени совершенства.

ГЛАВА XVI.

Отечественная война 1812 года. — Участіе въ ней Дуровой.—Въ бою подъ Смоленскомъ.— Дурова на ординарцахъ у генерала Коновницына.—Фуражировка.

Близь Смоленска объявили войскамъ Высочайшій манифестъ въ которомъ было сказано: «*что государь не удерживаетъ болѣе мужества русскаго воинства и даетъ свободу отмстить непріятелю за скуку противувольнаго отступленія, до сего времени необходимаго*».

Солдаты прыгали отъ радости, и взоры всѣхъ пылали мужествомъ и удовольствіемъ.

— Наконецъ, говорили офицеры, —теперь будетъ наша очередь догонять.!

Литовцы стояли въ виду Смоленска. Опять слышится грозный, величественный гулъ пушекъ! Опять блестятъ молніею безчисленные штыки! Въ памяти Дуровой воскресъ 1807 годъ, первый годъ ея боевой жизни.

Часа два полкъ дожидался приказаній подъ стѣнами крѣпости Смоленской. Наконецъ послѣдовалъ приказъ идти на непріятеля.— Смоляне съ наслажденіемъ видѣли малиновыхъ уланъ, проходящихъ въ порядкѣ, устройствѣ, съ геройскою осанкою и увѣренностью въ своихъ силахъ, съ громкою кавалерійскою музыкою предшествуемою весельчиками-пѣсенниками изъ тѣхъ же музыкантовъ съ бубнами и колокольчиками въ рукахъ, орущими во все горло свои уланскіе залихватскія пѣсни. — Городскіе жители и особенно старики громко восклицали въ слѣдъ уланамъ: «*Помоги Богъ! Помоги Богъ!*»

Литовцевъ помѣстили по обѣимъ сторонамъ дороги; эскадронъ Подъямпольскаго на лѣвой сторонѣ; лѣвѣе за нимъ были кирпичные сараи. Мѣсто, доставшееся по диспозиціи эскадрону, такъ было неудобно для кавалеріи, что при первомъ натискѣ непріятелей уланы не въ состояніи были бы удержать за собою поля сраженія. Все это поле было изрыто, сплошь усѣяно мелкими кустами и перерѣзано рытвинами, такъ что при каждомъ быстромъ движеніи эскадронамъ пришлось бы перескакивать на каждомъ шагу или ровъ, или кустъ, или яму. Такъ какъ здѣсь брали глину для кирпичей, то ямъ было безчисленное множество, и сверхъ того всѣ онѣ были полны дождевой воды. — Уланамъ было велѣно удерживать непріятеля. И такъ, чтобъ завязать дѣло, Подъямпольскій, выстроивъ эскадронъ въ боевой порядокъ, велѣлъ выѣхать фланкерамъ.

— Кому изъ васъ, господа, угодно взять надъ фланкерами начальство? спросилъ своихъ офицеровъ ротмистръ.

Торнези 1-й сейчасъ вызвался. Онъ и человѣкъ двадцать лучшихъ изъ всего эскадрона наѣздниковъ пустились усиленной рысью на непріятеля. Черезъ часъ они возвратились всѣ, исключая Торнези, котораго буквально французы изрубили. Уланы сказывали, что онъ въ своей запальчивости ворвался въ непріятельскую толпу и былъ буквально изрубленъ.

Когда Подъямпольскій спросилъ фланеровъ, какъ могли они допустить, чтобъ изрубили ихъ офицера, то они въ оправданіе свое сказали, что, какъ они его не упрашивали, поручикъ Торнези 1-й заскакалъ въ огромную противъ ихъ малочисленности толпу непріятельскихъ кавалеристовъ, не принимая предложенія ихъ сдаться; продолжалъ стрѣлять, рубить и на французскомъ языкѣ ругалъ ихъ безъ пощады, и что болѣе сотни сабель засверкали надъ несчастнымъ Торнези, и онъ упалъ къ ногамъ своей лошади безъ жизни, представляя собою одну кровавую массу.

Получивъ эти горестныя извѣстія отъ уланъ, Литовскіе офицеры стали очень внимательно смотрѣть на правую сторону дороги, гдѣ происходилъ также бой и гдѣ нѣкоторые изъ Литовскихъ эскадроновъ отлично дрались. Но въ это время полковой священникъ *Вартминскій* подъѣхалъ къ нимъ и указалъ въ лѣвую сторону своею нагайкою. Взглянувъ куда «батюшка» указывалъ, всѣ мигомъ увидѣли несущуюся къ нимъ во флагъ непріятельскую кавалерію. Въ одно мгновеніе Подъямпольскій скомандовалъ:

— Второму полуэскадрону лѣвое плечо впередъ!, и приказалъ Александрову принять начальство и ударить на несущуюся къ эскадрону конницу.

Но едва только только Александровъ подалъ команду: «Съ мѣста маршъ-маршъ!» какъ въ ту-же минуту послышался голосъ командира «Назадъ! назадъ!» Въ одну секунду, послушный этой новой

командѣ, весь полуэскадронъ повернулся назадъ и поскакалъ сломя голову на большую дорогу, Дурова же осталась позади всѣхъ. Безъ порядка скакалъ эскадронъ густой толпой по кустамъ, буграмъ и рытвинамъ. *Зелантъ,* горячій, заносчивый конь, рвался изъ-подъ нея, но она не смѣла дать ему воли, такъ какъ онъ имѣлъ дурную привычку, разгорячась драть голову къ верху, и тогда ей предстоялъ весьма трудный выборъ: дать волю «Зеланту», и тотчасъ упасть съ нимъ, или полетѣть стремглавъ черезъ кустъ, или придерживая коня, быть догнанной непріятелемъ, сидѣвшимъ уже, какъ говорится, на плечахъ преслѣдуемыхъ имъ. Дурова выбрала послѣднее, какъ болѣе безопасное. Зная плохое состояніе французской кавалеріи, особенно въ смыслѣ добротности лошадей, она была увѣрена, что въ цѣломъ отрядѣ драгуновъ, который теперь гнался за Литовцами, ни одна изъ этихъ тяжелыхъ лошадей не ровнялась съ «Зелантомъ» въ быстротѣ. И такъ, удерживая коня своего, неслась она длиннымъ галопомъ вслѣдъ за своимъ скачущимъ эскадрономъ; но слыша черезчуръ близко за собою топотъ конскій, и увлекаясь любопытствомъ, не могла не оглянуться: любопытство ея было вполнѣ удовлетворено. Она увидѣла скачущихъ за нею французскихъ драгунъ, старавшихся догнать ее палашами въ спину, причемъ съ величайшими усиліями подгоняли длинными шпорами своихъ запыхавшихся коней, сопѣвшихъ немилосердно. При этомъ видѣ Дурова хотя и не прибавила скорости бѣга своего рьянаго коня, но сама, уже не зная для чего, закинула саблю на спину остреемъ вверхъ. Миновавъ бугры и ямы, «Зелантъ» какъ бурный вихрь унесъ свою всадницу—улана отъ толпы непріятельской. Выбравшись на ровное, гладкое мѣсто, Литовскіе уланы съ процентами отплатили непріятелю за свое безпорядочное бѣгство: повинуясь голосу офицеровъ, эскадронъ въ минуту пришелъ въ порядокъ, построился и грозною тучею понесся на встрѣчу непріятелю. Земля застонала подъ копытами ретивыхъ коней, вѣтеръ свисталъ въ пестрыхъ (бѣло-малино-

выхъ) флюгерахъ уланскихъ пикъ съ страшно острыми стальными копьецами. Право, казалось сама смерть неслась со всѣми ея ужасами впереди фронта храбрыхъ уланъ. Непріятель не вынесъ этого вида, и желая уйти на своихъ запаленныхъ лошадяхъ, былъ догнанъ, разбитъ, растоптанъ и прогнанъ съ несравненно большимъ урономъ, нежели былъ уронъ Литовцевъ, когда они черезъ бугры и рытвины принуждены были отступать передъ численнымъ превосходствомъ.

Послѣ этого эскадронъ Подъямпольскаго поставленъ былъ съ правой стороны дороги, а бугристое поле было занято егерями.

— Давно бы такъ, сказалъ Подъямпольскій, покручивая усы съ досадою.

Тутъ уланы должны были стоять нѣкоторое время безъ дѣла, но въ готовности, то есть въ сѣдлѣ и пики на перевѣсъ. Впереди Литовцевъ стрѣлки Бутырскаго полка перестрѣливались съ французами. Храбрый, отличный полкъ! Какъ только онъ началъ дѣйствовать, въ ту-же минуту пули непріятельскія перестали долетать до кавалеріи.

На этомъ мѣстѣ было предположено уланамъ стоять до завтра. Но, къ сожалѣнію, и даже горю уланъ, превосходный Бутырскій полкъ былъ смѣненъ другимъ, и тогда пули непріятельскія не только стали долетать, но иныя и ранить. Подъямпольскому это было крайне непріятно. Наконецъ, наскуча видѣть, что у его уланъ то того, то другаго отводили за фронтъ для оказанія фельдшерскаго пособія, онъ послалъ Александрова въ Смоленскъ къ барону Штакельбергу сказать о критическомъ положеніи эскадрона и спросить: что онъ прикажетъ дѣлать?—Дурова исполнила, какъ было велѣно, сказала Штакельбергу, что много въ эскадронѣ переранено людей, и спросила, какое будетъ его приказаніе?

— Стоять, отвѣчалъ Штакельбергъ,— стоять не трогаясь съ мѣста. Странно, что такой не съ сегодняшняго дня офицеръ, какъ Подъямпольскій, присылаетъ объ этомъ спрашивать!

Дурова поспѣшила съ этимъ отвѣтомъ къ ротмистру.

— Что, кричалъ ей Подъямпольскій издали,—что велѣно?

— Стоять, ротмистръ!

— Ну, стоять, такъ стоять, сказалъ онъ спокойно, и обратясь къ фронту, съ тѣмъ неустрашимымъ видомъ, который такъ былъ ему свойственъ, хотѣлъ-было нѣсколько ободрить солдатъ, но къ удовольствію своему увидѣлъ, что они не имѣютъ въ этомъ нужды. Взоры и лица храбрыхъ уланъ были веселы; недавняя побѣда одушевила черты ихъ геройствомъ. Весь ихъ обликъ какъ бы говорилъ: «Бѣда непріятелю при встрѣчѣ съ нами».

Къ вечеру второй полуэскадронъ спѣшился, и Дурова, имѣя тогда свободу отойти отъ своего мѣста, пошла къ ротмистру спрашивать о всемъ томъ, что въ этотъ день казалось ей не вполнѣ яснымъ и понятнымъ.

Подъямпольскій стоялъ у дерева, подперши голову рукою и смотрѣлъ, казалось, безъ всякаго участія на перестрѣлку; примѣтно было, что мысли его въ это время были не тамъ, гдѣ онъ находился.

— Скажите мнѣ, ротмистръ, спросила Дурова,—зачѣмъ вы къ шефу посылали меня, а не унтеръ-офицера, какъ бы могли? Не правда ли, что вы хотѣли укрыть меня отъ пуль?

— Правда, отвѣчалъ задумчиво Подъямпольскій;—ты такъ еще молодъ, такъ невинно смотришь, и среди этихъ страшныхъ сценъ такъ ребячески веселъ и безпеченъ! Я видѣлъ, какъ ты скакалъ позади всего эскадрона во время безпорядочнаго бѣгства нашего отъ кирпичныхъ сараевъ, и право, мнѣ чудилось, что я вижу барашка, за которымъ несется стая голодныхъ волковъ. У меня сердце обливается кровью при одной мысли видѣть тебя убитымъ. Не знаю, Александровъ, отчего мнѣ все кажется, что если тебя убьютъ, то это будетъ убійство, противное законамъ. Дай Богъ, чтобъ я не былъ этому свидѣтелемъ! Ахъ, пуля не разбираетъ. Она пробиваетъ равно какъ грудь стараго, такъ и сердце цвѣтущаго юноши!...

Дурову удивило такое грустное расположеніе духа ея ротмистра и необыкновенное участіе въ ней, какого прежде она не замѣчала; но, вспомнивъ, что у Подъямпольскаго братъ, молоденькій юнкеръ, нѣжно имъ любимый, остался въ Маріупольскомъ гусарскомъ полку, одинъ, предоставленный произволу судьбы и собственнаго разума, нашла весьма натуральнымъ, что ея внѣшность незрѣлаго, едва вышедшаго изъ дѣтства, юноши и опасности войны привели ему на память брата, дѣтскій возрастъ его и положеніе, въ какомъ онъ можетъ быть убитымъ.

Когда наступила ночь, второй полуэскадронъ сѣлъ на коней, а первый спѣшился. Ружейная пальба прекратилась. Дурова просила ротмистра позволить ей не садиться пока на лошадь. Онъ согласился и они продолжали разговаривать стоя.

— Объясните мнѣ, ротмистръ, отчего у насъ такъ много ранятъ офицеровъ въ сравненіи съ рядовыми? Рядовыхъ такая густая толпа, ихъ болѣе и удобнѣе было бы, кажется, убивать. Развѣ въ офицеровъ нарочно мѣтятъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ Подъямпольскій, — это самый дѣйствительный способъ разстроить и ослабить силы непріятеля?

— Почему же?

— Какъ почему! потому что одинъ храбрый и вполнѣ знающій офицеръ болѣе сдѣластъ вреда непріятелю своими свѣдѣніями, умѣньемъ пользоваться выгодами мѣстоположенія и ошибками противной стороны, а особливо офицеръ, одаренный тѣмъ высокимъ чувствомъ чести, которое заставляетъ встрѣчать безтрепетно смерть и спокойно дѣйствовать въ величайшихъ опасностяхъ, — такой офицеръ, повторяю, одинъ болѣе сдѣлаетъ вреда непріятелю, чѣмъ тысяча солдатъ, никѣмъ не начальствуемыхъ.

При этомъ было замѣчено со стороны Подъямпольскаго, что лучшіе начальники арміи стараются наружную форму офицерскую сколь возможно болѣе обобщать съ формою нижнихъ чиновъ, особенно въ

военное время, чтобы непріятельскій глазъ не легко могъ замѣтить отличія офицерскаго обмундированія.

Очередь сойти съ лошадей второму полуэскадрону прекратила эту бесѣду. Ротмистръ сѣлъ на своего Вельзевула, а Дуровой сказалъ, что теперь можетъ, ежели хочетъ, заснуть полчаса. Само собою разумѣется, она не заставила себя просить, по тотчасъ, закутавшись солдатскимъ плащемъ, легла подъ дерево. На разсвѣтѣ, сквозь тонкій сонъ, она нѣсколько разъ слышала, что по шапкѣ ея что-то щелкало; проснувшись совсѣмъ, она подняла голову и увидѣла стоящихъ недалеко отъ нея подполковника *Лопатина*, дивизіоннаго командира и Подъямпольскаго; они о чемъ-то разговаривали, смотря, и по временамъ указывая въ сторону непріятельскихъ стрѣлковъ. Сконфуженная тѣмъ, что ее застали начальствующіе спящею, она спѣшила встать и привести себя въ порядокъ, и въ это самое время пуля на излетѣ ударила по ея шапкѣ.

Драгунскій эскадронъ ихъ бригады пришелъ встать на ихъ мѣсто, а уланы вошли въ крѣпость и у стѣнъ ея расположились отдыхать.

Не прошло, однако, и недѣли, какъ, по соображеніямъ тогдашняго главнокомандующаго, генерала Барклая-де-Толли, Смоленскъ уступили непріятелю!...

Ночью уже русскій аррьергардъ отошелъ на высоты за рѣкою.

Коренной смолянинъ и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ патріотовъ, генералъ *Николай Николаевичъ Раевскій*, съ глубокою горестью смотрѣлъ на пылающій городъ.

Армія между тѣмъ постоянно отступала. Никто не понималъ тогда причины этого отступленія; всякій, отъ рядоваго до генерала, желалъ сразиться со врагомъ. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда ни одного француза не осталось въ землѣ русской, всѣ поняли пользу этого отступленія. Тогда же то и дѣло были слышны такія выраженія патріотическаго огорченія:

— Для шутки, что-ли, читали намъ въ манифестѣ, что государь не удерживаетъ болѣе нашего мужества? Кажется, не слишкомъ-то большому опыту подвергли нашу храбрость. Очевидно, мы отступаемъ въ глубь Россіи. Худо будетъ намъ, если непріятель укрѣпится и засядетъ въ Смоленскѣ! Неужели, однако, нельзя было встрѣтить и разбить непріятеля еще на границахъ государства нашего? Къ чему такіе опасные маневры? Для чего вести чудовищнаго врага такъ далеко въ средину земли своей, подвергая часть страны своей огню и мечу непріятельскимъ?... Можетъ быть, это дѣлается съ прекрасною цѣлью; однакожъ пока достигнутъ ее или разгадаютъ, войско можетъ только потерять, и теперь уже со всѣхъ сторонъ слышны заключенія и догадки, однѣ другихъ печальнѣе и нелѣпѣе.

По очереди пришлось Дуровой быть на ординарцахъ у дежурнаго генерала арміи *Коновницына* *), имя котораго такъ ярко сіяетъ въ военной исторіи двѣнадцатаго года. Замѣчательно храбрый, этотъ генералъ очень любилъ находиться какъ можно ближе къ непріятелю, и, казалось, за ничто считалъ самыя большія опасности. Дурова свидѣтельствовала, что Коновницынъ столь же спокоенъ среди самой горячей битвы, какъ бы онъ былъ у себя въ комнатѣ. Въ это время, когда Дуровой привелось быть при Коновницынѣ, завязалось небольшое сраженіе между частями войскъ нашего арріергарда и непріятельскаго авангарда. Генералъ подъѣхалъ къ передовой линіи; но какъ свита его тотчасъ привлекла вниманіе и выстрѣлы не-

---

*) Петръ Петровичъ Коновницынъ (р. въ 1766 г. ум. въ 1822 г.), генералъ отъ инфантеріи. Началъ службу въ л.-гв. Семеновскомъ полку. Въ 1788—90 гг. участвовалъ въ войнѣ со шведами. Отличился при защитѣ Смоленска въ 1812 г. Былъ съ блистательнымъ успѣхомъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Тарутинѣ, Малоярославцѣ, а въ 1813 году при Люценѣ и Лейпцигѣ. Правая рука Кутузова съ 1812 г., одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ умныхъ русскихъ генераловъ. *В. Б.*

пріятеля, то онъ приказалъ всѣмъ, составлявшимъ его свиту—адъютантамъ, ординарцамъ и другимъ чинамъ, прибывшимъ за полученіемъ приказаній, — разъѣхаться. Почему-то лица свиты не тотчасъ разсыпались, и въ это время ранена была подъ генераломъ лошадь. Онъ пересѣлъ на другую. Тогда непріятель сосредоточилъ на этой неразъѣхавшейся еще группѣ свои выстрѣлы, что заставило Коновницына отъѣхать немного далѣе отъ линіи фланкеровъ. Когда всѣ повернулись за генераломъ, то «Зелантъ», имѣвшій необыкновенно длинный шагъ, совершенно нечаянно вышелъ впередъ генеральской лошади. Коновницынъ, замѣтивъ это, спросилъ своего ординарца улана съ строгимъ видомъ:

— Куда вы, господинъ офицеръ? Развѣ не знаете, что вамъ должно ѣхать за мною, а не впереди?

Дурова сконфузилась, и какъ могла поправилась, ссылаясь на горячность и крѣпкоуздность своей лошади.

— Такъ ли, однако, ваша лошадь рвется впередъ при атакѣ? спросилъ генералъ, лукаво улыбаясь.

— Въ десять разъ больше, ваше высокопревосходительство!

— И тогда вы ее не удерживаете?

— Удерживаю еще больше, ваше высокопревосходительство!

— Зачѣмъ же?

— Затѣмъ, чтобъ не отбиться отъ своихъ и не врѣзаться въ непріятельскіе ряды!

— А тогда что-жъ?

— Тогда, ваше высокопревосходительство, можно быть убитымъ или взятымъ въ плѣнъ.

— Что-жъ изъ этого?

— Для меня ничего, кромѣ потери или свободы или жизни, а для арміи, какая я ни есть ничтожная боевая единица, а все-таки взводный командиръ, и ежели не для арміи, то для моего хоть эскадрона могу считаться нѣкоторой утратой, замѣна которой не такъ-то

легка въ военное время, когда начальство дорожитъ всякою опытностью.

— И храбростью, дополнилъ генералъ, глядя внимательно на георгіевскій крестъ, блестѣвшій на груди Дуровой. — А гдѣ вы, юноша, схватили этотъ серебряный знакъ солдатской храбрости?

— Въ прусскую войну 1807 года, служа въ Коннопольскихъ уланахъ, имѣлъ счастье получить изъ собственныхъ рукъ Его Императорскаго Величества нашего Всемилостивѣйшаго Государя Императора.

— Въ прусскую войну служилъ молодой человѣкъ! замѣтилъ генералъ.—Ваша фамилія?

— Поручикъ Александровъ, ваше высокопревосходительство.

— Однофамилецъ того Александрова, котораго Государю Императору угодно было такъ назвать по своему имени?

— Тотъ самый, ваше высокопревосходительство!

— Который же вамъ годъ, Александровъ?

— Двадцать третій, ваше высокопревосходительство, я родился въ 1789 году, въ царствованіе Императрицы Екатерины II Алексѣевны.

— А на видъ совсѣмъ кадетъ!

— Отъ природы, ваше высокопревосходительство: мой отецъ и мои предки отличались моложавостью.

— И такъ, мой ординарецъ сегодняшняго дня, поручикъ Александровъ, извольте съѣздить на лѣвый флангъ къ корпусу графа Сиверса, узнать, что, въ случаѣ отступленія, безопасны-ли и удобны-ли дороги для ретирады, довольно-ли у графа войска, и не нужно-ли будетъ ему подкрѣпленія?

Не успѣла Дурова скрыться у генерала изъ вида, какъ онъ, все еще тревожимый недовѣрчивостью, послалъ другаго ординарца по слѣдамъ Дуровой съ тѣмъ же самымъ приказаніемъ, какое ей было дано, и это было дѣйствіемъ видимаго покровительства Божія,

потому что непріятель занялъ уже тѣ мѣста, черезъ которыя проѣхала она къ Сиверсу. Возвращаясь, она встрѣтилась съ посланнымъ офицеромъ, отъ котораго и узнала, что тамъ, гдѣ прежде ѣхала, находятся уже непріятельскіе стрѣлки. Пріѣхавъ къ Коновницыну, она разсказала съ мельчайшими подробностями о положеніи отряда графа Сиверса, о путяхъ, переправахъ, средствахъ, однимъ словомъ, обо всемъ, что ей велѣно было узнать.

Генералъ Коновницынъ, выслушавъ ея донесеніе, расхвалилъ ее, попросилъ извиненія въ томъ, что усомнился—было дать ей порученіе, по причинѣ ея моложавости, да еще захотѣлъ провѣрять ее, отправивъ другаго ординарца. Затѣмъ, видимо желая загладить все это, уже весь день не давалъ покоя поручику Александру, разсылал его чуть не каждый часъ и, по возвращеніи ея, приговаривалъ:

— Спасибо, Александровъ! Ваши донесенія лучше другихъ. Недаромъ же *нареченникъ* Государя Императора.

Маясь однако весь день по полямъ отъ одного полка къ другому, Надежда измучилась, устала, смертельно проголодалась, и совсѣмъ уже стала не рада пріобрѣтенной ею славѣ «*наисправнѣйшаго* ординарца». Зелантъ же сдѣлался похожъ на борзую собаку.

Солнце уже садилось, когда Литовцы стали лагеремъ. Надежда послѣ мучительнаго, но почетнаго ординарчества, только что успѣла сойти съ лошади, какъ Подъямпольскій объявилъ, что ея очередь ѣхать за сѣномъ для цѣлаго полка.

— Вотъ тебѣ десять человѣкъ отъ моего эскадрона; сейчасъ прибудутъ остальные отъ прочихъ эскадроновъ. Отправляйся съ Богомъ!... Да нельзя ли, прибавилъ онъ вполголоса, достать что нибудь съѣсть: гуся, курицу; сколько уже дней все одинъ только хлѣбъ, да хлѣбъ, да солдатская каша; до смерти наскучило; смерть мяса хочется.

Пятьдесятъ человѣкъ уланъ собрались подъ начальство офицера-фуражира поручика Александрова, и Дурова наша поѣхала съ ними

по первой, какая попалась, дорогѣ, отыскискивая сѣнокосъ, потому что, при приближенія петровокъ, въ Россіи начинаютъ косить. Ночь была очень тепла, но и очень темна, мѣсяцъ не свѣтилъ. Отъѣхавъ верстъ шесть отъ лагеря, они увидѣли въ полуверстѣ отъ себя деревню, и въ три минуты уланы были уже въ ней, потому что, обрадовавшись такой скорой находкѣ, пустились туда рысью. Къ деревнѣ примыкалъ обширный лугъ; виднѣлась рѣчка, за нею нѣсколько мелкихъ перелѣсковъ. Приказавъ уланамъ идти съ лошадьми на лугъ, она осталась одна въ покинутой деревнѣ и, привязавъ лошадь къ какому-то частоколу, пошла осматривать опустѣвшія жилища. Какой-то невольный страхъ проникалъ въ душу ея, видя всѣ двери и ворота настежъ отворенными; вездѣ царствовалъ мракъ, вездѣ была тишина и запустѣніе; ничто не было заперто: конюшни, сараи, амбары, кладовые и дома, все было растворено!. На обширномъ барскомъ дворѣ ходили, лежали, стояли коровы, овцы, и сидѣли гуси стадами. Бѣдные гуси! Видъ ихъ и жирныя тѣла, покрытыя ярко-бѣлымъ пухомъ и перьями, невольно напомнили Дуровой просьбу Подъямпольскаго, для удовлетворенія которой нѣсколькимъ изъ этихъ гусей слѣдовало быть непремѣнно жертвами аппетита офицеровъ эскадрона ротмистра Подъямпольскаго.

Черезъ часъ уланы возвратились, ведя за собою лошадей своихъ, навьюченныхъ сѣномъ.

— Не слишкомъ ли тяжело вы навьючили коней? спросила Дурова, видя, что по бокамъ лошадей висѣли огромнѣйшія связки сѣна.

— Нѣтъ, ваше благородіе, вѣдь сѣно легко, былъ отвѣтъ.

Дурова повѣрила уланамъ, во все неподозрѣвая, что тутъ кроется тяжесть особаго рода, ей неизвѣстная и что для скрытія этой контробандной тяжести нарочно навязаны такія горы сѣна. Она сѣла на лошадь, притарочевъ въ кожаной торбѣ зарѣзаннаго ею лезвеемъ ея боевой сабли гуся въ подарокъ голодавшему Подъям-

польскому. Она ѣхала впереди своего отряда, который шелъ пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. Они уже прошли большую половину своей дороги, и были верстахъ въ двухъ отъ своего лагеря, какъ вдругъ прискакалъ уланъ, кричавшій:

— Поспѣшите, ваше благородіе, полкъ скоро двинется.

Она велѣла людямъ идти скорѣе; тѣ побѣжали во всю прыть; натурально, что и лошади пошли изрядной рысью. Тогда Дурова очень удивилась, увидѣвъ, что въ отрядѣ ея, то тамъ, то сямъ падаютъ съ лошадей изъ-подъ тюковъ сѣна бараны.—Она не имѣла времени спросить, для чего и по какому праву они набрали ихъ, какъ другой уланъ прискакалъ съ приказаніемъ отъ шефа полка бросить сѣно и спѣшить къ полку. Дурова приказала оставить все, и сѣно, и барановъ, кромѣ притороченнаго къ ея сѣдлу гуся, везомаго ею въ подарокъ ея ротмистру, сѣсть въ сѣдло и крупной рысью возвращаться въ полкъ. Они догнали полкъ уже на маршѣ.

— Что это значитъ, ротмистръ, что полкъ такъ скоро вышелъ? спросила Дурова Подъямпольскаго.

— Вотъ странный вопросъ: что значитъ?—значитъ—велѣно, такъ и вышли; мы вѣдь не проѣзживаемся, теперь война!

Ротмистръ былъ не въ духѣ и вѣрно оттого, что голодалъ безъ гусинаго жаркаго, которое глубоко уважалъ. Дурова быстро разсѣяла грусть Подъямпольскаго, вынувъ на ходу изъ тороковъ обезглавленнаго гуся. Подъямпольскій дѣйствительно возликовалъ, схватилъ гуся подъ шинель, послалъ воздушный поцѣлуй поручику Александрову и развеселился. На первой же дневкѣ огромный гусь этотъ былъ зажаренъ на вертелѣ деньщикомъ Подъямпольскаго Стасею, бывшимъ когда-то у своего пана поваренкомъ, и въ довершеніе роскоши былъ начиненъ гречневою кашею, бѣлою капустою, а также яблоками, гдѣ-то отысканными уланами, въ какой-то оставленной владѣльцами экономіи. Оставалось сожалѣть, что все стадо гусей, видѣнныхъ Дуровою въ покинутой усадьбѣ, не попало

въ первый эскадронъ Литовскаго полка, а непремѣнно должно было сдѣлаться жертвою ненасытныхъ французскихъ желудковъ.

ГЛАВА XVII.

Прибытіе къ арміи Кутузова.—Дурова подъ Бородинымъ.—Контузія.—Бесѣда въ Москвѣ съ купчихою. — Дурова на ординарцахъ у главнокомандующаго.

Великая и истинно радостная новость въ арміи: новый главнокомандующій: *Кутузовъ*! Это одинъ изъ сподвижниковъ безсмертнаго Суворова, который говаривалъ: *«Кутузовъ знаетъ Суворова, а Суворовъ знаетъ Кутузова*.

Дурова впервые узнала эту новость, въ кругу ординарцевъ, адъютантовъ и многихъ высшихъ офицеровъ, толпившихся на дневкѣ около огня громадныхъ, только что разведенныхъ костровъ. Дивизіонный гусарскій генералъ *Дороховъ* *), бывшій тутъ же, сказалъ:

— Послѣ графа Николая Михайловича Каменскаго я имѣлъ честь послужить въ Турціи съ Михаиломъ Ларіоновичемъ и могу

*) Иванъ Семеновичъ *Дороховъ*, генералъ отъ кавалеріи. Родился въ 1762 году (годъ восшествія на престолъ Екатерины II), умеръ отъ ранъ въ 1815 г. Отличился въ битвѣ при Рымникѣ подъ начальствомъ Суворова въ крайней юности. Потомъ въ Польской войнѣ 1784 года, за тѣмъ въ 1809 г. въ Турціи, потомъ въ 1812 г. въ *три Бородинскихъ дня*, рался славно при Малоярославцѣ и освободилъ городъ Верею изъ власти французовъ. Это одна изъ яркихъ звѣздъ храбраго сонма русскихъ орловъ. И человѣкъ былъ превосходный и добродѣтельный, хотя остался до гробовой доски отчаяннымъ наѣздникомъ и гусаромъ легендарныхъ временъ.

В. Б.

смѣло сказать по-гусарски!: и Дай-ка Богъ, чтобъ нашъ *кривой* *) старикъ скорѣе сюда прибылъ. Разъ онъ, батюшка, здѣсь,—мы перестанемъ бѣжать подъ гору во всѣ лопатки на нѣмецкій ладъ. Онъ насъ остановитъ и повернетъ не спинами, а рылами къ непріятелю. Ну, тогда поговоримъ-съ!

На слѣдующій день разнесся слухъ, что Кутузовъ пріѣхалъ, «Кутузовъ въ главной квартирѣ! Ура!»

Солдаты, офицеры, генералы, всѣ были въ восхищеніи. Мгновенно твердое спокойствіе и увѣренность заступили мѣсто опасеній и тревоги. Весь русскій станъ кипѣлъ и дышалъ мужествомъ, все ликовало, всѣ другъ друга поздравляли какъ съ Свѣтлымъ Праздникомъ.

Августъ 1812 года былъ въ родѣ декабря. Недоставало только снѣга. Холодный, пронзительный вѣтеръ леденилъ тѣло. Русскіе, привыкшіе къ этому холоду и даже несвоевременному, выносили непогодь благополучно, но французы, нисколько не ожидавшіе такихъ холодовъ, заболѣвали какъ мухи осенью, наполняли собою временные, походные госпитали.

Армія однако продолжала еще нѣкоторое время отступать, и только въ концѣ августа остановилась, чтобы дать отпоръ непріятелю у вѣчно памятнаго для Россіи села Бородина. Кутузовъ находилъ здѣсь возможнымъ дать удовлетвореніе русскимъ чувствамъ и принять сраженіе, которое, какъ бы жестоко, ужасно и кроваво ни было, все-таки подняло бы народный духъ и возстановило довѣріе Россіи къ ея арміи, на которую она всегда столько жертвуетъ.

Литовскій уланскій полкъ, по обыкновенію, былъ въ передовой линіи. Въ ночь съ 23—24 августа, Дурова, какъ ни свертывалась

---

*) Старые ветераны такъ звали князя М. Л. Кутузова, который лишился лѣваго глаза еще при Суворовѣ во время турецкой кампаніи.

клубкомъ, какъ ни кутадась въ свою жалкую шинель, не могла ни согрѣться, ни заснуть. Шалашъ, въ которомъ она помѣщалась съ ротмистромъ, былъ сдѣланъ изъ прутьевъ и сквозилъ; вѣтеръ въ немъ гулко свисталъ. Товарищи ея, снабженные теплыми шинелями, спали спокойно, защищенные отъ непогоды. Охотно бы она, бѣдная, легла у огня, но его и въ поминѣ нѣтъ, его не разводили изъ предосторожности, которая доведена была до того, что никто не смѣлъ даже курить трубки и высѣкать огня.

На другой день, 24 августа, вѣтеръ не унялся и все продолжалъ бурлить. На разсвѣтѣ грозно загрохотала вѣстовая пушка. Гулъ ея несся, катился и переливался по всему пространству, занятому нашимъ войскомъ. Обрадовавшись денному свѣту, Дурова тотчасъ оставила безпокойный и мучительный ночлегъ свой. Еще не вполнѣ замолкъ гулъ пушечнаго выстрѣла, какъ все уже было на ногахъ. Черезъ четверть часа все пришло въ движеніе, все готовилось къ бою! Французы шли къ намъ густыми колоннами. Все поле почернѣло, покрывшись несмѣтнымъ множествомъ ихъ страшныхъ легіоновъ.

То былъ адскій день,—26 августа. Дурова записала впослѣдствіи въ своихъ памятныхъ запискахъ, что она едва не оглохла отъ дикаго, неумолкаемаго рева обѣихъ артиллерій. Ружейныя пули которыя свистали и визжали, и словно градъ осыпали русское войско, не обращали на себя ни чьего вниманія: такъ всѣ съ ними свыклись; даже и тѣ, кого онѣ ранили, считали ихъ теперь немножко важнѣе укусовъ клопа или комара. До нихъ ли имъ было на Бородинскомъ полѣ русскому воинству?

Эскадронъ Подъямпольскаго ходилъ нѣсколько разъ въ атаку. Въ одну изъ атакъ Дурова, несясь съ своимъ взводомъ, получила контузію ядромъ въ лѣвую ногу. Нога распухла, почернѣла и ломила нестерпимо. Лихой вахмистръ, скакавшій съ нею, не допустилъ ее упасть съ лошади, поддержалъ и отвелъ за фронтъ. Не

смотря на столько битвъ и стычекъ, въ которыхъ съ 1807 года Дурова была, она не имѣла еще ни какого понятія о томъ, что такое контузія: ей сдавалось, что получить ее, не значатъ еще быть раненымъ, и потому, не видя крови на колѣнѣ своемъ, она воротилась къ своему мѣсту у взвода, не взирая на ту мучительную боль, которая терзала ее. Подъямпольскій, оглянувшись и видя, что Александровъ стоитъ передъ фронтомъ, спросилъ съ удивленіемъ:

— Александровъ, зачѣмъ ты здѣсь?

— Я не раненъ, отвѣчала Дурова.

Ротмистръ, полагая, что ее ударила пуля на излетѣ, успокоился, и они продолжали стоять и выдерживать огонь до самой ночи.

Ночью непріятель началъ освѣщать русскую армію свѣтящимися ядрами. Литовскій полкъ отступилъ нѣсколько назадъ и спѣшился; но эскадронъ Подъямпольскаго остался въ сѣдлѣ. Дурова не въ силахъ была выдерживать долѣе мученій, претерпѣваемыхъ ею отъ ломоты въ ногѣ, отъ холода, оледенявшаго кровь ея, и отъ жесточайшей боли всѣхъ членовъ, вѣроятно потому, что во весь день ни на минуту не сходила съ лошади. Она сказала Подъямпольскому, что не можетъ болѣе держаться въ сѣдлѣ, и что если онъ позволитъ, то она какъ нибудь дотащится до вагенбурга, гдѣ штабъ-лекарь Корниловичъ посмотритъ что дѣлается съ ея ногой. Ротмистръ позволилъ. Наконецъ пришло то время, что Дурова и сама поѣхала въ вагенбургъ, который прежде такъ презирала.

Оставивъ эскадронъ, пустилась она, въ сопровожденіи одного улана, по дорогѣ къ вагенбургу, едва удерживаясь отъ болѣзненнаго стона. Но она не могла ѣхать далѣе села *Бородина*, и остановилась въ этомъ знаменитомъ селеніи, гдѣ нынче высится великолѣпный *Бородинскій памятникъ* съ церковью, въ склепѣ которой погребено тѣло храбраго изъ храбрыхъ, бородинскаго героя генерала отъ кавалеріи князя Петра Ивановича Багратіона.

Когда Дурова въѣхала въ *Бородино*, она нашла его изъ конца

въ конецъ наполненнымъ русскими ранеными, помѣстившимися во всѣхъ 1,200 избахъ, весьма обширныхъ и хозяйственно устроенныхъ, но въ концѣ августа 1812 года оставленныхъ хозяевами на произволъ судьбы. Ища безполезно избы, куда-бъ ее пустили, и получая вездѣ отказъ, она рѣшилась войти и занять мѣсто, не спрашивая ничьего согласія. Отворивъ дверь одной обширной и темной избы крестьянской, она была встрѣчена двадцатью голосами, болѣзненно кричавшими, съ обращеніемъ къ ней изъ глубины этого мрака: „Кто тамъ? Зачѣмъ? Затвори двери! Что тебѣ надобно? Какой чортъ претъ сюда?“...

Дурова отвѣчала, что она Литовскаго уланскаго полка поручикъ Александровъ, раненый въ ногу, не можетъ найти квартиры и, ради Бога, проситъ у нихъ дозволенія тутъ переночевать.

— Нельзя, нельзя, закричало нѣсколько голосовъ,—здѣсь раненый полковникъ, насъ тутъ самъ-25, намъ самимъ страшно тѣсно!

— Ну, такъ раненый господинъ полковникъ, возразила съ горечью Дурова,—долженъ по себѣ знать, что въ такомъ положеніи, какъ мы съ нимъ, трудно искать здѣсь, гдѣ все переполнено, квартиры, и какъ-бы, господа, ни было вамъ тѣсно, но вы, ежели не по чувству христіанской любви, то по долгу военной чести, должны, казалось-бы, предложить мнѣ, товарищу по оружію, сражающемуся подъ однимъ съ вами знаменемъ, остаться съ вами хоть въ тѣснотѣ, а не выгонять.

На эту проповѣдь Дуровой отвѣчалъ кто-то отрывисто:

— Ну, пожалуй, оставайтесь; но вамъ негдѣ будетъ лечь.

— Это уже моя забота, сказала она, и обрадовавшись, что наконецъ увидѣла себя въ теплѣ (въ избѣ было даже жарко), влѣзла на печь и легла на краю не только что во всемъ вооруженіи, но даже и не снимая уланской шапки или длиннаго узкаго уланскаго кивера. Члены ея начали оттаевать и боль утихать; одна только ушибенная нога была тяжела какъ бревно: она не могла пошевелить

ею, не причиняя себѣ острой боли. Изнуренная холодомъ, голодомъ, усталостью и болью, она въ одну минуту погрузилась въ глубокій сонъ. На разсвѣтѣ, повидимому, она хотѣла повернуться на другую сторону, но какъ спала на краю печи, то сабля ея, на висячей портупеѣ, отъ этого движенія свѣсилась и загремѣла. Всѣ проснулись и всѣ закричали какъ одинъ человѣкъ:

— Кто тутъ? Кто ходитъ?

Голоса ихъ обнаруживали сильный испугъ. Одинъ изъ нихъ прекратилъ эту тревогу, напоминая своимъ товарищамъ объ ней, выразившись такъ мило:

— Это возится тотъ ошалѣлый уланъ, которому господинъ полковникъ благоволилъ дозволить ночевать здѣсь. Да и надо-жъ быть совсѣмъ отпѣтымъ, чтобъ спать обнявшись съ саблей.—На эту пошлую выходку послышался сдержанный смѣхъ нѣсколькихъ голосовъ и слова:

— Охъ! ужь ты, Затычкинъ, кажется и мертваго изъ могилы съумѣешь твоими балясами вытащить, шалапай ты сердечный!— Однако свѣтаетъ! Это не мѣшаетъ намъ еще поспать маленько.

И они захрапѣли. Но Дуровой было не до сна: контуженная нога ея смертельно болѣла, и вмѣсто вчерашняго озноба въ ней былъ сильный жаръ. Она встала съ печи и, разсмотрѣвъ сквозь трещины ставня, что заря уже занималась, отворила дверь, чтобъ выдти и оставить гостепріимный кровъ, подъ которымъ провела ночь. У самаго порога стоялъ уланъ съ обѣими конями. Страшная боль, когда надобно было стать и опереться лѣвою ногой на стремя, выжала невольныя слезы изъ ея глазъ. Отъѣхавъ съ полверсты, она уже хотѣла сойти съ лошади и лечь въ полѣ, отдавшись на волю судьбы: нога ея затекла и причиняла ей боль невыносимую Къ счастью смѣтливый и проворный уланъ родомъ изъ мазуровъ Подольскаго края, *Званчикъ*, увидѣлъ вдали телѣгу; на ней лежала пустая бочка, въ которой отвозили вино въ армію. Сейчасъ же Званчикъ

поскакалъ и привелъ эту телѣгу. Пустую бочку сбросили, а Дурова заняла ея мѣсто, и легла на ту солому, на которой лежала бочка, пропитавъ солому запахомъ содержавшейся въ ней сивухи. Уланъ повелъ лошадь ея въ поводу, и такимъ образомъ, прибыла она въ вагенбургъ, гдѣ, къ счастью своему, нашла добраго своего пріятеля, казначея штабъ-ротмистра *Бураго,* который помѣстилъ Дурову въ своемъ тепломъ шалашѣ, прочно построенномъ, и облекъ въ свой теплый тулупъ. Докторъ Корниловичъ не былъ въ вагенбургѣ, а находился при полку. Въ вагенбургѣ былъ неважный фельдшеръ, который употребилъ противъ боли ноги спиртовыя несложныя примочки. При помощи Божіей и молитвъ единокровныхъ, несшихся изъ Ирбита, дѣло пошло на поправку. Штабсъ-ротмистръ Бураго, кромѣ того, снабдилъ Дурову и деньжонками.

Наконецъ, по истеченіи двухъ, трехъ дней подъ гостепріимнымъ кровомъ добраго штабсъ-ротмистра, ухаживавшаго за нею какъ бы за роднымъ и дорогимъ братомъ, она поправилась.

Затѣмъ, премного поблагодаривъ своего временнаго хозяина, она отправилась въ полкъ съ 25-ю уланами, порученными ей начальникомъ вагенбурга для укомплектованія эскадрона Подъямпольскаго, сильнѣе другихъ пострадавшаго во время Бородинскаго побоища.

Въ это время, осенью 1812 г., совершалась наша знаменитая Кутузовская ретирада къ Москвѣ. Литовскій полкъ былъ въ десяти верстахъ отъ Москвы. Пользуясь этою близостью столицы, о сдачѣ которой никто и въ умѣ тогда не держалъ, Дурова выпросилась у шефа полка, барона Штакельберга, съѣздить въ Москву, чтобы тамошнимъ портнымъ заказать себѣ теплую куртку, какую можно бы было надѣвать поверхъ колета въ холодную пору. Получивъ разрѣшеніе, она отдала свою лошадь на сбереженіе своему улану, мазуру Звончику и отправилась на парѣ извозчичьихъ клячь. Она хотѣла было остановиться въ Кремлѣ, у нѣкоего господина *Митрофанова,* служившаго въ дворцовомъ правленіи, короткаго пріятеля и нѣкогда

сослуживца отца ея, но узнала, что онъ куда-то уѣхалъ по дѣламъ службы. Пока она искала Митрофанова, она должна была заходить по многимъ жильцамъ обширнаго дома, въ которомъ была его квартира. Среди этихъ розысковъ, она попала въ квартиру одной молодой купчихи, которая, увидѣвъ передъ собою молоденькаго уланскаго офицера, тотчасъ стала говорить:

— Пожалуйте, пожалуйте, батюшка господинъ офицеръ! Прошу покорнѣйше садитесь, сдѣлайте намъ-съ такую милость. Однако вы хромаете, конечно ранены? Позвольте предложить вамъ чаю. Катенька, подай скорѣе.

Говоря все это, она усаживала Дурову на диванѣ, а Катенька, миленькая четырнадцатилѣтняя дѣвочка, во всемъ блескѣ купеческой красоты прежняго времени, толстушечка бѣлая, розовая, съ русою косою съ лентами, въ голубомъ сарафанѣ, съ батистовыми пышными рукавами, стояла передъ уланскимъ офицеромъ съ росписною и позолоченною фарфоровою чашкою, полною душистаго чая.

— Что, батюшка ваше благородіе, говорила купчиха,—супостатъ-то нашъ далеко-ли? Баютъ въ городѣ, будто онъ идетъ, злодѣй на Бѣлокаменную нашу.

Дурова отвѣчала, что его не пустятъ въ Москву.

— Ахъ, дай-то Богъ! Куда мы дѣнемся тогда? Говорятъ, онъ, супостатъ-то, всѣхъ принуждаетъ къ своей басурманской вѣрѣ.

Что было отвѣчать на такіе вопросы?—Къ тому же и молоденькая дѣвочка запищала:

— Говорятъ-съ, они всѣхъ плѣнныхъ клеймятъ противъ сердца, и говоря это, она пальчиками указывала на свое собственное сердце.

— Это легко можетъ быть, сказала въ шутку Дурова,—объ этомъ и я что-то слышалъ.

И мать, и дочка приступили съ новыми разспросами; но Дурова встала, сказавъ, что надо спѣшить къ своему мѣсту.

— И такъ, Господь съ вами, батюшка, говорили обѣ эти простушки, провожая Дурову къ лѣстницѣ.

Сдѣлавъ все, Дурова хотѣла сейчасъ же выѣхать изъ города; но это не такъ-то легко было сдѣлать: непріятель былъ у воротъ Москвы. Большая часть городскихъ извощиковъ оставили Москву, не довѣряя печатнымъ афишкамъ генералъ-губернатора столицы графа Ростопчива; тѣ же изъ нихъ, которые изъ корыстныхъ видовъ еще не выѣжали изъ столицы, требовали отъ Дуровой страшныя деньги,—50 рублей, чтобы довести ее до главной квартиры. Но такъ какъ въ это время въ карманѣ ея не было не только этихъ 50 рублей, но и одного рублишка, то она и отправилась пѣшкомъ. Прошедши версты три по мостовой (тратуаровъ даже нынѣшнихъ кирпичныхъ тогда въ Москвѣ и въ поминѣ еще не было), она принуждена была за заставою лечь на землю, потому что больная нога ея, плохо вылеченная, снова стала болѣть и пухнуть до того, что она уже не могла ступить на нее. Къ счастью, проѣзжала мимо по дорогѣ какая-то казенная фура, нагруженная сѣдлами, потниками, манерками, ранцами и всякимъ другимъ военнымъ скарбомъ. При фурѣ былъ офицеръ. Дурова просила его взять ее на эту фуру. Сначала было онъ не соглашался, говоря, что ему нельзя ничего изъ вещей, помѣщающихся на фурѣ, сбросить, и некуда посадить ее. Но Дурова представила этому офицеру, то обстоятельство, что Государю Императору не только одинъ раненый заслуженный офицеръ, но даже и простой солдатъ дороже двадцати такихъ фуръ, и офицеръ, волей-неволей, сдвинувъ какъ-то свою кладь, нашелъ возможнымъ дать ей мѣстечко. У главной квартиры Дурова встала, поблагодарила офицера, и пошла прихрамывая искать пріятеля своего кирасира Шварца, состоявшаго при родственникѣ своемъ, графѣ Сиверсѣ. Она хотѣла попросить Шварца доставить ей какую бы то ни было лошадь, такъ какъ ея «Зелантъ» остался въ полку. Она отыскала Шварца въ квартирѣ графа Сиверса. Шварцъ очень удивил-

ся, увидѣвъ ее, и спросилъ: почему она не при полку? Она разсказала ему все: о контузіи, о боли, о Москвѣ, прибавила ко всему этому, что желала бы какъ можно скорѣе возвратиться къ полку, и что для этого ей нужна лошадь. Шварцъ нашелъ возможность снабдить ее казачьею лошадью съ тонкою вытянутою шеею, безобразную, осѣдланную гадкимъ сѣдломъ съ огромной подушкой. На этомъ каррикатурномъ конѣ, не имѣвшемъ, повидимому, и въ доброе свое время ни огня, ни быстроты, пріѣхала она въ полкъ. Горя нетерпѣніемъ снова сѣсть на своего бодраго и гордаго «Зеланта», она узнала, къ величайшей своей досадѣ, что онъ отправленъ съ заводными лошадьми верстъ за пять въ одну деревню.

Перешедши Москву, Литовцы остановились верстахъ въ двухъ или трехъ отъ нея; армія пошла дальше.

Нѣсколько времени спустя древняя столица наша запылала во многихъ мѣстахъ. Всѣ смотрѣли съ горемъ въ сердцѣ на усиленіе пожара. Взятіе французами Москвы привело всю Россію въ какое-то недоумѣніе; солдаты были словно какъ бы испуганы и видѣли въ этомъ событіи роковое предсказаніе. Иногда вырывались у нихъ слова: «Лучше бы всѣмъ намъ лечь мертвыми, чѣмъ отдавать басурману Москву съ ея святостями и сокровищами». Разумѣется, они говорили это другъ другу вполголоса.

Полкъ Литовскій примыкалъ лѣвымъ флангомъ къ какой-то деревушкѣ, въ которой не было уже ни одного человѣка. Дурова спросила ротмистра:

— Долго-ли мы тутъ будемъ стоять?

— Кто жъ это знаетъ? отвѣчалъ онъ вопросомъ;—огней не велѣно разводить, такъ видно надобно быть наготовѣ каждую минуту. А тебѣ на что это знать?

— Такъ: я пошелъ бы въ крайній домъ изъ пустыхъ лечь поспать ненадолго; у меня очень болитъ нога.

— Поди; пусть унтеръ-офицеръ постоитъ у избы съ твоей лошадью; когда полкъ тронется съ мѣста, то онъ разбудитъ тебя.

Дурова проворно побѣжала въ домъ; вошла въ избу и видя что полъ и лавки выломаны, не нашла лучшаго мѣста какъ печь; она влѣзла на нее и легла съ краю. Печь была тепла, видно ее недавно топили; въ избѣ было довольно темно отъ притворенныхъ ставенъ. Дурова тотчасъ заснула. Ей казалось, что она спала неболѣе получаса, потому что вскорѣ проснулась отъ повторенныхъ восклицаній:

— Ваше благородіе! Ваше благородіе! Полкъ ушелъ! Непріятель въ деревнѣ!

Быстро проснувшись, она спѣшила встать и, стараясь опереться лѣвою рукою, почувствовала подъ нею что-то мягкое; она обернулась посмотрѣть, и какъ было темно, то наклонилась очень близко къ предмету, въ который уперлась рукою; это былъ мертвый человѣкъ, и, судя по бородѣ и мѣдному кресту на сѣрой фуражкѣ, ополченецъ изъ мужиковъ *), какихъ погибло несмѣтное число и въ бородинскомъ бою и послѣ бородинскаго боя. Оставивъ безмолвнаго обитателя пустой хижины спать тутъ сномъ непробуднымъ, Дурова вышла на деревенскую улицу. Она поспѣшила сѣсть на свою лошадь и рысью догнала полкъ.

Когда она явилась въ полкъ, баронъ Штакельбергъ послалъ ее за сѣномъ для полковыхъ лошадей, и она, волею-неволею, должна была, за неимѣніемъ собственнаго коня, ѣхать на лошади упрямой, лѣнивой и уродливой, какъ оселъ. Пустивъ впередъ свою команду, ѣхала она слѣдомъ за нею, размышляя о непріятномъ своемъ положеніи. Стыдъ и бѣда ожидаютъ бѣдную всадницу съ такимъ конемъ

*) Обмундированіе ополчанъ состояло изъ сѣраго чекменя, сѣрой фуражки съ мѣднымъ крестомъ и цвѣтнаго кушака по цвѣту губерніи. Вооружены были весьма немногіе ружьями, а больше копьями, топорами, ножами и косами. Всѣ пожилые, имѣвшіе бороды, были съ бородами, какъ и казаки. *В. Б.*

въ первомъ дѣлѣ: на непріятеля онъ не двинется, отъ непріятеля не унесетъ.

Къ горю Дуровой, заводныхъ лошадей изъ той деревушки, въ которой онѣ были, перевели, между тѣмъ, дальше, такъ что ей опять привелось продолжать путь свой на гнусной животинѣ, которую шибче лѣниваго шага нельзя было заставить идти. Но наконецъ-то судьба надъ нею смиловалась, и она нашла своего «Зеланта», въ это время превосходно отдохнувшаго и отъѣвшагося. Разъ, что она на спинѣ «Зеланта», Дурова полетѣла стрѣлою къ тому лѣсу, куда велѣла ѣхать своему отряду фуражировъ; она надѣялась отыскать отрядъ этотъ по слѣдамъ, но множество дорогъ, шедшихъ вправо, влѣво, и на всѣхъ безчисленное множество конскихъ слѣдовъ, привели ее въ недоумѣніе. Проѣхавъ версты три на-удачу по дорогѣ, которая показалась ей шире другихъ, пріѣхала она къ господскому дому прекрасной архитектуры. Цвѣтникъ передъ крыльцомъ, ведущимъ въ садъ, былъ весь истоптанъ конскими копытами; по аллеямъ на кустахъ и деревьяхъ тянулись слѣды варварскаго грабежа: кружева и ленты, брошенныя какъ вещи не нужныя солдатству и казармѣ. Не встрѣчая тутъ ни одного человѣка и не зная, какъ отыскать свою команду, Дурова рѣшилась возвратиться въ полкъ. Баронъ Штакельбергъ, увидѣвъ ее одну, спросилъ:

— Гдѣ-жъ ваша команда, поручикъ?

Она откровенно разсказала, что, желая взять свою лошадь въ ближнемъ селеніи, велѣла отряду идти шагомъ къ лѣсу и тамъ дождаться ее; но что, возвратясь, она не нашла унтеръ-офицера и солдатъ фуражировъ на назначенномъ мѣстѣ и теперь не знала, гдѣ они.

— Какъ смѣли, сударь, вы это сдѣлать? закричалъ звучнымъ голосомъ Штакельбергъ, — какъ смѣли оставить свою команду! Ни на одну секунду вы не должны были отлучаться отъ нее; теперь она пропала: лѣсъ этотъ занятъ уже непріятелемъ. Ступайте, сударь!

Сыщите мнѣ людей, иначе я представлю на васъ главнокомандующему, и васъ разстрѣляютъ!...

Оглушенная этою выпалкой, поѣхала Дурова опять къ проклятому лѣсу, но дѣйствительно тамъ были уже непріятельскіе стрѣлки.

— Куда ты ѣдешь, Александровъ? спросилъ Дурову офицеръ лейбъ-эскадрона, находившійся въ передней линіи нашихъ стрѣлковъ.

Она разсказала, что шефъ прогналъ ее искать потерянныхъ ею фуражировъ.

— А ты ужели ихъ потерялъ?

Она все разсказала, какъ было.

— Это, братецъ, пустяки, фуражиры твои вѣрно прошли окольными дорогами, и теперь должны быть въ селеніи, занятомъ заводными лошадьми нашего арріергарда; ступай туда.

Она послѣдовала его совѣту, и въ самомъ дѣлѣ нашла своихъ людей съ ихъ вьюками сѣна въ этомъ селѣ. На вопросъ: «Для чего они не дожидались?» они отвѣчали, что услышавъ скачку и пальбу въ лѣсу, думали, что это непріятель, и, не желая вовсе быть взятыми въ плѣнъ, уѣхали дальше, верстъ за восемь, нашли тамъ вдоволь сѣна, навьючили имъ лошадей и пріѣхали ожидать его благородіе здѣсь. Дурова отвела людей этихъ въ полкъ, представила Штакельбергу, и поѣхала прямо къ главнокомандующему, то есть къ фельдмаршалу князю Голенищеву-Кутузову.

Уже давно нѣмецъ Штакельбергъ почему-то неблаговолилъ къ Александрову, почему Дурова и рѣшилась на крайній шагъ.

Въ передней было нѣсколько адъютантовъ. Она подошла къ тому, чье лицо показалось ей благообразнѣе другихъ. Фамилія этого офицера была. *Дзишканецъ.*

— Потрудитесь доложить обо мнѣ его свѣтлости главнокомандующему, — поручикъ Литовскаго уланскаго полка Александровъ,

сказала Дурова, обращаясь къ Дзишканцу, — я имѣю большую надобность до свѣтлѣйшаго.

— Какую? спросилъ Дзишканецъ. — Вы можете надобность эту объявить черезъ меня.

— Не могу, мнѣ надобно говорить съ свѣтлѣйшимъ самому и безъ свидѣтелей. Не откажите мнѣ въ этомъ снисхожденіи, обусловленномъ необходимостью, господинъ адъютантъ, прибавила она съ весьма вѣжливымъ свѣтскимъ поклономъ.

Дзишканецъ тотчасъ пошелъ въ комнату Кутузова и минуту спустя, отворяя дверь, сказалъ ей: «Пожалуйте!» и съ этимъ вмѣстѣ самъ вышелъ опять въ переднюю. Дурова вошла въ комнату, служившую кабинетомъ знаменитаго фельдмаршала, и не только съ должнымъ уваженіемъ по военной дисциплинѣ, но съ видимымъ чувствомъ восторженнаго благоговѣнія поклонилась сѣдому какъ первый снѣгъ герою, маститому старцу, великому полководцу.

Кутузовъ по превосходно извѣстному его памятнику, поставленному въ Петербургѣ на площади Казанскаго собора, равно какъ по множеству его портретовъ, большею частью, очень похожихъ, извѣстенъ всей Россіи. Онъ былъ далеко не красавецъ: одноглазый, блѣдный, очень высокаго роста, толстый, съ лицомъ опухлымъ, съ бѣлыми, совсѣмъ бѣлыми локонами, вившимися до плечъ.

Дурова застала фельдмаршала за столомъ передъ какими-то бумагами съ большимъ толстымъ карандашемъ въ правой рукѣ. Онъ былъ въ темнозеленомъ съ красным воротникомъ генеральскомъ сюртукѣ безъ эполетъ, длинномъ почти до пятъ. Подъ распахнутымъ сюртукомъ былъ пикейный бѣлый жилетъ, а лѣвая сторона груди сюртука украшена была четырехугольною золотою георгіевскою звѣздою 2-й степени.

— Что тебѣ надобно, дружокъ мой? спросилъ Кутузовъ, ласково, но пристально, какъ бы насквозь разсматривая, уставился онъ въ молодое, почти дѣтское лицо поручика Александрова.

— Я желалъ бы имѣть счастіе быть ординарцемъ вашей свѣтлости на все продолженіе кампаніи и пріѣхалъ просить вашу свѣтлость объ этой милости.

— Какая-жъ причина такой необыкновенной просьбы, а еще болѣе способа, какимъ вы предлагаете ее?

Дурова разсказала, что заставило ее принять эту рѣшимость. Между прочимъ она сказала, что родясь и выросши въ лагерѣ, любитъ военную службу со дня своего рожденія, что посвятила ей жизнь свою навсегда, что счастлива была бы пролить всю кровь свою защищая пользы Государя, котораго чтетъ какъ Бога и что, имѣя такой образъ мыслей и репутацію храбраго офицера, она не заслуживаетъ быть угрожаема смертью посредствомъ разстрѣлянія....... Она остановилась, какъ отъ полноты чувствъ, такъ и отъ нѣкотораго замѣшательства, происшедшаго отъ того, что при словахъ «храбраго офицера», она замѣтила на широкомъ восковомъ лицѣ главнокомандующаго легкую усмѣшку. Это заставило Дурову покраснѣть до того, что лицо ея сдѣлалось одного цвѣта съ малиновыми отворотами ея колета. Она угадала секретную мысль фельдмаршала и, чтобы оправдаться, рѣшилась сказать *все*, присовокупивъ:

— Въ прусскую кампанію, ваша свѣтлость, всѣ мои начальники такъ много и такъ единодушно хвалили смѣлость мою, и даже самъ графъ Буксгевденъ назвалъ ее *безпримѣрною*, что послѣ этого я въ правѣ назваться *храбрымъ*, не опасаясь быть сочтенъ за самохвала.

— Въ прусскую кампанію! Развѣ вы служили тогда? Который вамъ годъ? Я полагалъ, что вы не старѣе шестнадцати лѣтъ.

Она сказала, что ей *двадцать три года*, и что въ прусскую кампанію, будучи семнадцати лѣтъ, она служила товарищемъ въ Коннопольскомъ уланскомъ полку.

— Когда мнѣ докладывалъ объ васъ адъютантъ, я не разслушалъ, какъ онъ васъ назвалъ. Ваша фамилія?

— *Александровъ,* отвѣтила Дурова съ нѣкоторымъ достоинствомъ.

Кутузовъ всталъ и обнялъ Дурову, говоря:

— Какъ я радъ, что имѣлъ, наконецъ, удовольствіе узнать васъ лично! Я давно уже слышалъ объ васъ, даже въ бытность мою главнокомандующимъ въ Турціи. Останьтесь у меня, если это вамъ непремѣнно угодно; мнѣ очень пріятно будетъ доставить вамъ нѣкоторое отдохновеніе отъ тягости трудовъ военныхъ. Что же касается до угрозы разстрѣлять васъ, прибавилъ Кутузовъ усмѣхаясь,—то вы напрасно приняли ее такъ близко къ сердцу; это были пустыя слова, сказанныя въ досадѣ. Теперь подите къ дежурному генералу Коновницыну и скажите ему, что вы у меня безсмѣннымъ ординарцемъ.

Она пошла-было, сдѣлавъ на лѣво кругомъ, но фельдмаршалъ опять позвалъ ее, спросивъ:

— Вы хромаете? Отчего это?

Она сказала, что въ сраженіи подъ Бородинымъ получила контузію отъ ядра.

— Контузію отъ ядра! И вы не лечитесь! Сейчасъ отъ моего имени скажите доктору, чтобъ онъ осмотрѣлъ вашу ногу.

Она отвѣчала, что контузія была очень легкая и что нога ея почти не болитъ. Говоря это, она лгала: нога ея болѣла жестоко и была вся багровая.

Въ сентябрѣ главная квартира помѣщалась въ *Красной Пахрѣ,* въ домѣ Салтыкова. Ординарцамъ предоставленъ былъ какой-то досчатый шалашъ, въ которомъ всѣ они жались и дрожали отъ холода и сырости. Здѣсь Дурова нашла драгуна Шлейна, съ которымъ вмѣстѣ была на ординарцахъ у Милорадовича.

Въ это время она страдала отъ лихорадки. Она дрожала словно осиновый листъ!.. Ее посылали двадцать разъ на день въ разныя мѣста; на ея бѣду Коновницынъ вспомнилъ, что она, будучи у него

на ординарцахъ, оказалась отличнѣйшимъ изъ всѣхъ, тогда бывшихъ при немъ офицеровъ.

— А, здравствуйте старый, знакомый, сказалъ онъ, увидѣвъ ее на крыльцѣ дома, занимаемаго главнокомандующимъ.

И съ того дня не было уже ей покоя. Куда только нужно было послать скорѣе, Коновницынъ кричалъ:

— Малиноваго уланскаго ординарца ко мнѣ!

И бѣдный уланскій малиновый ординарецъ, съ крайне не малиновыми щеками, носился какъ ястребъ какой-нибудь отъ одного полка къ другому, а иногда и отъ одного крыла арміи къ другому.

Наконецъ, Кутузовъ велѣлъ позвать не *малиноваго улана*, а поручика Александрова къ себѣ.

— Ну, что, сказалъ старикъ, взявъ Дурову за руку, какъ только она вошла,—покойнѣе ли у меня, нежели въ полку? Отдохнулъ ли ты? Что твоя нога?

Дурова считала своею обязанностью сказать правду, что нога ея болитъ по прежнему, что отъ этого самого ее ежедневно бьетъ лихорадка, и что она машинально только держится на лошади, по привычкѣ, но что силы у нея не больше, какъ у пятилѣтняго ребенка.

— Поѣзжай домой, сказалъ главнокомандующій, смотря на нее съ отеческимъ состраданіемъ, — ты въ самомъ дѣлѣ похудѣлъ и ужасно блѣденъ; поѣзжай, отдохни, вылечись и пріѣзжай обратно.

При этомъ предложеніи сердце Дуровой стѣснилось.

— Какъ, ваша свѣтлость, мнѣ ѣхать домой теперь, когда ни одинъ человѣкъ не оставляетъ армію! сказала она печально.

— Что же дѣлать! Ты боленъ. Развѣ лучше будетъ, когда останешься гдѣ-нибудь въ лазаретѣ? Поѣзжай! Теперь мы стоимъ безъ дѣла, можетъ быть и долго еще будемъ стоять здѣсь; въ такомъ случаѣ успѣешь застать насъ на мѣстѣ.

Дурова видѣла необходимость послѣдовать совѣту Кутузова: ни

одной недѣли не могла бы она выдерживать изнурительныхъ трудовъ военной службы и сопряженной съ нею жизни.

— Позвольте, ваша свѣтлость, мнѣ привезти съ собою брата. Ему четырнадцать лѣтъ. Пусть онъ начнетъ военный путь свой подъ начальствомъ вашимъ.

— Хорошо, привези, сказалъ Кутузовъ,—я возьму его къ себѣ и буду мальчику вмѣсто отца.

Черезъ два дня послѣ этого разговора, Кутузовъ опять потребовалъ къ себѣ поручика Александрова.

— Вотъ твоя подорожная и деньги на двойные прогоны туда и обратно, да еще малая толика на удовлетвореніе разныхъ дорожныхъ и иныхъ случайностей, сказалъ онъ, подавая Дуровой то и другое,—поѣзжай съ Богомъ! Если въ чемъ будешь имѣть надобность, пиши прямо ко мнѣ, я сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть. Прощай, другъ мой!

Великій полководецъ обнялъ ее съ отеческою нѣжностью, а она цѣловала его пухлыя бѣлыя руки, обливая ихъ горячими слезами и какъ-бы предчувствуя, что въ этомъ мірѣ они не свидятся.

Простясь со всѣми эскадронными товарищами и пріятелями и въ особенности съ ротмистромъ Подъямпольскимъ, которому на попеченіе она оставила «Зеланта», Дурова быстро ускакала въ своей перекладной на лихой тройкѣ, благодаря курьерской подорожной.

Лихорадка и телѣга трясли ее жестоко. Благодаря быстрой курьерской ѣздѣ она теперь не зябла, а отъ мучительной тряски ее постоянно бросало въ жаръ. По всей дорогѣ, на всѣхъ станціяхъ Дурову, принимая ее за курьера съ депешами, люди, одержимые нелѣпымъ любопытствомъ, не давали покоя, разспрашивая о смыслѣ везомыхъ будто-бы ею депешъ и о томъ, что будетъ съ матушкой Москвой. Въ Казани даже самъ губернаторъ *Мансуровъ*, въ то время уже почтенный старецъ, узнавъ, что въ главной гостинницѣ города Казани остановился перекусить офицеръ, ѣдущій изъ арміи и

служившій у свѣтлѣйшаго ординарцемъ, прислалъ за нимъ свою карету и просилъ ее къ себѣ.

Мансуровъ началъ разговоръ свой благодарностью Дуровой за ея благоразуміе, въ отношеніи къ нескромнымъ вопросамъ.

— Мнѣ очень пріятно было, господинъ поручикъ, говорилъ онъ, — слышать отъ моего чиновника, съ какою дипломатическою осторожностью вы отвѣчали ему. Я много обязанъ вамъ за это. Здѣсь надѣлалъ мнѣ было хлопотъ одинъ негодяй, вырвавшійся изъ арміи. Столько онъ наболталъ вздора, и такъ растревожилъ умы жителей, что я принужденъ былъ посадить его подъ караулъ. Теперь однако прошу васъ быть со мною собственно откровеннымъ: Москва взята?

Она медлила отвѣтомъ; губернатора неприлично-бы было обманывать; но тутъ стоялъ еще какой-то чиновникъ, и Дурова не хотѣла при постороннемъ лицѣ отвѣчать на такой важный вопросъ. Губернаторъ угадалъ ея мысль.

— Это мой искренній другъ, это второй я! Прошу васъ не скрывать отъ меня истины; меня, какъ начальника губерніи, удостоивать изволитъ своего довѣрія и самъ Государь. Сверхъ того мнѣ необходимо, не изъ пустаго любопытства, знать объ участи Москвы, а для того, чтобы принять во время мѣры относительно города и даже губерніи; буйные казанскіе татары, подстрекаемые какою-то закулисною силою, собираются толпами и выжидаютъ случая надѣлать разнаго рода неистовствъ. Я, какъ губернаторъ, долженъ это предупредить. И такъ, господинъ Александровъ, Москва точно взята?

— Могу васъ увѣрить, ваше пр—во, сказала она, —что Москва не взята, а отдана добровольно, вслѣдствіе военнаго совѣта, бывшаго у свѣтлѣйшаго въ Филяхъ. И, клянусь вамъ честью и жизнью моими, что это уже послѣдній тріумфъ непріятеля нашего въ землѣ русской. Теперь гибель его неизбѣжна!

— На чемъ же вы основываете ваши догадки? спросилъ губер-

наторъ, на лицѣ котораго при словахъ: *Москва отдана*, изобразилось прискорбіе и испугъ.

— Это не догадки, ваше пр—во, но совершенная увѣренность: за гибель враговъ нашихъ порукою намъ спокойствіе и веселый видъ всѣхъ нашихъ генераловъ, начиная съ самаго великаго нашего главнокомандующаго. Не натурально, чтобъ заманивъ непріятеля въ сердце Россіи, и отдавъ ему древнюю столицу нашу, могли-бы они сохранять спокойствіе духа, не бывъ увѣренными въ скорой и неизбѣжной погибели непріятеля. Сообразите все это, ваше пр—во, и вы сами окажете мнѣ честь согласиться со мною.

Губернаторъ долго еще разговаривалъ съ Дуровой, разспрашивая о дѣйствіяхъ и настоящемъ положеніи арміи, и, наконецъ, прощаясь, наговорилъ Александрову много лестнаго и въ заключеніе сказалъ, что Россія не дошла бы до крайности отдать Москву, еслибъ въ арміи все были такіе офицеры, какъ поручикъ Александровъ.

ГЛАВА XVIII.

Отпускъ и возвращеніе въ армію. — Походъ 1813 года.

Наконецъ послѣ мучительной скачки, благодаря курьерской подорожной, Дурова была дома въ Ирбитѣ, гдѣ отецъ ея продолжалъ городничествовать и жилъ по прежнему.

Онъ принялъ свою дочь,—поручика и кавалера Александрова, съ радостными слезами. Отецъ плакалъ и смѣялся, разсматривая ея шинель, не имѣвшую никакого уже цвѣта: прострѣленную, подожженную, и прожженную до дыръ, образовавшихъ однѣ лохмотья.

Ветошь эту выпросила себѣ на память Авдотья, говоря, что она будетъ хранить эту боевую шинель своей барышни — воина, какъ сладкое и вмѣстѣ ужасное воспоминаніе о всемъ томъ, что совершила и претерпѣла въ теченіе всего того времени, что была въ разлукѣ съ своими единокровными.

Разсказавъ отцу о добромъ расположеніи къ ней фельдмаршала, Дурова убѣдила его отпустить съ нею брата. Онъ согласился на эту жестокую, какъ онъ говорилъ, для него разлуку, но только съ условіемъ дождаться весны. Сколько Дурова ни увѣряла, что для нея это невозможно, отецъ ничего слышать не хотѣлъ.

— Ты можешь ѣхать, говорилъ онъ —какъ только выздоровѣешь, но Василья не отпущу зимой: въ такіе годы, въ такое смутное время! Нѣтъ! нѣтъ! Ступай одна, когда хочешь; ты ко всему этому привыкла, да и уже окрѣпла достаточно для перенесенія всего; его время не ушло; ему безъ нѣсколькихъ еще недѣль только четырнадцать лѣтъ.

Не споря съ упрямымъ родителемъ, чтобы не огорчать его, Дурова рѣшилась написать обо всемъ этомъ, разумѣется секретно отъ отца, Свѣтлѣйшему, прося его милостиваго совѣта и указанія.

Благодушный старецъ князь Михаилъ Ларіоновичъ снишелъ на просьбу Дуровой и отвѣтилъ ей письмомъ, изъ котораго видно было, *что она имѣетъ полное право исполнить волю отца; что будучи отправлена начальникомъ арміи, она только ему одному обязана отчетомъ въ продолжительности своего отсутствія; что онъ позволяетъ ей дождаться весны дома, и что она ничего черезъ это не потеряетъ въ мнѣніи честныхъ и умныхъ людей, потому что опасности, труды и лишенія она дѣлила съ своими товарищами до конца, и что неустрашимости ея самъ главнокомандующій очевидный свидѣтель.*

Надежда показала это драгоцѣнное письмо своему отцу, который

глубоко и до слезъ тронутъ былъ милостями и вниманіемъ къ его дочери знаменитѣйшаго полководца. Дурова хотѣла сохранить это письмо памятникомъ добраго расположенія къ ней славнѣйшаго того времени изъ героевъ Россіи, но отецъ, взявъ къ себѣ эту бумагу, показывалъ ее всѣмъ знакомымъ своимъ и давалъ прочитывать, а потомъ поставилъ подъ золотую рамку со стекломъ, какъ дипломъ или драгоцѣнную картину.

Въ Ирбитѣ въ это время жили пять плѣнныхъ французовъ, такъ какъ въ то время правительство распорядилось разсылать безчисленное множество плѣнныхъ повсемѣстно въ Россіи, чтобъ не накапливать ихъ въ большомъ числѣ въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ. Эти французы во все время своего пребыванія въ Ирбитѣ оставались въ кичливой своей увѣренности, что ихъ императоръ теперь владѣетъ и Смоленскомъ, и Москвою, и ежели возвратитъ престолъ Александру I, то на выгодныхъ для Франціи условіяхъ. Они, несчастные, и не подозрѣвали правду, состоявшую въ томъ, что въ это время ежели и были еще въ Россіи Наполеоновскіе воины, то подобные имъ многотысячные плѣнные, прочіе же были или мертвы и трупами своими удобряли русскую почву, или, перебѣжавъ границу вмѣстѣ съ своимъ испуганнымъ императоромъ, стремились во-свояси, лишенные большей части своихъ союзниковъ, перешедшихъ на сторону Россіи. Въ такомъ точно самообольщеніи и самообманѣ находились всѣ плѣнные французы, поляки, нѣмцы и пр., не понимавшіе возможности сокрушенія Россіею громаднаго колосса, приведеннаго къ намъ ихъ Наполеономъ подъ гордымъ названіемъ *великой арміи*, отъ которой, повторяю, остались только трупы и плѣнные.

Наконецъ, послѣ множества отлагательствъ, старикъ Дуровъ рѣшился отпустить съ дочерью сына своего Василія. Снѣгъ въ ту пору весь уже сталъ, и Дурова горѣла нетерпѣніемъ возвратиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Получивъ отъ отца свободу готовиться къ отъѣзду, она принялась за это съ такою дѣятельностью, что въ два дня

все было кончено. Отецъ далъ дочери и сыну легкую двухмѣстную коляску и своего вѣрнаго человѣка до Казани, послѣ которой они должны были ѣхать одни.

Началось путешествіе Дуровой съ Васей съ того, что за три станціи, не доѣзжая Казани, коляску ихъ разбило въ щепы, сѣдоковъ отбросило съ косогора въ широкій ровъ, коляска растрепалась, но братъ и сестра остались невредимы. За симъ они продолжали свой путь въ телѣгѣ.

Въ маѣ 1813 года они были въ Москвѣ, мѣстами все еще дымившейся, но начинавшей возникать изъ пепла и наполняться жителями, исподоволь возвращавшимися изъ своихъ норъ. Они остановились у Митрофанова, отъ котораго узнали горестную вѣсть о незамѣнимой кончинѣ главнокомандующаго Кутузова, послѣдовавшей за границею въ городѣ Бауценѣ.

Извѣстіе это какъ громомъ поразило Дурову, потому что она, со смертью князя Кутузова, лишилась могущественнѣйшей протекціи для брата. О себѣ она не заботилась, потому что она достаточно пробила себѣ дорогу сама и будетъ продолжать двигаться по ней. Митрофановъ совѣтовалъ отослать Васю обратно въ Ирбитъ къ отцу, такъ какъ, повидимому, ему нѣтъ судьбы въ военной службѣ; но мальчикъ расплакался, разревѣлся и объявилъ рѣшительно, что онъ утопится въ первой рѣкѣ или озерѣ, ежели ему откажутъ въ военной службѣ.

Когда Дурова съ братомъ ѣхала по Смоленской дорогѣ, то долго не могла понять причины крайне отвратительнаго запаха, наносимаго иногда вѣтромъ изъ глубины лѣсовъ. На ея вопросъ по этому случаю, одинъ изъ ямщиковъ далъ короткій характерный отвѣтъ, что «въ лѣсахъ французъ гніетъ».

На одной изъ станцій Гродненской губерніи Дурова у станціонной смотрительши, то есть у жены смотрителя станціи, увидѣла прелестную черноглазую лѣтъ девяти дѣвочку, которая оказалась пріем-

ною дочерью доброй смотрительши. Дѣло въ томъ, что французы такъ увѣрены были въ успѣхахъ своего императора и его несмѣтнаго воинства, что многіе слѣдовали за арміею съ своими семьями. Эта малютка принадлежала именно къ одной такой семьѣ, которая во время бѣгства французовъ изъ Россіи, пряталась въ лѣсу, но разъ, перепуганная наскокомъ казаковъ, разбѣжалась и потеряла эту малютку, найденную казакомъ въ лѣсу почти замерзшею.

Курьерскую подорожную у Дуровой отобрали и замѣнили другою до Слонима, гдѣ всѣ офицеры, почему либо отставшіе отъ своихъ полковъ, остались подъ начальствомъ генерала *Кологривова*.

Въ Слонимѣ все измѣнилось до того, что Дурова не могла отыскать тамъ той квартиры, какую занимала у Екатерининскаго сержанта въ 1808 году, при поступленіи своемъ въ Маріупольскіе гусары.

Генералъ Кологривовъ, не смотря на то, что Дурова имѣла разрѣшеніе оставаться дома до весны и теперь должна была ѣхать прямо въ полкъ, сказалъ ей, что она должна немедленно ѣхать въ г. Лаишевъ, гдѣ присоединится къ офицерамъ, назначеннымъ тамъ наблюдать за пастьбою лошадей, принятыхъ отъ ротмистра *Бибикова*.

Все это повергало Дурову въ отчаяніе, особенно потому, что она не знала, что дѣлать съ своимъ братомъ Васильемъ, записаннымъ въ Ирбитѣ уже въ горную службу. Среди этого горя штабъ ротмистръ Никифоровъ, жившій вмѣстѣ съ Дуровою, былъ такъ добръ, что предложилъ ей имѣть, во время ея отсутствія, о Васѣ ея тѣ-же попеченія, какія она бы сама прилагала о немъ. Глубоко признательна была Дурова товарищу своему по житью, такъ какъ предложеніе его сняло огромный камень съ ея сердца. Она сдала ему братишку своего, прося послѣдняго не терять времени, писать къ отцу и требовать увольненія его изъ горной службы. Она отдала ему всѣ свои деньги и уѣхала въ Лаишевъ.

Ротмистръ Бибиковъ, равно какъ штабъ-ротмистры Рузи и Бу-

рога съ поручикомъ Александровымъ имѣли порученіе откармливать усталыхъ раненыхъ и исхудалыхъ лошадей всѣхъ уланскихъ полковъ. На долю Дуровой досталось 150 коней съ сорока уланами для присмотра за лошадьми. Селеніе, въ которомъ она квартировала, въ 15 верстахъ отъ г. Лаишева, было окружено лѣсами и озерами. Цѣлые дни тутъ проводила она, разъѣзжая верхомъ или прогуливаясь пѣшкомъ въ лѣсахъ, и купаясь въ озерахъ. Такой образъ жизни естественно долженъ былъ значительно поправить состояніе ея здоровья.

Она неусыпно наблюдала за откормомъ порученныхъ ей коней и радовалась, видя какъ они быстро поправлялись.

Среди этой чисто-деревенской жизни и пріятно-спокойнаго исполненія обязанностей, возлагаемыхъ службою, до Дуровой начали доходить извѣстія о томъ глухомъ, но ясномъ слухѣ, который носился въ арміи о ея существованіи. Всѣ заговорили объ этомъ, но никто ничего не зналъ положительнаго; всѣ считали возможнымъ, но никто не вѣрилъ безусловно. Ей не одинъ уже разъ разсказывали собственную ея исторію со всевозможными искаженіями. Судя по этимъ нелѣпымъ описаніямъ ея наружности то въ томъ, то въ другомъ видѣ, она могла быть увѣрена, что никогда ничьи подозрѣнія не остановятся на ней, еслибъ одно обстоятельство не угрожало обратить наконецъ на нее серьезныя замѣчанія товарищей: какъ легкому кавалеристу ей слѣдовало носить усы*), а ихъ у нея не было и, разумѣется, быть не могло. Братья Назимовы, Солнцевъ и Лизогубъ часто уже смѣялись, говоря:

— А что, братъ Александровъ, когда-то мы дождемся твоихъ усовъ? Мы будемъ ихъ праздновать цѣлымъ сословіемъ уланщины. Да ужъ не лапландецъ ли ты или, чего добраго, не скопецъ ли ты? Ха! ха! ха!

---

*) Кирасиры усовъ не носили, а брили, какъ и вся армія, кромѣ легкой кавалеріи.

Но иногда примѣрная вѣжливость въ обращеніи этихъ офицеровъ и скромность въ словахъ давали замѣтить, что если они не совсѣмъ вѣрятъ, что она никогда не будетъ имѣть усовъ, по крайней мѣрѣ сильно подозрѣваютъ, что это можетъ быть. Впрочемъ, ея сослуживцы очень дружески были расположены къ ней и показывали ей это на дѣлѣ.

Дуровой велѣно было сдать всѣхъ находившихся у нея 150 лошадей старшему ея команды унтеръ-офицеру, а самой отправиться къ своему эскадрону, которымъ командовалъ ротмистръ Ржонсницкій.

Пріѣхавъ къ *Ржонсницкому*, Дурова застала весь эскадронъ въ сѣдлѣ, готовый къ выступленію въ походъ. Этого она совсѣмъ не ожидала, и была не совсѣмъ довольна такимъ быстрымъ переходомъ отъ совершеннаго спокойствія къ величайшей дѣятельности и хлопотамъ.

— Здравствуй, любезный Александровъ, сказалъ Ржонсницкій;— я давно тебя ожидаю. Есть ли у тебя лошадь?

— Ни лошади, ни сѣдла, ротмистръ; что я буду дѣлать?

— Тебѣ надобно пока остаться здѣсь на сутки и поискать купить сѣдло; лошадь возьми изъ казенныхъ; только на дневкѣ постарайся догнать эскадронъ.

Послѣ этого онъ двинулся съ эскадрономъ, а Дурова отправилась къ ея же полка поручику Страхову, пригласившему ее обѣдать у него. Тамъ она нашла не мало незнакомыхъ ей новыхъ офицеровъ, одинъ изъ которыхъ продалъ ей плохой французскій арчакъ за неслыханную цѣну 150 рублей. Хотя Дурова и видѣла, что эта цѣна безбожная; но что-жъ ей было дѣлать? Еслибъ продавецъ, пользуясь обстоятельствами, захотѣлъ взять не 150 руб., а 500 р., и то должна бы была заплатить такъ или иначе.

На другой день, вмѣстѣ съ зарею, она встала и тотчасъ поѣхала по слѣдамъ своего эскадрона, который и нашла на дневкѣ на маршѣ къ Брестъ-Литовску.

Въ Брестъ-Литовскѣ, прежде чѣмъ выступить за-границу, привелось выдержать Литовцамъ инспекторскій смотръ. Цѣлыхъ два часа проливной дождь обливалъ ихъ съ головы до ногъ. Наконецъ, промокши до костей, перешли они за рубежъ Россіи; солнце вышло изъ облаковъ и, ярко заблиставъ, скоро высушило уланскіе мундиры.

Отрядъ уланъ былъ составленъ изъ нѣсколькихъ эскадроновъ разныхъ уланскихъ полковъ, что производило для глазъ довольно игривую пестроту различныхъ цвѣтовъ отворотовъ, шапокъ и лампасъ. Командиромъ всѣхъ этихъ уланъ былъ полковникъ *Степановъ.* Къ уланамъ присоединилось еще нѣсколько эскадроновъ конныхъ егерей, которыми начальствовалъ полковникъ *Сейдлеръ*.

Отрядъ этотъ подвигался къ крѣпости *Модлину*, гдѣ долженъ былъ принять надъ нимъ начальство генералъ Клейнмихель.

По причинѣ дурной погоды съ холодными вѣтрами и затруднительныхъ переходовъ, солдаты какъ уланы, такъ и конные егеря стали на себя не похожи. Въ эту холодно-ненастную погоду Дуровой разъ вздумалось, чтобъ погрѣться, зайти въ домикъ на горѣ надъ самою рѣкою. Вскарабкавшись по крутой скользкой тропинкѣ и вошедши въ залу, въ которой огонь, разведенный въ каминѣ, разливалъ благотворную теплоту, она была встрѣчена грознымъ вопросомъ:

— Зачѣмъ вы пришли?

Это спрашивалъ Степановъ, который расположился здѣсь въ ожиданіи окончанія переправы своего отряда. Она отвѣчала, что какъ Литовскій эскадронъ еще не начиналъ переправляться, и что го очередь будетъ не скоро, то и пришелъ немного согрѣться.

— Вамъ надо быть на своемъ мѣстѣ, у самаго взвода, а не здѣсь, сказалъ сухо и сурово полковникъ.—Ступайте сейчасъ.

Она пошла и мысленно отъ всей души бранила полковника, ко-

торый въ сущности былъ правъ, хотя и пришлось ей разстаться съ каминомъ теплой и сухой залы и выйти на холодъ, мокроту.

Подойдя къ берегу, она увидѣла, что эскадронъ готовится къ переправѣ. Она была дежурнымъ и должна была находиться неотлучно, какъ при переправѣ эскадрона, такъи на походѣ. Поставивъ на паромъ, сколько могло умѣститься, людей съ лошадьми, она ушла въ маленькую каютку на палубѣ, гдѣ въ небольшой чугунной печкѣ горѣлъ торфъ, и гдѣ нѣмка варила кофе для желающихъ. Мягкая постель нѣмки стояла у самой печки. Дурова, знала, что переправа эскадрона продолжится часа полтора, и для этого велѣла смотрѣть за переправой дежурному унтеръ-офицеру, котораго педантичная исправность ей была извѣстна, и когда все кончится увѣдомить ее. Распорядившись такъ, Дурова усѣлась на нѣмкину постель и велѣла подать себѣ кофе, котораго, выпивъ двѣ чашки, согрѣлась. Въ каютккѣ было не только очень тепло, но даже жарко. Она, однакожъ, не имѣла никакой охоты выходить на палубу; дождь и вѣтеръ продолжались. Въ ожиданіи, пока весь эскадронъ переправится и ей скажутъ объ этомъ, она погрузилась въ мягкія высокія подушки, и уже не могла помнить и сама не знала, какъ неожиданно заснула глубочайшимъ сномъ. Когда она проснулась, то не слышно уже было никакаго шума вѣтра, ни дождя, ни людей. Все было тихо; паромъ не шевелился, и въ каютѣ никого не было. Удивясь этому, она проворно встала, и, отворивъ дверь, увидѣла, что паромъ стоитъ у берега, что вся окрестность пуста, нигдѣ не видно ни одного человѣка, и что наступаетъ день. Что-жъ это значитъ думала она; — неужели объ ней забыли? — Взошедъ на гору, она увидала улана съ ея лошадью.

— Гдѣ же эскадронъ?

— Давно ушелъ.

— Что-жъ не разбудили меня?

— Не знаю.

— Кто повелъ эскадронъ?

— Самъ ротмистръ.

Она сѣла на лошадь.

— Какой эскадронъ переправился послѣдній?

— Оренбургскій уланскій.

— Давно?

— Болѣе двухъ часовъ.

— Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ когда нашъ эскадронъ пошелъ? А дежурный унтеръ-офицеръ?

— Онъ велѣлъ мнѣ только взять вашу лошадь и ждать здѣсь на берегу.

— Далеко наши квартиры?

— Верстъ пятнадцать.

Дурова поѣхала легкою рысью, будучи очень недовольна собою, своимъ уланомъ, дежурнымъ унтеръ-офицеромъ, вѣтромъ, дождемъ и полковникомъ, выгнавшимъ ее такъ безжалостно.

Утро сдѣлалось прекрасное: вѣтеръ и дождь перестали, солнце взошло, и наконецъ она увидѣла близъ густаго лѣса бивакъ Литовскаго эскадрона. Пріѣхавъ къ своимъ товарищамъ, она нашла ихъ покойными, довольными, т. е. сытыми. Они превосходно позавтракали въ богатомъ селѣ и готовились къ походу. Такимъ образомъ въ наказаніе за свою неисправность по службѣ и несвоевременный сонъ, ей оставалось голодной, не сходя съ лошади, примкнуть къ эскадрону и идти до новыхъ квартиръ.

Августа 10-го Литовцы подошли къ Модлину. На слѣдующій день эскадронъ долженъ былъ идти на аванпосты, гдѣ Александровъ былъ за старшаго въ главномъ караулѣ.

Спустя нѣсколько времени русскія войска оставили крѣпость Модлинъ и пошли присоединиться къ своимъ полкамъ. Литовскій уланскій стоялъ въ это время подъ Гамбургомъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ Литовцы были въ Богеміи. Настала въ эту

пору холодная, сырая погода. Стоянки въ деревняхъ были довольно спокойныя и пріятныя, такъ какъ поселяне далеко не нищіе и удовлетворяли исправно, разумѣется не даромъ, всѣ потребности неприхотливаго руского солдата.

— Ваше благородіе, восклицалъ вахмистръ, обращаясь къ Дуровой, страшно усталой и желавшей покоя,—завтра дежурнымъ по эскадрону.

— Рано ли походъ?

— Въ приказѣ отдано: въ четыре часа утра быть на сборномъ мѣстѣ.

— Хорошо... Ступай!...

Слегка поужинавъ, Дурова добралась до своего ложа, состоявшаго изъ большаго мѣшка съ сѣномъ и кожаныхъ подушекъ, и прежде чѣмъ окончательно заснуть, она сказала своему деньщику Занудѣ:

— Зануда, смотри же, разбуди меня завтра на разсвѣтѣ.

— *Не турбуйтесь* (безпокойтесь) ваше благородіе, — и безъ меня разбудитъ васъ *генералъ-маршъ*!

— Ахъ, да я и забыла. Нельзя не согласится, что *генералъ-маршъ* на разсвѣтѣ весьма несносное обстоятельство. И точно, заря еще не совсѣмъ занялась, а уже трубачи стали фронтомъ передъ ея окнами и заиграли эту *штуку*, которая имѣетъ волшебную силу не только прогнать сонъ, но и заставить въ ту-же минуту вставать и одѣваться лѣнивѣйшаго человѣка.' Хотя Дурова считалась однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ офицеровъ, однакожъ никогда еще ей такъ не хотѣлось остаться въ постели на полчаса, какъ теперь. Но вотъ корнетъ Рузи распахнулъ дверь настежъ и влетѣлъ въ комнату.

— Какъ, ты еще лежишь? А дежурство? Вставай! Вставай! Какой ты чудакъ! Развѣ не слыхалъ *генералъ-марша*.

— Какъ будто можно не слыхать этой чертовщины, когда подъ самымъ ухомъ играютъ въ десять трубъ!

— Ужь и въ десять: какое великолѣпіе! Всего два трубача ѣздятъ по деревнѣ. Однакожъ вставай, вѣдь ротмистръ шутить не любитъ.

— Вотъ еще вздумалъ стращать.

— Вставай, я иду выводить эскадронъ.

Ночлегъ назначенъ былъ для офицеровъ въ замкѣ барона фонъ Турна. Во время пути прелестная осенняя погода превратилась въ бурную, сопровождаемую страшнѣйшимъ, словно изъ ведра дождемъ, благодаря которому наши уланы промокли до костей. Проводчики водили ихъ Богъ знаетъ гдѣ, и короткій съ виду переходъ растянулся такъ, что они пришли на квартиры въ глубокую полночь.

Мокрые, дрожащіе, обрызганные красною глиной, остановились они, наконецъ, передъ пышнымъ замкомъ барона Турна. Съ радостью Дурова спрыгнула съ сѣдла; ей не вѣрилось, что она на землѣ. Цѣлый день-деньской на конѣ! Цѣлый день подъ дождемъ! Члены ея совсѣмъ одеревенѣли. Такой переходъ, благодаря глупымъ нѣмецкимъ проводникамъ, на долго остался въ памяти.

— Что жъ ты всталъ съ лошади, Александровъ? спросилъ ротмистръ, развѣ ты забылъ, что ты дежурный? Садись опять и разведи людей по квартирамъ.

— Я могу это сдѣлать и пѣшкомъ, отвѣчала Дурова, и, взявъ въ поводъ своего вѣчно веселаго *Урагана*, пошла-было передъ эскадрономъ. Но ротмистръ смилостивился.

— Вернись, Александровъ! Людей разведетъ и старшій унтеръ-офицеръ, крикнулъ Ржевницкій.

Уланскіе офицеры пошли вверхъ, по чистой, свѣтлой, и какъ стекло гладкой паркетной лѣстницѣ; вошли въ комнаты великолѣпныя, роскошно меблированныя, и расположились отдыхать.

Къ офицерамъ вышелъ самъ баронъ, пожилой баринъ, слегка

напудренный и завитой въ фіолетовомъ бархатномъ длиннополомъ сюртукѣ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ лакированыхъ башмакахъ съ блестящими пряжками.

Привѣтливый хозяинъ просилъ незванныхъ гостей, въ которыхъ онъ высоко чтилъ представителей русскаго войска, садиться за накрытый столъ. Ротмистръ и офицеры въ ту жъ минуту усѣлись и предались беззаботно удовольствію роскошнаго стола и веселаго разговора.

Дуровой не столько хотѣлось ѣсть, сколько спать, почему она тотчасъ ушла въ большую комнату рядомъ со столовою, гдѣ для нихъ приготовленъ былъ рядъ широкихъ кроватей съ пуховиками, по-нѣмецки. Она сняла сапоги, а на близь стоявшія табуретки положила свою шапку и саблю, легла на мягкій пуховикъ, и конечно, заснула крѣпчайшимъ сномъ. Но однако, повидимому, или сонъ этотъ былъ не довольно крѣпокъ, или шумъ въ комнатѣ слишкомъ громокъ, но Дурова проснулась среди ночи отъ довольно крупнаго и рѣзкаго спора, происходившаго между ротмистромъ Ржснсницкимъ и маіоромъ Оренбургскаго уланскаго полка Ничволодовымъ.

— Въ вашей полковой канцеляріи не умѣли написать, восклицалъ ротмистръ.

— Извините, вѣжливо возражалъ маіоръ,—у васъ не умѣли прочитать.

Спорили, кричали, наконецъ начали снова читать приказъ; и оказалось, что маіоръ правъ: Литовцы не въ своихъ квартирахъ. Вотъ ужасная вѣсть! Дурова мигомъ выскочила изъ своего теплаго пуховаго пріюта, и кстати, потому что ротмистръ искалъ ее глазами, восклицая:

— Гдѣ дежурный Александровъ? Извольте идти, велите играть тревогу, да какъ можно громче!

Но, видя, что Александровъ не трогается съ мѣста, спросилъ сердито:

— Что же вы сидите?

Маіоръ Ничволодовъ отвѣчалъ за нее, объясняя, что поручикъ Александровъ въ однихъ чулкахъ.

— Вотъ великолѣпный дежурный! крикнулъ ротмистръ. Ну, — сударь, идите хоть въ чулкахъ!

Къ счастію, деньщикъ вошелъ съ вычищенными сапогами. Она проворно надѣла ихъ, и убѣжала, чтобъ не слышать насмѣшливыхъ восклицаній ротмистра:

— Отличный дежурный! Вамъ бы, сударь, ужъ совсѣмъ раздѣться кажется въ пору!...

Вѣтеръ дулъ съ воемъ и порывами; дождь лилъ, и ночь была темна, какъ нельзя быть темнѣе. На дворѣ подъ дождемъ стояли уланскіе трубачи.

— Ступайте по деревнѣ, сказала имъ Дурова, — да играйте тревогу и какъ можно громче.

Они поѣхали. Не было другаго средства собрать людей, размѣщенныхъ въ деревнѣ, растянутой версты на три по ущельямъ горъ. Часа черезъ полтора эскадронъ собрался; всѣ сѣли на лошадей; проводники съ факелами помѣстились впереди, назади и по бокамъ эскадрона; уланы пошли дрожа и проклиная походъ, бурю, ротмистра и дальность квартиръ: должно было пройти еще двѣ нѣмецкія мили, или 14 верстъ.

Отъѣхавъ съ полверсты, ротмистръ вдругъ остановилъ эскадронъ. Ему пришла мысль оставить Дурову одну среди непроходимаго Богемскаго лѣса, ей вовсе не знакомаго, — дожидаться тѣхъ людей изъ эскадрона, которые не явились, вѣроятно, не слыхавъ тревоги, или не могли напасть на сборное мѣсто.

— Соберите ихъ всѣхъ, Александровъ, и приведите за нами вслѣдъ на квартиры, сказалъ ротмистръ, и повелъ эскадронъ, не оставивъ Дуровой ни одного факельщика.

Дурова въ «Запискахъ» своихъ, обнимающихъ эту эпоху похо-

довъ 1813 года, чрезвычайно подробно описала эту ужасную ночь въ Богемскихъ лѣсахъ, темныхъ и дремучихъ, къ которымъ въ тѣ времена не прикасался топоръ дровосѣка. Къ ужасу ея положенія, при темнотѣ, при шумѣ вѣтра, въ осеннемъ холоду подъ дождемъ, надо прибавить неумолкаемый вой волковъ, чуявшихъ въ лѣсу всадника и лошадь. Бѣшено-игривый *Ураганъ*, трепеща отъ воя волковъ, съ трудомъ повиновался шенкелямъ и мундштуку, въ тихомолку визжалъ, моталъ головой и шеей, кидался впередъ и пятился назадъ, рискуя двадцать разъ свалиться въ бездонныя пропасти, окружавшія скалы. Наконецъ мучительно утомленная, не помня себя отъ страха и изнеможенія, Дурова сошла съ коня, закинула поводья на его шею, прикрѣпивъ ихъ къ передней части сѣдла и сама, не зная какъ-опустилась на траву, подлѣ-какой то рыхлой колоды сгнившаго пня, послужившей ей изголовьемъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ сильнѣйшій, такъ называемый, «мертвый» сонъ, посылаемый въ молодые годы послѣ самаго ужаснаго утомленія и почти исчезновенія физическихъ силъ.

Она проснулась, разбуженная солнечными лучами. Солнце только что взошло. Бездна, ручей, лѣсъ, ущелья, все, что ночью казалось такъ страшно, теперь было такъ восхитительно, свѣтло, свѣжо зелено, усѣяно цвѣтами, въ ущельяхъ масса тѣни и травы! Послѣднему обстоятельству, т. е. травѣ, обязана Дурова тѣмъ, что ея *Ураганъ* не убѣжалъ; онъ ходилъ по росистой травѣ, и съ наслажденіемъ ѣлъ ее. Дурова пошла къ нему, безъ труда поймала и сѣла на него. За тѣмъ она, полагаясь на благотворный животный инстинктъ, отдала коню своему на волю выбирать надлежащую дорогу, и онъ въ четверть часа вышелъ на ту, на которой ясно видны были глубокіе слѣды множества кованыхъ лошадей: это былъ вчерашній путь эскадрона! Въ верстѣ отъ него въ ущельѣ виднѣлась деревня барона Турна. Оказалось, что вчера ротмистръ оставилъ Дурову въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этой деревни. Возня

шаловливаго *Урагана*, перепуганнаго воемъ волковъ, была причиною, что она очутилась столь далеко отъ того мѣста, на которомъ оставлена была дежурить своимъ начальникомъ, заставлявшимъ ее, будто бы для ея собственной пользы, совершать часто подвиги почти убійственнаго свойства.

Дурова, попавъ на эту дорогу, поворотила къ деревнѣ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ оставшихся уланъ; но упрямый жеребецъ рѣшительно не соглашался на это, поднялся на дыбы, и весьма красиво повернулся на заднихъ ногахъ въ ту сторону, куда пошелъ эскадронъ. Давъ волю коню своему галопировать, какъ онъ хочетъ и куда хочетъ, Дурова неслась довольно скоро, то съ горы на гору, то по закраинамъ глубокихъ овраговъ.

Наконецъ она прибыла въ эскадронъ увѣренная, что люди, за которыми она ѣздила и изъ-за которыхъ натерпѣлась столькихъ страховъ въ лѣсу Богемскомъ, навѣки ей памятномъ, уже на мѣстѣ.

— Гдѣ изволили вояжировать? спросилъ насмѣшливо ротмистръ Кажется, я поручилъ вамъ дождаться оставшихся людей, и съ ними вмѣстѣ вы должны были прибыть въ эскадронъ. Что жъ васъ задержало? Люди уже давно здѣсь.

— Я долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, ротмистръ. Вамъ не угодно было оставить мнѣ проводника съ факеломъ, а ночь, вы знаете, была страшно темна, и такъ я не смѣлъ никуда съѣхать, чтобъ не упасть въ ровъ.

— Такъ неужели же вы стояли, какъ *конная статуя* изъ мѣди все на одномъ мѣстѣ, гдѣ я васъ оставилъ?

— Нѣсколько минутъ стоялъ; но, разумѣется, кончилъ бы тѣмъ, что постарался бы сыскать дорогу обратно къ барону въ деревню, еслибъ лошадь моя не стала бѣситься, чего-то испугавшись: тогда уже я занялся только ею и....

— И не могли сладить, прервалъ ее ротмистръ съ усмѣшкой.

Отъ этой незаслуженной укоризны досада вспыхнула въ сердцѣ впечатлительной и характерной дѣвушки; она взяла въ лѣвую руку свою шапку, чтобъ выйти и сухо, не глядя на ротмистра, сказала:

— Напрасно вы упражняетесь въ оскорбленіи меня; насмѣшки ваши для меня безцѣльны, потому что я не была бы здѣсь, ежели бы не сладила съ лошадью, потому что тогда вмѣстѣ съ нею была была бы теперь въ пропасти. Но, чтобъ сладить, мнѣ необходимо было много осторожности и не мало времени въ той страшной темнотѣ, въ которой я была вами оставлена, и на что я имѣю право жаловаться.

Съ этой минуты ротмистръ полякъ уходился, и сталъ больше цѣнить качества поручика изъ *москалей*, Александрова.

У стѣнъ города Праги простояли уланы до самой ночи, такъ какъ городское начальство вздумало находить какое-то затрудненіе позволить уланамъ пройти черезъ этотъ городъ. Наконецъ нѣмецкіе бургомистры позволили, и уланы прошли поспѣшно, не останавливаясь ни на минуту. За этимъ строго было наблюдаемо. Но Дурова съ двумя своими товарищами, Ильинскимъ и Рузи, остались въ одномъ изъ Пражскихъ трактировъ поужинать на скорую руку, и послѣ пустились догонять эскадронъ вскачь, гремя по пражской мостовой. Нѣмцы съ испуга сторонились, и вслѣдъ тремъ офицерамъ этимъ раздавалось громкое ругательное слово *шверноть*.

Зима въ этихъ нѣмецкихъ горныхъ мѣстностяхъ, въ родѣ нашей отечественной,—очень холодна. Нѣмцы приписываютъ эти холода нашествію русскихъ, пришедшихъ изъ холодныхъ странъ своихъ и, пожимаясь передъ плохо затопленнымъ каминомъ, толкуютъ, что ежели бы они могли знать навѣрное о посѣщеніи незванныхъ русскихъ гостей, то заготовили бы побольше торфа.

Вышедши изъ Праги, уланы направились къ крѣпости *Гарбургу* вмѣстѣ съ конно-егерскимъ Переяславскимъ полкомъ и расположи-

лись ожидать разсвѣта для того, чтобъ громить крѣпость ядрами той конно-артиллерійской батареи, которая сопровождала бригаду уланъ и конныхъ егерей. Дурову съ ея взводомъ отрядили прикрывать два осадныя орудія. Всѣмъ этимъ отрядомъ командовалъ какой-то нѣмецъ. Русская артиллерія начала бросать въ крѣпость бомбы, и бросали часа два безпрерывно, зажгли тамъ два или три дома, но удостоиться отвѣта не могли: гарбургскій гарнизонъ словно вымеръ; русской артиллеріи не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ. Многіе думали, что будетъ приступъ; но вся тревога кончилась тѣмъ, что русскіе бросили въ него нѣсколько десятковъ снарядовъ и затѣмъ ушли обратно.

Уланы заняли знаменитый торговый городъ Гамбургъ, въ видахъ охраны отъ какого-либо нападенія французовъ.

ГЛАВА XIX.

Конецъ компаніи 1814 года.—Пребываніе въ Гольштиніи.

Въ то время, какъ Литовскій уланскій полкъ былъ въ Гамбургѣ, главная армія взяла Парижъ, окончивъ кампанію 1814 г. Войска, бывшія въ Гамбургѣ послѣ выхода оттуда французовъ, сдѣлались теперь мирными гостями. Французы вышли изъ Гамбурга, и военныя дѣйствія той части арміи, къ которой принадлежалъ Литовскій полкъ, а съ Литовскимъ полкомъ и Надежда Дурова,—прекратились. Теперь русскія войска стали мирными гостями датчанъ. Пользуясь этимъ, Дуровой захотѣлось объѣхать *Гольштинію*.

Поручикъ Ильинскій вызвался быть ея спутникомъ. Они взяли отпускъ на недѣлю и прежде всего отправились въ *Пениберіъ*. Же-

лая пройтись пѣшкомъ, встали они оба съ своего кабріолета. Дурова обмотала возжи около мѣдной шишечки спереди кабріолета, и въ надеждѣ на смиреніе и благонравіе стараго вьючнаго коня, пустила его идти по дорогѣ одного. Они не замѣтили, что лошадь, почувствовавъ легкость экипажа, стала значительно прибавлять шагу. Дурова увидѣла, что лошадь слишкомъ далеко ушла впередъ; она побѣжала, чтобы остановить ее, но этимъ сдѣлала то, что лошадь также побѣжала еще шибче, и наконецъ во весь духъ. Здоровенный Ильинскій, собравъ всѣ силы, схватилъ-было за оглоблю, но лошадь сшибла его на землю, переѣхала колесами его грудь и поскакала во весь опоръ къ Пенибергу. Ильинскій вскочилъ на ноги, и потирая грудь рукою, побѣжалъ однакожъ вслѣдъ за исъезавшею лошадью. Въ кабріолетѣ лежалъ ихъ чемоданъ, гдѣ находились ихъ вещи и пятьсотъ рублей золотомъ. Всего этого имъ потерять вовсе не хотѣлось. Однакожъ и бѣжать до самаго Пениберга не было возможности. Не смотря на это, Ильинскій и лошадь скрылись изъ глазъ. Дурова побѣжала и нашла своего товарища и коня у самаго въѣзда въ городъ. Они были окружены толпою нѣмцевъ, но чемодана уже не было.

— Что теперь дѣлать? спрашивалъ Ильинскій.

— Здѣсь вѣдь городъ; въ городѣ есть начальство, сказала Дурова;—ты хорошо говоришь по-нѣмецки: поди къ нимъ и разскажи. какія именно вещи были у насъ въ чемоданѣ, такъ вѣрно розыщутъ.

Ильинскій пошелъ, а Дурова сѣвъ въ кабріолетъ, поѣхала занять квартиру гдѣ, отдавъ нѣмцу работнику лошадь, пошла къ бургомистру. Тамъ былъ уже Ильинскій. Нѣмцу не хотѣлось что-то розыскивать ихъ пропажи; онъ просто сказалъ, что это дѣло невозможное:

— Лошадь ваша бѣжала черезъ лѣсъ одна! Какъ можно угадать, что сдѣлалось съ вашими пожитками?

Ильинскій, въ досадѣ на такое хладнокровное отношеніе нѣмца къ потерѣ, понесенной русскими офицерами, началъ его стыдить, говоря, что еслибы это случилось въ Петербургѣ, то пропажа сейчасъ же была-бы найдена. Эти слова свели съ ума и вывели изъ себя хладнокровнаго нѣмца; съ побагровѣвшимъ лицомъ, сверкающими глазами и кипящею досадою вышелъ онъ поспѣшно изъ своей комнаты. Не видя надобности дожидаться его возврата, оба офицера ушли на свою квартиру.

Ѣхать далѣе бѣднымъ молодымъ людямъ не было средствъ: у нихъ пропали всѣ деньги, вещи и даже мундиры; они оба остались въ однихъ только сюртукахъ и фуражкахъ на нихъ бывшихъ. Этотъ день горемыки-путешественники не пили чаю, не ужинали, и на утро ожидала ихъ та же печальная участь. У Дуровой какъ-то въ одномъ изъ кармановъ остались двѣ марки; но ихъ надобно было употребить для корма лошади. Ильинскій находилъ это несправедливымъ, и сильно возставалъ противъ ея, какъ онъ называлъ, пристрастія къ упрямому животному.

— Счастлива эта негодная скотина, говорилъ онъ,—что эти деньги у тебя, а не у меня въ карманѣ, потому что, извини, Александровъ, твоему ослу пришлось бы долго поститься.

— А теперь попостимся мы, любезный товарищъ, отвѣчала Дурова;—да и о чемъ ты хлопочешь? Вообрази только, что ты на бивакахъ, на походѣ, что теперь не 14-й, а знаменитый и приснопамятный 12-й годъ, что сухари наши и провизію бросили въ воду, что казаки утащили у деньщиковъ нашихъ вино, хлѣбъ, жаркое, или что плуты эти съѣли все сами и свалили на казаковъ; однимъ словомъ, вообрази себя въ одномъ изъ этихъ положеній, и ты утѣшишься.

— Благодарю! утѣшайся ты одинъ всѣмъ этимъ, сказалъ сердито голодный Ильинскій, и повалился на кровать очень чистую, изъ числа двухъ приготовленныхъ для гостей, съ пуховиками тол-

стыми для спанья и тонкими для употребленія вмѣсто одѣялъ. Дурова, которая не прочь была спать во всякую пору дня, залегла также въ постель.

Въ три часа утра она посѣтила въ конюшнѣ своего коня, чтобъ убѣдиться, съ какимъ аппетитомъ онъ ѣлъ овесъ, купленный на послѣднія денежки. Въ это время Ильинскій спалъ непробуднымъ сномъ, а хозяйскій работникъ смазывалъ колеса ихъ кабріолета. Между тѣмъ привѣтливая хозяйка квартиры, толстая и здоровенная баба, которая никакъ не подозрѣвала, что поручикъ Александровъ есть только какъ бы личная скорлупка, за которою скрывается 24 лѣтняя здоровая дѣва Надежда Дурова, заинтересовалась имъ и безденежно предлагала юному офицеру чашку кофе съ цикоріемъ и со сливками.

— Либеръундъ гибшъ геръ официръ волезизи эйне тассе кафе? (Милый и хорошенькій господинъ офицеръ, угодно ли вамъ чашку кофе?). Но всѣ эти дѣйствія были прерваны неожиданнымъ появленіемъ мѣстнаго грознаго градоправителя.

— Гдѣ вашъ товарищъ? спросилъ онъ отрывисто Дурову; въ рукахъ его былъ чемоданъ. Обрадовавшись этому, Дурова побѣжала къ Ильинскому, крича:

— Вставай Ильинскій, намъ чемоданъ принесли!

— Отвяжись, ради Бога, Александровъ! невнятно въ просонкахъ говорилъ Ильинскій,—не мѣшай мнѣ спать.

— Я не шучу, Василій, вотъ здѣсь самъ городничій, вмѣстѣ съ нашимъ чемоданомъ.

— Ну, такъ возьми у него.

— Да это, братъ, не такъ легко сдѣлать; онъ, видно, хочетъ тебѣ его отдать, и, какъ догадываюсь, вмѣстѣ съ какимъ нибудь пышнымъ возраженіемъ на вчерашнее твое сомнѣніе въ исправности ихъ полиціи.

— Ну, такъ попроси же, Саша, его хоть въ хозяйскую горницу, пока я встану.

Черезъ пять минутъ Ильинскій вошелъ въ комнату, гдѣ съ чемоданомъ ожидалъ его бургомистръ.

Этотъ градоправитель, довольно каррикатурная личность, до того все молчавшій, стремительно всталъ съ своего мѣста, и, подошедши къ Ильинскому, сказалъ:

— Вотъ ваши вещи всѣ до одной, и всѣ деньги тою самою монетою, какою были. Не думайте, чтобъ полиція наша уступала въ чемъ нибудь вашей петербургской. Вотъ принимайте и провѣряйте ваши вещи. А вотъ, сказалъ онъ съ особеннымъ торжествомъ, указывая въ окно на восемнадцатилѣтняго юношу съ связанными руками, стоявшаго между двумя часовыми изъ какихъ-то дряхлыхъ инвалидовъ въ треуголкахъ съ ржавыми ружьями въ рукахъ — этотъ шалопай, вчера, увидѣвъ вашу лошадь близь города, схватилъ съ кабріолета чемоданъ, бросилъ его въ ровъ за кусты, а лошадь отвелъ въ городъ. Теперь довольны ли вы? Вора сейчасъ повѣсятъ, если вамъ угодно.

При этомъ ужасномъ вопросѣ, сдѣланномъ со всею нѣмецкою важностью, Ильинскій поблѣднѣлъ, а Дурова затрепетала, и ея желаніе смѣяться надъ забавнымъ гнѣвомъ нѣмца обратилось въ болѣзненное чувство страха и жалости.

— Ахъ, что вы говорите! вскрикнули оба офицера, одинъ по-нѣмецки, другой по-русски: Ахъ, что вы говорите, какъ можно этого хотѣть? Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога, отпустите его...

— Я вижу, что ошибался на счетъ вашей полиціи; припишите это моему незнанію, прибавилъ Ильинскій самымъ вѣжливымъ тономъ. Успокоенный нѣмецъ-администраторъ отпустилъ несчастнаго мальчика, который, стоя передъ окномъ квартиры русскихъ офицеровъ, трепеталъ всѣмъ тѣломъ и былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Услышавъ, что его простили, онъ всплеснулъ руками съ такимъ выраженіемъ

радости, и такъ покорно сталъ на колѣни, умильно глядя въ окно, что они были тронуты до глубины сердца, и даже самъ бургомистръ тяжело вздохнулъ. Наконецъ онъ пожелалъ Ильинскому и Александрову веселаго путешествія по ихъ прекрасной Гольштиніи и ушелъ.

Теперь молодые странствователи, не стѣсняясь уже, потребовали себѣ кофе, сливокъ, булокъ и холодной дичи на дорогу.

Въ *Ицегоѣ* они ночевали, и на другой день поѣхали къ *Глокштадту*. Печальный видъ Эльбы, которая здѣсь течетъ вровень съ болотистыми берегами, стаи вороновъ съ своимъ зловѣщимъ карканьемъ нагнали имъ скуку и грусть. Они поспѣшили уѣхать оттуда, и, свернувъ съ большой дороги, поѣхали проселочными. Тутъ въ одномъ новомъ съ иголочки, красивомъ сельскомъ домѣ, который они приняли за гостиницу, они были пріятно удивлены необыкновенно вѣжливымъ пріемомъ и отлично хорошимъ угощеніемъ. Наружность этого очень чистенькаго домика, но далеко не богатаго, ничего не обѣщала болѣе какъ только картофель для обѣда и солому для постели, и они, вошедши туда, испытанія ради, спросили себѣ обѣдать, какъ обыкновенно спрашиваютъ въ трактирахъ и гостиницахъ, не обращая никакого вниманія на хозяина. Но тонкая поразительной бѣлизны скатерть, фарфоровая посуда, серебряныя ложки и солонки, и хрустальные богемскаго хрусталя стаканы и рюмки, возбудили вниманіе, а вмѣстѣ и удивленіе посѣтителей. Однако, этимъ не кончилось: хозяинъ, поставивъ самъ на столъ суповую чашку и блюдо съ пирожками къ супу, просилъ *дорогихъ гостей* садиться и самъ сѣлъ вмѣстѣ съ ними, что ихъ нѣсколько поразило, но они отнесли это къ оригинальности мѣстныхъ обычаевъ. Кромѣ хозяина, за столъ помѣстился и братъ хозяина, очевидно крестьянинъ хлѣбопашецъ сейчасъ съ поля.

Послѣ обѣда имъ подали кофе въ серебряномъ кофейникѣ, на прекрасномъ подносѣ, сливки въ серебряномъ горшкѣ превосходной

работы и ложечку, фасона суповой разливальной ложки, тоже серебряную, ярко вызолоченную внутри. Все это поставили на столъ; оба хозяина, люди молодые, просили гостей наливать кофе по своему вкусу, и также какъ за обѣдомъ, преспокойно усѣлись съ гостями вмѣстѣ.

— Что это значитъ? повторялъ Ильинскій:—простой трактиръ, голыя стѣны, деревянные стулья, крайне просто, по-крестьянски одѣтые люди—и прекрасный, вкусный, сытный обѣдъ, превосходный кофе, фарфоръ, серебро, позолота, видъ какого-то богатства, вкуса и вмѣстѣ съ тѣмъ деревенской простоты! Какъ ты думаешь, Александровъ, что-бы это такое значило?

— Не знаю ничего, но думаю только, что здѣсь намъ нельзя будетъ ничего платить.

— Почему? А я такъ думаю, напротивъ, что здѣсь мы заплатимъ вдесятеро дороже противъ другихъ мѣстъ.

Затѣмъ они пошли прогуливаться по прекраснѣйшимъ окрестностямъ. Возвратясь на необыкновенную квартиру, Дурова просила Ильинскаго распоряжаться во всемъ самому, требовать и расплачиваться, сказавъ, что на нее находитъ страхъ и она ожидаетъ какого нибудь страннаго явленія. Вечеромъ имъ подали чай съ тою же лаской, добродушіемъ, богатствомъ прибора и вкусомъ. Наконецъ надобно было ѣхать; лошадь ихъ была отлично вычищена и накормлена, а кабріолетъ вымытъ, и братъ хозяйскій держалъ подъ уздцы коня ихъ у крыльца.. Дурова увидѣла въ рукахъ Ильинскаго двѣ марки.

— Что ты хочешь дѣлать? спросила она.—Неужели за столько усердія, ласки и угощенія всѣми благами земными, ты хочешь заплатить двумя марками? Сдѣлай милость, не плати ничего; повѣрь, что они не возьмутъ.

— А вотъ увидимъ, отвѣчалъ Ильинскій, и съ этими словами подалъ хозяину двѣ марки, спрашивая, довольно-ли этого?

— Мы здѣсь ничего не продаемъ. здѣсь не трактиръ, отвѣчалъ хозяинъ покойно.

Ильинскій нѣсколько смѣшался; онъ спряталъ свои марки и сказалъ, смягчая голосъ:

— Но вы такъ много издержали для насъ!

— Для васъ? Нѣтъ! Я очень радъ, что вы заѣхали ко мнѣ; я раздѣлилъ съ вами только то, что всегда самъ употребляю съ своимъ семействомъ.

— Мы приняли васъ за крестьянъ, сказалъ Ильинскій, подстрекаемый ожиданіемъ какого нибудь необыкновеннаго открытія; но онъ тотчасъ осѣкся, когда хозяинъ преспокойно сказалъ ему:

— Вы и не ошиблись, мы точно крестьяне!...

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и отвѣтовъ, Ильинскій и его спутникъ узнали, что эти добрые люди получили нечаянное наслѣдство отъ дальняго своего родственника, богатаго Гамбургскаго купца; что не болѣе полугода тому, они выстроили себѣ этотъ домъ, что ошибки, подобныя ихней, имъ часто случается видѣть и что эти господа не первые сочли домъ ихъ за трактиръ, хотя на немъ нѣтъ никакой трактирной вывѣски.

— И вы всѣхъ такъ радушно угощаете, не выводя изъ заблужденія?

— Нѣтъ, васъ первыхъ.

— За что же?

— Вы русскіе офицеры; король нашъ велѣлъ намъ съ русскими обходиться какъ можно лучше.

— Однакоже, добрые люди, русскимъ офицерамъ пріятно было бы, еслибъ вы не оставили ихъ въ тѣхъ мысляхъ, что они въ трактирѣ; мы все требовали такъ повелительно, какъ требуютъ только тамъ, гдѣ должно заплатить!

— Вы могли угадать, что не за что платить, потому что мы обѣдали вмѣстѣ съ вами....

При этихъ словахъ Ильинскій покраснѣлъ и дружески пожалъ руку хозяину, что сдѣлала и Дурова, и они уѣхали изъ этого гостепріимнаго дома.

Настала глубокая осень. Темныя ночи, грязь, мелкій дождь и холодный вѣтеръ заставляли офицеровъ собираться передъ каминомъ то у того, то у другаго изъ ихъ полковыхъ товарищей.

ГЛАВА XX.

Обратный походъ въ Россію въ 1814 году.—Альбомъ Дуровой.—Заключеніе.

Нѣтъ ни одного изъ офицеровъ, находившихся въ 1814 году въ тѣхъ частяхъ русской арміи, которыя имѣли временною стоянкою Голштинію, который радостно бы оставлялъ эту гостепріимную страну и ея превосходныхъ по честности и благодушію своимъ жителей. Дурова, хотя и уланскій поручикъ и недавній гусаръ и Георгіевскій кавалеръ, и перенесла въ теченіе этихъ семи лѣтъ столько трудовъ и мученій, что не всякому мужчинѣ они были бы подъ силу, а все-таки осталась женщиной. При всей энергичности характера и силѣ воли, она не утратила романтическихъ стремленій и затѣй. Вслѣдствіе всего этого она повсюду и въ походахъ даже имѣла при себѣ продолговатую тетрадь въ сафьяномъ переплетѣ съ позолоченною застежкою, на которой вырѣзано было слово: *Альбомъ*.

И вотъ въ такой-то продолговатой тетради Надежды Андреевны Дуровой, какихъ у ней было нѣсколько томовъ, можно было прочесть слѣдующій сборъ чувствительныхъ фразъ:

«И такъ не охотно и съ горестью разстались мы съ Голштиніею,

*

и, конечно, уже на всегда! Там нас любили, хотя не всех; но где же любят всех?.... Нас любили по многим причинам: как союзников, как надежных защитников, как русских, как добрых постояльцев, и наконец как бравых молодцов. Последнее подтверждается тем, что за эскадроном нашим следуют три или четыре *амазонки*! Все оне в полной уверенности выдти замуж за тех, за кем следуют. Но разочарованіе ближе, нежели оне думают».

И так, ежели за одним только эскадроном Литовскаго уланскаго полка ехало *четыре амазонки* из Германіи, можно себе представить, сколько этих чудачек следовало за другими полками, баталіонами, батареями, эскадронами, ротами.....

Затем в том же *Альбоме* несколько пониже:

«На другой или третій день похода, не видя уже более ни одной из наших *амазонок* за эскадроном, я спросила Торнези (поручик того же полка и эскадрона), какая участь постигла этих девиц?

— Самая обыкновенная и неизбежная, отвечал он: «ими наскучили и их отослали обратно».

Вслед за этою заметкою в *альбоме*, — к сожаленію в *Записках Надежды Андреевны Дуровой* уже не встречается интересных случаев из боевой и походной жизни, которыми так богаты предыдущія главы. Здесь же почтенная Надежда Андреевна обратилась из того храбраго и в высшей степени честнаго и благороднаго вина, каким мы ее видели, в провинціальную старую деву, которая охотно злословит и не менее охотно, ревниво сторожа собственныя тайны, поднимает завесу чужих секретов, впрочем, повидимому, только для нея одной важных и занимательных.

На возвратном пути в Россію, при проходе чрез Витебск, Дурова, следуя с своим полком, встретилась с младшим

братомъ своимъ, Васильемъ Андреевичемъ Дуровымъ, который былъ оставленъ на попеченіи одного гусарскаго офицера въ началѣ 1813 года и поступилъ юнкеромъ въ Кіевскій гусарскій полкъ. Этого юношу, о которомъ, впрочемъ, сестра его большихъ подробностей не сообщаетъ, въ 1814 году произвели въ офицеры, и онъ, по просьбѣ ея, былъ переведенъ въ Литовскій уланскій полкъ.

Витебскимъ и Могилевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ герцогъ Александръ Виртембергскій, родной братъ вдовствовавшей Императрицы Маріи Өедоровны, бывшій впослѣдствіи въ концѣ царствованія Императора Александра I и въ началѣ царствованія Императора Николая I Главноуправляющимъ Путями Сообщенія. Герцогъ Александръ отличался простосердечіемъ и благодушіемъ; но онъ далеко не имѣлъ тѣхъ блистательныхъ дарованій, какими отличалась Августѣйшая сестра Его, мать двухъ Императоровъ и оказавшая столь много добра Россіи. Братъ Ея Его Высочество герцогъ Александръ Виртемберскій, будучи Витебскимъ и Могилевскимъ генералъ-губернаторомъ, любилъ окружать себя военными офицерами полковъ, расположенныхъ въ управляемыхъ имъ губерніяхъ. Онъ нерѣдко приглашалъ ихъ къ себѣ обѣдать. Поручикъ Александровъ, какъ видно изъ разсказовъ Дуровой, любилъ бывать у герцога, танцовальные вечера и ужины которые бывали очень оживлены и веселы. И герцогъ самъ нерѣдко принималъ участіе въ этихъ забавахъ молодежи.

Въ Полоцкѣ, гдѣ въ началѣ весны 1815 года квартировали съ другими войсками Литовскіе уланы, засталъ русскую армію, только что возвратившуюся во-свояси послѣ продолжительнаго, годоваго пребыванія за границею, новый приказъ о выступленіи русскимъ войскамъ опять за границу. Въ походѣ этомъ не было ничего замѣчательнаго, въ чемъ бы сколько нибудь могли проявить себя русскія войска. Они только напрасно прогулялись до границы и вспять возвратились черезъ Вильну. Причиною этой фальшивой

тревоги было то, что 15-го іюня, послѣ проиграннаго бѣжавшимъ съ острова Эльбы Наполеономъ сраженія подъ Ватерлоо, армія была разбита, а самъ Наполеонъ взятъ въ плѣнъ.

Дурова участвовала съ своимъ уланскимъ полкомъ вмѣстѣ съ братомъ, Васильемъ Андреевичемъ Дуровымъ, крайне юнымъ корнетомъ того же полка. Она въ своихъ запискахъ оставила нѣсколько страницъ своихъ впечатлѣній по случаю того превосходнаго порядка, въ какомъ совершилось въ ту пору движеніе русскихъ войскъ въ слѣдованіи ихъ къ границѣ, и какую картину для военнаго глаза это походное движеніе представляло. Вотъ то, что въ 1830 уже году, то есть 15 лѣтъ послѣ этого похода, она говорила:

«Двинулись войска, снова развились наши флюгера, блистаютъ пики, прыгали и играли добрые кони, освѣжившіеся на мирныхъ квартирахъ; грозный звукъ кавалерійскихъ трубъ торжественно будитъ еще дремлющій разсвѣтъ; вездѣ жизнь неспящая, вездѣ движеніе неустанное! Тутъ важно выступаетъ строй кирасирскій въ латахъ мѣдныхъ на сѣрыхъ шинеляхъ; здѣсь пронеслись гусары, тамъ летятъ уланы, а вотъ идетъ прекрасная, стройная, грозная пѣхота русская! Это главная защита, это сильнѣйшій оплотъ отечества — непобѣдимые гренадеры, мушкетеры, быстро подвижные и неуловимые егеря!.... Хотя я безъ безъ памяти люблю конницу, хоть я отъ колыбели кавалеристъ, но всякій разъ, какъ вижу пѣхоту, идущую вѣрнымъ и твердымъ шагомъ, съ примкнутыми штыками, съ грознымъ боемъ своихъ барабановъ, чувствую родъ какого-то благоговѣнія, страха, чего-то похожаго на оба эти чувства—не умѣю объяснить. При видѣ пролетающаго строя гусаръ или уланъ, ничего другаго не придетъ въ голову, кромѣ мысли: какіе молодцы! какіе отличные наѣздники! какъ лихо рубятся! Бѣда непріятелю! и бѣда эта обыкновенно состоитъ въ ранахъ, болѣе или менѣе опасныхъ, въ плѣнѣ и только! Но когда колонны пѣхоты быстрымъ, ровнымъ и стройнымъ движеніемъ несутся къ непріятелю.... тутъ уже нѣтъ

молодцовъ, тутъ не до нихъ: это герои, несущіе смерть неизбѣжную, или идущіе на смерть неизбѣжную — средины нѣтъ!..... Кавалеристъ наскачетъ, ускачетъ, ранитъ, пронесется, опять воротится, убьетъ иногда; но во всѣхъ его движеніяхъ свѣтится что-то похожее на пощаду непріятелю: это все только предвѣстники смерти! Но стройная колонна пѣхоты — смерть, страшная, неизбѣжная смерть»!

Когда войска остановились въ Польшѣ на границѣ, то жизнь военнаго люда проходила самымъ ничтожнымъ образомъ: курильщики, а ихъ въ арміи и особенно въ кавалеріи, было множество,—прокоптили своимъ табачнымъ дымомъ всѣ стѣны домовъ, въ которыхъ квартировали, и самихъ себя, а между тѣмъ стрѣляли въ цѣль, чтобъ не разучиться стрѣлять, объѣзжали молодыхъ лошадей новыхъ ремонтовъ, практиковались въ прыганьѣ черезъ рвы, барьеры на лошадяхъ, Но всего оригинальнѣе,—это офицерскія пирушки съ танцами на квартирахъ то того, то другаго офицера. Разумѣется, что на этихъ собраніяхъ дамъ не было. Не смотря на это, у нихъ раздавалась музыка и офицеры танцовали между собою; танцовали всѣ—старые и молодые мазурку, вальсы, кадрили, экоссезы и пр. Дурова вмѣстѣ съ юнкерами и нѣкоторыми еще безусыми офицериками танцовала за даму, что, впрочемъ, ей было во всѣхъ отношеніяхъ прилично. Но это все бы ничего, а то скверно, что въ эту пору болѣе чѣмъ когда развилась въ арміи страсть въ карточной игрѣ, которая поглощала и мѣсячное скудное жалованье бѣдняка и цѣлыя наслѣдственныя состоянія.

Возвращеніе съ этого начавшагося и ничѣмъ не кончавшагося похода было замѣчательно какъ-то скучно и вяло, ничѣмъ не ознаменовываясь. Многіе сѣтовали даже на постоянно хорошую погоду и желали дождя или непогоды въ видахъ нѣкотораго разнообразія.

Городомъ Великіе Луки, гдѣ были назначены зимнія квартиры Литовскаго полка, заключился походъ Литовцевъ. Эскадронъ, въ которомъ служила Дурова, поставленъ былъ въ селеніи Вязовщина.

Отсутствіе дѣятельности не нравилось ей и она уѣхала въ полковой штабъ, гдѣ и явилась къ полковому командиру, все тому же полковнику барону Штакельбергу, который за три года предъ симъ однажды хотѣлъ запугать ее разстрѣляніемъ. Теперь же она была въ хорошихъ отношеніяхъ съ Штакельбергомъ. Дурова явилась къ нему и безъ дальнѣйшихъ церомоній сказала:

— Отто Оттовичъ! отпустите меня въ Петербургъ недѣли на двѣ.

Штакельберъ отвѣчалъ, что этого нельзя теперь; время отпусковъ прошло и сверхъ того самъ Государь въ Петербургѣ.

— Впрочемъ, вы могли бы ѣхать съ казеннымъ порученіемъ, сказалъ онъ, подумавъ съ минуту.

— Съ какимъ, полковникъ? Если не выше моего понятія, такъ сдѣлайте милость дайте мнѣ это порученіе, исполнивъ которое я могу съ одной стороны принести нѣкоторую пользу службѣ, а съ другой и своему карману, такъ-какъ поѣздка такого рода по дѣламъ службы не заставляетъ раскошеливаться изъ собственнаго кармана.

— Въ полкъ недополучено изъ коммиссаріата холста, сапогъ, чешуи кое-что изъ оружія, да денегъ тринадцать тысячъ. Если хотите взяться, все это принять и привезти въ полкъ, такъ поѣзжайте, я дамъ вамъ предписаніе.

— Справлюсь ли я съ этимъ, полковникъ? Вѣдь я ничего тутъ не разумѣю.

— Да нечего и разумѣть; я дамъ вамъ опытнаго унтеръ-офицера и ловкихъ рядовыхъ; они все сдѣлаютъ, а вы должны будете взять только деньги изъ провіантскаго депо. Ну, а на случай какихъ недоразумѣній, посовѣтуйтесь съ нашимъ казначеемъ Бураго; все это вполнѣ по его части.

— Очень хорошо, полковникъ, я сейчас поѣду къ Бураго, спрошу его; и если обязанности этого порученія не выше моего понятія, то завтра же, если позволите, отправлюсь въ Петербургъ.

Отъ казначея, штабъ-ротмистра Бураго Дурова онъ не добилась никакого толка. На вопросъ ея, что ей должно будетъ дѣлать, если послѣдуетъ командировка за пріемомъ вещей, онъ отвѣчалъ:

— Соблюдать строгую честность!

— Какъ это? растолкуйте мнѣ.

— Не нужно никакихъ толкованій: будьте честны! Вотъ и все тутъ; другаго совѣта и наставленія я не могу дать вамъ, да и не для чего.

— А этотъ мнѣ не нуженъ! Чтобы быть честнымъ, я не имѣю надобности ни въ совѣтахъ, ни въ наставленіяхъ вашихъ.

— Не хорохорься, братъ! Молодъ еще; не всѣ случаи въ жизни перешелъ; я знаю, что понимаю, говоря: будь честенъ!»

Бурого упрямъ; Дурова знала. что если ужь онъ заладилъ: «будь честенъ, да будь честенъ!», что другаго ничего и не скажетъ. Вся сила, по мнѣнію Дуровой, была въ томъ опытномъ унтеръ-офицерѣ, котораго хотѣлъ дать ей Штакельбергъ. И она поѣхала въ Петербургъ чисто по-русски, «на авось!»

Бывши въ Петербургѣ, Дурова посѣщала различныя увеселительныя мѣста, и однажды во время одного концерта замѣтила среднихъ лѣтъ даму съ довольно величественнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то страннымъ лицомъ слишкомъ загорѣлымъ для женщины и въ особенности для дамы хорошаго общества. Она сидѣла рядомъ съ генераломъ Храповицкимъ, командовавшимъ въ то время лейбъ-гвардіи Измайловскимъ полкомъ. Но что всего болѣе въ дамѣ этой поражало,—это медаль на голубой лентѣ «за взятіе Парижа», которая блестѣла на черномъ бархатѣ ея щегольскаго платья. Тогда Дурова, сильно заинтересовавшись этою оригинальною дамою съ медалью, не утерпѣла, чтобъ не обратиться къ своему сосѣду, какому-то пожилому господину.

— Извините мою нескромность, ежели я, не имѣя чести быть

съ вами знакомъ, попрошу васъ сказать мнѣ, не знаете-ли вы фамилію этой дамы, подлѣ которой сидитъ Измайловскій генералъ?

Почтенный господинъ отвѣчалъ:

— Измайловскій генералъ командиръ Измайловскаго полка, извѣстный своею храбростью на войнѣ и своими доблестными подвигами, *Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій*, а дама эта—его супруга, урожденная Дедюлина, которую генералъ, будучи однако уже полковникомъ, увезъ изъ дома родительскаго. Она страстно его любитъ, и переодѣтая компатнымъ казачкомъ, дѣлала съ мужемъ своимъ всѣ кампаніи, вступивъ въ Парижъ съ Измайловскимъ полкомъ, почему и украшена медалью, которую вы на ней видите! О, такихъ героинь у насъ въ Россіи немного, да почти и нѣтъ!....»

— Однако, покраснѣвъ какъ макъ, сказала Дурова,—помнится въ Прусскую войну подъ Фридландомъ и Эйлау проявилась одна какая-то....

— Надежда Дурова, вы хотите сказать, перебилъ онъ ее.—Я самъ дѣлалъ эти кампаніи и награжденъ прусскимъ королемъ орденомъ, какой вы на мнѣ видите. Я въ ту пору ежели не близко, но все-таки нѣсколько зналъ эту замѣчательную семнадцатилѣтнюю *уланъ-дѣвицу*, имѣвшую видъ ребенка и отличавшуюся храбростью изумительной. Но она, бѣдняжка, не выдержала, была ранена и умерла на перевязочномъ пунктѣ Коннопольскаго полка, въ которомъ служила въ то время товарищемъ, то есть юнкеромъ.

— И вы убѣждены въ томъ, что эта бѣдная дѣвушка сдѣлалась жертвою войны?

— Увѣренъ столько въ ея преждевременной кончинѣ, какъ въ томъ, что я имѣю честь теперь въ этомъ антрактѣ съ вами разговаривать. Вѣдь мы, офицеры штаба арміи, и хоронили-то малютку съ военными почестями на свой счетъ. Я тогда же докладывалъ объ этомъ графу Ѳедору Ѳедоровичу (Буксгевдену), и его сіятельство

весьма одобрить изволилъ все то, что было сдѣлано въ честь этой ежели не *Орлеанской дѣвы*, то *дѣвушки-улана изъ Ирбита.*

Начало втораго отдѣленія концерта заставило говоруна прекратить свой разсказъ той самой малюткѣ, которую онъ такъ торжественно хоронилъ. По окончаніи концерта, когда всѣ стали выходить изъ залы, Дурова потеряла изъ вида говорившаго съ нею.

Нѣкто *Долинскій* управлялъ въ то время коммиссаріатомъ, почему Дуровой приходилось видаться съ нимъ довольно часто. Этотъ господинъ, впрочемъ весьма не глупый, принялъ въ первый разъ Дурову съ ея Георгіевскимъ крестомъ за кадетика, только что выпущеннаго изъ корпуса въ полкъ, и крайне удивился, когда узналъ отъ нея, что она уже девять лѣтъ въ службѣ и восемь въ офицерскихъ чинахъ.

Въ это время, при пріемѣ вещей, недопринятыхъ Литовскимъ полкомъ, уланы, составлявшіе пріемочную команду, при пріемкѣ мастерски плутовали. Они каждый день, по окончаніи пріема, говорили своему офицеру, т. е. Дуровой:

— Сегодня, ваше благородіе, у насъ въ экономіи столько-то.

Сначала она не понимала, что это за «экономія», но потомъ убѣдилась, что эта экономія ни болѣе, ни менѣе, какъ плутовство на пользу, конечно полка, состоявшее въ томъ, что они принимали холстъ на мѣру, и тутъ же обмѣривали сдатчика, не успѣвавшаго услѣдить за всѣми. Повидимому, опытный казначей Бураго въ этомъ-то домашнемъ хищничествѣ и понималъ ту «честность», о которой проповѣдывалъ ей. Она имѣла—было намѣреніе остановить эти продѣлки своею властью пріемщика, но нѣсколько искренно къ ней расположенныхъ людей посовѣтовали ей смотрѣть на все сквозь пальцы и не дѣлать, какъ говорится, изъ мухи слона, тѣмъ болѣе, что все это дѣлалось съ цѣлью доставить пользу полку, а не въ видахъ личной корысти. Съ прибытіемъ *опытнаго* унтеръ-офицера,

командированнаго барономъ Штакельбергомъ, пріемка пошла уже совсѣмъ какъ по маслу *).

Дурова, помня милостивое къ ней заочно расположеніе графа Алексѣя Андреевича, вмѣнила себѣ въ обязанность явиться къ нему, квартировавшему въ Петербургѣ въ такъ называемомъ *Аракчеевскомъ домѣ* (на углу Кирочной и Литейной улицъ). Этотъ длинный, одноэтажный деревянный съ желѣзною зеленою крышкою домъ строенъ необычайно прочно, *по аракчеевски*, и прочно стоитъ понынѣ. Графъ принялъ Дурову прекрасно; взявъ ее за руку, сказалъ ей, что ему очень пріятно узнать *господина Александрова* лично, при чемъ обязательно припомнилъ, что по письмамъ ея выполнилъ все безотлагательно и съ полнѣйшимъ удовольствіемъ. — Дурова отвѣчала, что священною обязанностью сочла явиться къ его сіятельству повторить лично и устно свою глубокую благодарность за милостивое вниманіе. Графъ простился съ нею, увѣряя въ готовности своей дѣлать все для нея угодное, очевидно показывая въ разговорѣ съ поручикомъ армейскаго полка вѣжливость и любезность къ женщинѣ, такъ какъ естественно Александръ Павловичъ не скрылъ этой тайны передъ графомъ Аракчеевымъ, отъ котораго онъ ничего не скрывалъ.

Покончивъ въ теченіе двухъ недѣль свои служебныя дѣла въ Петербургѣ, проживъ все время у своего дяди, Дурова отправилась въ Великіе Луки, гдѣ находился штабъ Литовскаго уланскаго полка, и нашла возможность получить уже не двухнедѣльный, а четырехмѣсячный отпускъ въ Ирбитъ.

Здѣсь она была вполнѣ въ семейномъ кругу, но ни за что не

---

*) Добрые люди, совѣтовавшіе Дуровой ничего не обличать и считавшіе злоупотребленія, дѣломъ очень обыкновеннымъ, были сами по себѣ люди очень хорошіе; но за 70 лѣтъ предъ симъ, въ 1815—16 годахъ такія были понятія нашемъ обществѣ, которыя нынче, при большемъ развитіи, будетъ порицать самый младшій военный чинъ. В. Б.

хотѣла быть Надеждой Андреевной Дуровой, а Александромъ Андреевичемъ Александровымъ и постоянно ходила въ своемъ синемъ уланскомъ сюртукѣ.

Зная страсть своего *улана-гусара-дѣвицы*, какъ отецъ называлъ свою дочь Надежду, къ неукротимымъ лошадямъ, отецъ не менѣе раза въ недѣлю доставалъ ей изъ татарскихъ косяковъ какого нибудь длинногриваго степнаго аргамака, съ которымъ никто не могъ сладить, и отдавалъ его на выучку своей Надѣ, которая съ наслажденіемъ, побившись дней девять, доводила свирѣпаго татарина до совершеннѣйшей кротости. И старый гусаръ тщеславился и восхищался берейторскими и наѣздническими способностями и вкусами своей дорогой Нади.

Не говоря уже о жителяхъ города Ирбита и окрестныхъ мѣстъ, но чуть-ли не изъ всѣхъ уѣздовъ Пермской губерніи знакомые и незнакомые пріѣзжали въ Ирбитъ съ единственною цѣлью познакомиться съ удивительною *дѣвицею*, которую иные называли *герой-дѣвица*, зная отъ стараго Дурова подробности многихъ ея подвиговъ.

Но, странное дѣло, казалось бы среди доброй семьи и многочисленныхъ друзей своей семьи, Дуровой должно бы было быть вполнѣ пріятно и пора бы было оставить бурную и непостоянную жизнь воина, столь несвойственную женщинѣ и въ особенности дѣвицѣ; но она изъ этого ирбитскаго затишья уносилась постоянно мыслями въ свой полкъ, въ свой эскадронъ и жаждала новыхъ подвиговъ и трудовъ военныхъ. Однако, убѣжденія и даже слезы старика отца, младшая дочь котораго была замужемъ и не при отцѣ, а младшій сынъ Василій въ рядахъ лихихъ Литовцевъ, отъ которыхъ ни за что не хотѣлъ удалиться, — пересилили въ Надеждѣ ея пристрастія. Она, по окончаніи своего четырехмѣсячнаго отпуска въ Ирбитѣ, ускакала въ скучные Великіе Луки, для того, чтобы привести въ порядокъ свои полковыя дѣлишки и подать по формѣ прошеніе объ увольненіи въ чистую отставку съ чиномъ штабсъ-

—

ротмистра и съ правомъ ношенія уланскаго Литовскаго мундира, съ которымъ она никогда не разставалась и въ какомъ она положена въ гробъ по кончинѣ, послѣдовавшей въ одномъ изъ сороковыхъ годовъ.

Вотъ какія мысли волновали ее по случаю выхода въ отставку.

«Сегодня—пишетъ она въ своемъ дневникѣ отъ 18 сентября 1816 года—я уѣзжаю. Батюшка, прощаясь со мною, сказалъ: «Не пора ли оставить мечь? Я ветшаю, мнѣ нуженъ покой и замѣна въ хозяйствѣ; подумай объ этомъ»—Я испугалась такого предложенія!... Мнѣ казалось, что вовсе не надобно никогда оставлять меча, а особливо въ мои лѣта (ей было 27 лѣтъ). Что я буду дѣлать дома? Такъ рано осудить себя на мертвящія душу занятія хозяйствомъ! Но отецъ хочетъ этого!... Его старость!... Ахъ! нечего дѣлать. Надобно сказать всему прости!..... и свѣтлому мечу, и доброму коню.... друзьямъ!.... веселой жизни!.... ученью, парадамъ, конному строю! скачкѣ, рубкѣ.... всему, всему конецъ! Все затихаетъ, какъ не бывало, и одни только незабвенныя воспоминанія будутъ сопровождать меня на дикіе берега Камы, въ тѣ мѣста, гдѣ цвѣло дѣтство мое, гдѣ я обдумывала необыкновенный мой планъ!»

....«Минувшее, счастье!.... Слава!.... Опасности!.... Шумъ!.. блескъ!... жизнь кипящая дѣятельностью!.... *Прощайте*.

Къ сожалѣнію, намъ ничего неизвѣстно, какъ проведены были въ семьѣ 14 лѣтъ, съ 1816 по конецъ 1830 года.

Сколько намъ было извѣстно, пріѣздъ въ Петербургъ въ 1830 году Надежды Дуровой имѣлъ въ своемъ основаніи желаніе ея оказать помощь замужней и въ то время овдовѣвшей сестрѣ, по мужѣ Сыромятниковой. Такъ какъ мужъ всю жизнь свою служилъ по горному вѣдомству, то и слѣдовало ходатайствовать у министра финансовъ графа Канкрина, въ вѣдѣніи котораго тогда находилось горное вѣдомство. — Дѣло шло о томъ, чтобы всѣ четверо дѣтей госпожи Сыромятниковой, все малолѣтніе, два сына и двѣ дочки,

были определены въ различныя учебныя заведенія на счетъ Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ.

Случай съ картиной, подаренной Императрицей Надеждѣ Андреевнѣ, былъ предметомъ городскихъ разговоровъ, а потому она была въ ходу въ обществѣ, что конечно, не мало содѣйствовало тому, что ходатайство ея за ея племянниковъ и племянницъ попало на хорошую дорогу и добрая ихъ тетка, *уланъ-гусаръ-дѣвица*, могла уѣхать изъ Петербурга вполнѣ довольная и счастливая тѣмъ, что сиротки эти всѣ были опредѣлены на казенный счетъ: дѣвочки въ Смольный, а мальчики въ первый кадетскій корпусъ.

КОНЕЦЪ.

